ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION RUSSIAN INSTITUTE FOR CULTURAL RESEARCH

NIKOLAI NEVSKY: HIS LIFE AND LEGACY

Proceedings

St. Petersburg State University Faculty of Philology St. Petersburg 2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ: ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ

Сборник статей

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета Санкт-Петербург 2013 Издание выполнено при поддержке Японского фонда

Составление и ответственное редактирование *Е. С. Бакшеев, В. В. Щепкин*

Н40 **Николай** Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е. С. Бакшеев и В. В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН, Российский ин-т культурологии. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 292 с., ил.

ISBN 978-5-8465-1255-9

В сборник вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, основанные на докладах, представленных в рамках «Невских чтений» — международного симпозиума в честь 120-летия со дня рождения выдающегося российского востоковеда Николая Александровича Невского (1892–1937). Проблематика статей определена разносторонним характером исследований, которым посвятил себя ученый: мифология, синто, айноведение, язык и культура Рюкю, тангутоведение и др.

ББК 81.2Яп+63.3(5Яп)

[©] Институт восточных рукописей Российской академии наук, 2013

[©] Российский институт культурологии Министерства культуры РФ, 2013

[©] С. В. Лебединский, оформление, 2013

Памяти Николая Александровича Невского

ПРЕДИСЛОВИЕ

3–5 октября 2012 г. Институтом восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) при участии Российского института культурологии (Москва) был организован международный симпозиум «Невские чтения», посвященный 120-летию со дня рождения выдающегося ученого Николая Александровича Невского (1892–1937)¹. Настоящий сборник включает статьи, подготовленные на основе докладов, которые были представлены на этом научном мероприятии.

В российском востоковедении Н. А. Невский известен в первую очередь как тангутовед, исследователь письменного наследия исчезнувшего народа тангутов, обитавшего в Центральной Азии в X–XIII вв. Одной из основных задач симпозиума «Невские чтения» стало обсуждение вопросов, связанных с другой важнейшей стороной научного наследия Н. А. Невского, — японской диалектологией, а также изучением региональных и локальных особенностей исчезающих культур малых народов Дальнего Востока — айнов, рюкюсцев и др.

Н. А. Невский родился 1 марта 1892 г. в Ярославле в семье следователя Ярославского окружного суда. Он рано осиротел и оказался сначала на попечении деда с бабкой, а затем тетки, старшей сестры матери. С раннего детства Н. А. Невский являл собой пример выдающегося трудолюбия и ответственности. В 1936 г. он написал в своей автобиографии: «В связи с тем, что тетка не имела больших средств, мне уже с 4-го класса гимназии приходилось самому изыскивать средства для поддержания существования тетки, репетируя и давая уроки гимназистам и гимназисткам младших классов»². В 1909 г. он окончил гимназию в городе Рыбинске. Затем год учился в Технологическом институте в Санкт-Петербурге, в 1910 г. по-

 $^{^1}$ Симпозиум был организован при поддержке Японского фонда (проект № 24 RIE-RC E-12047).

 $^{^2 \}mbox{Автобиография.}$ (Архивная копия) // Архив востоковедов ИВР РАН. Опись фонда 69 (Н. А. Невский). С. 1.

Предисловие 7

ступил на Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1914 г. В университете Н. А. Невский сначала специализировался в китайском языке, а затем решил полностью посвятить себя японской филологии. Среди его учителей были В. М. Алексеев и А. И. Иванов, он посещал также курсы лекций Л. Я. Штернберга. По окончании университета Н. А. Невский был оставлен при кафедре японоведения для подготовки к профессорскому званию, параллельно работая в нумизматическом отделе Эрмитажа.

В 1915 г. Н. А. Невский был направлен на стажировку в Японию на два года, но в связи с революцией и гражданской войной в России остался там на несколько лет. В 1919–1922 гг. он преподавал русский язык в Высшем коммерческом институте города Отару на Хоккайдо, затем работал в Колледже иностранных языков в Осаке и преподавал в Киотоском университете. Войдя в круг основоположника японской этнографии Янагида Кунио, Н. А. Невский явил собой замечательный пример российско-японского научного и культурного взаимодействия и внес значительный вклад в формирование японской этнографии, фольклористики и диалектологии. Он совершил несколько экспедиций на Хоккайдо, острова Рюкю и Тайвань. В 1925 г. во время короткого визита в Китай Н. А. Невский посетил работавшего тогда в представительстве СССР в Пекине А. И. Иванова, своего университетского учителя. От него он получил фотографии текстов на тангутском языке из материалов, доставленных в 1909 г. в Санкт-Петербург экспедицией П. К. Козлова. С этого времени Н. А. Невский стал работать над дешифровкой тангутской письменности. Несколько ранних статей по тангутоведению он опубликовал в Японии, некоторые — в соавторстве с Исихама Дзюнтаро.

В первую очередь ради того, чтобы иметь возможность непосредственно работать с тангутскими письменными памятниками, Н. А. Невский принял решение вернуться в СССР. Почти три года он хлопотал об этом и в 1929 г. вернулся в Ленинград, где сразу же был принят доцентом в Ленинградский государственный университет и Ленинградский институт истории, философии и литературы. В 1930 г. по приглашению С. Ф. Ольденбурга Н. А. Невский был принят в Институт востоковедения АН СССР, а с 1934 г. стал работать также в Государственном Эрмитаже.

Притом, что формально Н. А. Невский был связан с несколькими

Притом, что формально Н. А. Невский был связан с несколькими научными и образовательными учреждениями Ленинграда, главным местом своей службы он считал ИВ АН. В автобиографии он оставил такое свидетельство: «Я по своему складу более всего чувствую

удовлетворение при исследовательской работе и т[аким] обр[азом] считаю работу в Институте востоковедения наиболее соответствующей моим знаниям и способностям»³.

Институт востоковедения был организован на основе Азиатского музея в 1930 г., как раз в это время Н. А. Невский находился в Ленинграде. Основными задачами вновь созданного учреждения стали, прежде всего, обоснование политики Советского Союза на Востоке, а также составление иностранно-русских словарей на восточных языках и грамматик языков в первую очередь Советской Средней Азии. Наряду с решением новых актуальных задач Институт должен был продолжать обработку и изучение богатейших рукописных фондов, хранителем которых всегда был Азиатский музей.

Материалы Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 гг. поступили в Азиатский музей в 1912 г. Эта уникальная коллекция рукописей и старопечатных книг была обнаружена во время раскопок в мертвом городе Хара-Хото (на территории нынешней Внутренней Монголии, Китай). Первым к работе с памятниками на тангутском языке приступил А. И. Иванов, который опубликовал по ним несколько статей.

После возвращения в Ленинград Н. А. Невский отдал тангутскому фонду весь свой талант и силы, и именно благодаря его усилиям тангутоведение превратилось в самостоятельную отрасль востоковедения. За семь лет работы с фондом Н. А. Невский выполнил его первичную обработку; отделил буддийскую часть от небуддийской; выделил наиболее ценные памятники, прежде всего словари; наметил многолетний план исследований и издания памятников тангутской письменности; подготовил рабочий словарь тангутского языка на 6000 знаков. 20 марта 1935 г. он выступил на сессии Академии наук с докладом «Тангутская письменность и ее фонды», в котором впервые представил полный обзор дошедших до нас памятников на тангутском языке.

В 1930-е гг. Н. А. Невский создает свои основные научные работы: «Тангутская письменность и ее фонды», «О наименовании Тангутского государства», «Культ небесных светил в Тангутском государстве XII века», «Материалы для изучения тангутского произношения» и др. В 1937 г. по плану он должен был завершить «Исследование произношения тангутских идеографов на основании тангутских словарей и кратких фонетических таблиц». Но его блестящая и плодо-

 $^{^3}$ Автобиография. (Архивная копия) // Архив востоковедов ИВР РАН. Опись фонда 69 (Н. А. Невский). С. 2.

Предисловие 9

творная работа оборвалась внезапно: 4 октября 1937 г. он был арестован, а 24 ноября того же года расстрелян по ложному обвинению. Реабилитирован Н. А. Невский был в 1957 г. Его неопубликованные статьи по тангутоведению были подготовлены к печати З. И. Горбачевой и увидели свет уже после его смерти в 2-томнике «Тангутская филология» (М., 1960). Этот труд был удостоен высшей государственной награды СССР — Ленинской премии за 1962 г.

Как тангутовед Н. А. Невский известен прежде всего в России, на Западе и в Китае. В Японии же его больше знают как лингвиста и фольклориста, сподвижника Янагида Кунио и одного из основоположников японской этнографии, фольклористики, диалектологии. Работу по диалектологии Н. А. Невский не оставлял и в Ленинграде, при жизни опубликовав работу «Материалы по говорам языка цоу» (М.; Л., 1935).

Симпозиум «Невские чтения» стал попыткой привлечь внимание специалистов к научным дисциплинам, которые входили в сферу интересов Н. А. Невского наряду с тангутоведением: изучение фольклора айнов, язык, фольклор и этнография Рюкю, изучение синтоизма. В публикуемых материалах симпозиума представлены статьи, тематика которых задана основными направлениями творчества Н. А. Невского. Ряд статей резюмирует заслуги ученого в различных областях востоковедения: изучение тангутского языка (Аракава Синтаро), японская филология (В. М. Алпатов), язык и фольклор айнов (Тангику Ицудзи), фольклор и язык островов Мияко (Е. С. Бакшеев).

Как и международный симпозиум «Невские чтения», данный сборник является нашей данью памяти выдающегося востоковеда Николая Александровича Невского.

И. Ф. Попова, директор Института восточных рукописей РАН

РАЗДЕЛ 1. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Н. А. НЕВСКОГО

В. П. Зайцев

К ВОПРОСУ О ДАТЕ РОЖДЕНИЯ Н. А. НЕВСКОГО

Известно, что Николай Александрович Невский родился в Ярославле 18 февраля (старого стиля) 1892 года. Эта дата зафиксирована в многочисленных документах и не вызывает сомнений. Например, Е. И. Кычанов, собирая материалы для своей книги «Звучат лишь письмена» (1965)¹, обнаружил в Рыбинском филиале Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО)² следующее метрическое свидетельство о рождении и крещении Н. А. Невского:

¹ В личной беседе Е. И. Кычанов затруднился назвать точную дату, когда он работал в архиве г. Рыбинска, однако уточнил, что было это единственный раз между 1963 и 1965 гг. После присуждения Н. А. Невскому Ленинской премии в 1962 г., весной 1963 г. он и Е. И. Лубо-Лесниченко были приглашены в Москву в качестве консультантов для работы над документальным фильмом «Семь веков спустя» («Моснаучфильм», 1963, режиссер А. А. Бабаян; Рец. см.: *Сулькин М.* Тайна семи веков // Советский экран. 1964. № 2(170). С. 17). По окончании этой работы он отправился в Рыбинск, где и собрал материалы для своей книги «Звучат лишь письмена», опубликованной в 1965 г. Отмечу, что эти же материалы были использованы Е. И. Кычановым для биографии Н. А. Невского, написанной им совместно с Л. Л. Громковской и опубликованной в 1978 г.

² В то время фонды архива располагались в Казанской и кладбищенской Георгиевской церквях (ср.: «Рыбинский городской архив помещается в кладбищенской церкви, стоящей в центре того самого Георгиевского кладбища...» (Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978. С. 13). В 1981 г. архивные фонды из бывшей Казанской церкви были перемещены в здание Спасо-Преображенского собора, куда в 1990 г. были перемещены и фонды из Георгиевской церкви. В 1999 г. архив переехал из собора в здание конструкторского бюро «Луч», где располагается и поныне (152920, г. Рыбинск, бульвар Победы, д. 25). Подробнее см.: Буракова Е. А., Ваганова Е. И. 90 лет со дня образования Рыбинского губернского архива // Государственный архив Ярославской области: [сайт]. Ярославль, 09.10.2011. URL: http://www.yararchive.ru/publications/details/39/ (дата обращения: 13.08.2012). О церквях см.: Старый Рыбинск. История города в описаниях современников XIX—XX вв. Рыбинск, 1993. С. 153—156, 209—213, 213—214, 216—218.

Свидетельство

По указу Его Императорского Величества из Ярославской духовной консистории выдано сие свидетельство в том, что в метрических книгах Ярославской градской Спасо-Нагородской церкви³ за 1892 год, в части первой о родившихся под номером первым мужеска пола значится: у коллежского секретаря Александра Александровича Невского и законной жены его Елены Николаевой, обоих исповедания православного, младенец Николай родился 18, крещен 23 февраля 1892 года; восприемниками были: губернский секретарь Александр Александрович Невский и жена Протоиерея Рыбинского Собора Ольга Васильевна Соснина. Свидетельство сие гербовым сбором оплачено апреля 29-го дня, 1900 года.

Член консистории священник Александр Бенедиктов⁴.

Иначе обстоит дело с датой по новому стилю. В 2009 г. работая с материалами из фонда Н. А. Невского в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН), я обнаружил, что дата его рождения по новому стилю отличается в различных документах и публикациях. При этом все они были неправильные, и здесь необходимы некоторые пояснения.

Замена юлианского календаря григорианским произошла в России в феврале 1918 года⁵. Многие знают, что для пересчета юлианских

³ Церковь Спаса на Городу (Спаса Преображения на Городу) построена в 1672 г., расписана в 1693 г. Главный престол *Происхождения Честных Древ Креста Господня*, приделы *Николая Чудотворца* (обращен в теплую церковь) и *Архидиакона Стефана*. Закрыта в 1929 г. (Храмы Ярославля в фотографиях конца XIX — начала XX века. Ярославль, 2001. С. 50). В июле 2003 г. передана Русской Православной Церкви. Располагается по адресу: г. Ярославль, ул. Почтовая, д. 3.

Метрические книги церкви хранятся в Государственном архиве Ярославской области в Ярославле. М. Икута указывает следующий шифр записи о рождении Н. А. Невского: ГАЯО. Ф. 230 [Ярославская духовная консистория]. Оп. 11. Д. 5. Л. 446об.—447. (Икута Митико 生田美智子. Ёсёнэн дзидай-но Нэфусукй 幼少年時代のネフスキー (Детство и отрочество Н. А. Невского) // Осака гайкокуго дайгаку ронсю 大阪外国語大学論集. 2002. № 26. С. 23—39. — С. 25; С. 38, примеч. 13).

⁴ Документ опубликован в 1978 г. (см. табл. 1, № 1). Судя по дате оплаты гербового сбора, это свидетельство было подготовлено родителями Николая перед его поступлением в Рыбинскую мужскую гимназию, что и произошло 15 августа 1900 г. (по старому стилю). Поскольку при публикации документа его точное местонахождение в архиве не было указано, то на основании вышеизложенного можно предположить, что он находится в фонде Рыбинской мужской гимназии РФ ГАЯО.

⁵ См.: «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря» от 24 января (6 февраля) 1918 года (Декреты Советской власти. Т. І. М., 1957. С. 404–405. № 272). Декрет принят Советом Народных Комиссаров и подписан В. И. Ульяновым-Лениным. Согласно Декрету, после 31 января 1918 года (старого стиля) следовало 14 февраля (нового стиля).

дат (старый стиль) на григорианские (новый стиль) необходимо прибавить 12 дней (суток) для дат XIX в., 13 дней для дат XX и XXI вв., 14 дней для дат XXII в. и т. п. Однако при этом нередко забывают о наличии и частичном несовпадении високосных годов в обоих календарях, а также о «критических» датах, после которых изменяется поправка для пересчета дат с юлианского на григорианский календарь. Например, промежуток времени по юлианскому календарю, когда для пересчета дат внутри него на григорианский календарь необходимо прибавить 12 дней, длится с 1 марта 1800 г. по 29 февраля 1900 г., при этом 1900 год является високосным по юлианскому календарю и обычным — по григорианскому⁶.

Учитывая, что год рождения Н. А. Невского приходится на XIX век (т. е. необходимо прибавить 12 дней к дате по старому стилю) и был високосным (т. е. в феврале 1892 года было 29 дней), получим, что Николай Александрович Невский родился 1 марта 1892 года по новому стилю. При этом официальной датой его рождения на тот момент (2009 г.) считалось 2 марта, а до этого — 3 марта, что меня заинтересовало. Для выяснения причин этих ошибок я решил провести анализ доступных источников, результаты которого сведены в таблицу 1 (для экономии места я привожу данные только из некоторых просмотренных мной материалов, поскольку даты в большинстве из них повторяют друг друга).

Анализ полученных данных показал, что ошибки встречаются в датах как нового, так и старого стиля, а также то, что они достаточно «живучи». Мне удалось найти всего лишь одну публикацию, в которой дата рождения Н. А. Невского по новому стилю указана верно — это статья А. Алексеева «Ожившие письмена», опубликованная в журнале «Библиотека» в 1992 г. (см. № 14 в табл. 1).

Документы свидетельствуют (см. № 5–6 в табл. 1 и Приложение), что сам Невский при приеме на работу в Институт востоковедения АН СССР в 1930 году считал датой своего рождения 3 марта (однако неизвестно как долго, а также при каких обстоятельствах возникло это недоразумение⁷). Легко увидеть, что эта дата — 3 марта — получена

 $^{^6}$ Каменцева Е. И. Хронология. Учебное пособие для студентов вузов / 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 98–100; *Ермолаев И. П.* Историческая хронология. Казань, 1980. С. 99, 160.

 $^{^7}$ Л. В. Черепнин отмечает, что подобная ошибка была распространена (видимо, в первой трети ХХ в. — В. 3.): «Мы привыкли считать, что "старый стиль" отстает от "нового" на 13 суток. <...> Но не все отдают себе отчет, откуда происходит эта разница на 13 суток между двумя календарными "стилями". Не умея объяснить этого обстоятельства, многие впадают в грубую ошибку, когда желая выразить по "новому стилю" неко-

в результате двух ошибок в расчетах: к дате старого стиля вместо 12 добавлено 13 дней (как для даты XX в.), при этом не была учтена високосность 1892 года (см. табл. 2). В дальнейшем эта дата, зафиксированная в архивных документах, была принята исследователями без проверки и в 1962 г. 70-летие Н. А. Невского отмечали 3 марта.

Кто впервые заметил, что дата неверна — неизвестно, однако произошла ее очевидная коррекция. К дате по старому стилю стали добавлять верную для XIX в. поправку в 12 дней, но, к сожалению, опять без учета високосности 1892 года. В результате в 1972 г. 80-летие, а также все последующие юбилеи Н. А. Невского, отмечали 2 марта. Публикации дочери ученого — Елены Николаевны Невской (Владимирцовой) показывают, что и она считает днем рождения своего отца 2 марта (см. № 17 в табл. 1).

Хотя это и маловероятно, но для полноты картины отмечу, что ошибочные даты рождения могли появиться и вследствие не столь редкого заблуждения, что пересчет дат старого стиля на новый необходимо производить с поправкой, характерной для текущего века, а не века совершения события (как это происходит, например, для церковных праздников, отмечаемых по юлианскому календарю). При этом для дат, приходящихся на середину — конец февраля по старому стилю, необходимо учитывать и текущий год, поскольку при пересчете будет наблюдаться передвижка дат нового стиля, вызванная разным числом дней в феврале (это не столь очевидно, поэтому иногда игнорируется). Следуя этому, 18 февраля старого стиля XIX в. будет соответствовать 1 или 2 марта нового стиля в XIX в. и 2 или 3 марта в XX—XXI вв. 8 Но такой подход не только противоречит

торые даты прошлых столетий (XIX-го, XVIII-го и более ранних), не долго думая, увеличивают их на 13 суток». (*Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944. С. 15). Наиболее известным примером ошибки подобного рода является неточность, допущенная при пересчете даты рождения А. С. Пушкина со старого стиля (26 мая 1799 г.) на новый (6 июня 1799 г.). Из-за нее день рождения Пушкина отмечался 8 июня в 20-х гг. ХХ в. и лишь позднее эта дата была скорректирована. Подробнее см.: *Ходасевич В. Ф.* К истории «Дней русской культуры» (1927) // *Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени: в 3 т. / Под ред. Р. Хьюза. Oakland, 2001. (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts; Vol. 43). Т. 2. С. 86–88.

 $^{^{8}}$ Можно привести следующие примеры передвижек дат нового стиля при пересчете со старого (они будут такими же и в другие годы):

XIX в. (поправка + 12 дней): 18.02(01.03).1892 (високосный год), 18.02(02.03).1893 (невисокосный год);

^{10.02(02.03).1073 (}певисокое

[«]критический» год (меняется поправка):

^{18.02(02.03).1900 (}юлианский год — високосный, григорианский — нет);

принципам перевода дат, выработанным исторической наукой в области хронологии, но и неверен, поскольку не учитывает особенности календарей (причины, по которым они не совпадают)⁹. Например, 18 февраля 2020 г. по старому стилю не будет соответствовать тому же дню в году (исходя из положения солнца), что и 18 февраля 1892 г. Вызвано это неточностью юлианского календаря, который накапливает погрешность в одни сутки каждые 128 лет. Григорианский календарь в этом отношении более точен (но отнюдь не совершенен) и накапливает такую же погрешность примерно за 3300 лет¹⁰. Именно поэтому даты исторических событий пересчитываются на новый стиль относительно века, в котором они произошли, и не корректируются в будущем¹¹.

Таблица 1 Дата рождения Н. А. Невского в источниках

№	Источник	Дата рождения (ст. стиль, нов. стиль)	Примечание		
	ДОКУМЕНТЫ				
1 2	Свидетельство из Ярославской духовной консистории [Метрическое свидетельство о рождении и крещении Н. А. Невского]. Оплачено гербовым сбором 29 апреля 1900 г. (по старому стилю). Карточка на гимназиста Невского Николая.	18.02.1892	Тексты опубликованы: <i>Гром-ковская Л. Л., Кычанов Е. И.</i> Николай Александрович Невский. М., 1978. (Русские восто-		
3	Дата в публикации не указана. Свидетельство об окончании университета. Выдано 9 апреля 1914 г. (по старому стилю).		коведы и путешественники). С. 8–9, 13, 36–37.		

XX в. (поправка + 13 дней): 18.02(03.03).1901 (невисокосный год), 18.02(02.03).1904 (високосный год).

⁹ Критический разбор такого метода «соотнесения дат» (вместо пересчета) см.: *Пчелов Е. В.* Когда праздновать годовщину Бородинской битвы? (Решение простой хронологической задачи) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IX Всероссийской научной конференции (Бородино, 4–6 сентября 2000 г.). М., 2001. С. 222–230.

¹⁰ Климишин И. А. Календарь и хронология / 2-е изд., перераб. и доп. М., 1985. С. 56–61. *Ермолаев И. П.* Указ. соч. С. 98.

 $^{^{11}}$ О практике датировки событий и документов XVIII — начала XX вв. см., например: Каменцева Е. И. Указ. соч. С. 112-118.

Продолжение табл. 1

			I		
№	Источник	Дата рождения (ст. стиль, нов. стиль)	Примечание		
4	Аттестат зрелости. Дата: 4 июня 1909 г. (по старому стилю).	18.02.1892	Фотокопия документа из ЦГИА опубликована: Сирё га катару Нэфусукй 資料が語るネフスキー (Невский, как о нем рассказывают [архивные и печатные] материалы) / Сост. Икута Митико 生田美智子. Миноо, 2003. С. 216*.		
5	Анкета для сотрудников Академии наук СССР. Бланк, заполненный Н. А. Невским. Дата заполнения: 26 октября 1930 г.	— 03.03.1892	АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426 (Невский Николай Александрович. Личное дело). Л. 1. Публикуется в Приложе- нии к настоящей статье.		
6	Curriculum vitae Николая Александровича Невского. Автограф Н. А. Невского. Дата: 27 октября 1930 г.	18.02.1892 03.03.1892	АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426 (Невский Николай Александрович. Личное дело). Л. 2—20б. Публикуется в Приложении к настоящей статье.		
	ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ				
7	<i>Громковская Л. Л., Кычанов Е. И.</i> 70-летие со дня рождения Н. А. Невского // Народы Азии и Африки. 1962. № 4. С. 245–246.		Повтор дат, известных по архивным материалам (см. № 5–6).		
8	Кычанов Е. И. Звучат лишь письмена. М., 1965. (По следам исчезнувших культур Востока). См.: С. 90.	18.02.1892			
9	Катō Къōдзō 加藤九祚. Кайсэ- пу: Никорай Нэфусукй-но сёгай 解説: ニコライ・ネフスキー の生涯 (Комментарий: Жизнь Николая Невского) // Н. Нэфусукй N. ネフスキー. Цуки-то фуси 月と不死 (Луна и бессмертие) / Сост. Ока Масао 岡正雄. Токио, 1971. (Тōēбунко 東洋文庫; 185). C. 261–351. См.: С. 261.	18.02.1892			

^{*} Я искренне признателен профессору Митико Икуте за подаренный мне экземпляр этой ценной книги.

Продолжение табл. 1

	_	
Источник	Дата рождения (ст. стиль, нов. стиль)	Примечание
Кычанов Е. [К 80-летию со дня рождения Н. А. Невского:] Выдающийся востоковед // Азия и Африка сегодня. 1972. февраль. № 2. С. 49.	18.02.1892 02.03.1892	Дата по новому стилю скорректирована (добавлено 12 дней для XIX в.), однако не учтен високосный год. Эта ошибочная дата становится «устоявшейся» и повторяется в большинстве источников.
Катō Кіōдзō 加藤九祚. Тэн-но хэби. Никорай Нэфусукӣ-но сёгай 天の蛇. ニコライ・ネフスキー の生涯 (Небесная змея. Жизнь Николая Невского). Токио, 1976. См.: С. 353.	06.02.1892	Очевидная ошибка, которая вызвана либо неправильным пересчетом даты из старого стиля в новый (т. е. вычитанием 12 дней с даты 18.02 для XIX в. вместо прибавления), либо неверной интерпретацией даты 18.02 как даты по новому стилю и пересчетом ее в старый. М. Икута также указывает на эту ошибку (см. ниже № 20).
Невский Николай Александрович [19.II.(3.III.).1892—14.II.1945] // Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 380—381.; [Доп. тираж, с доп.]. М., 1977. С. 380—381.	19.02.1892 03.03.1892	Обе даты ошибочны. Поскольку дата 19.02 не фигурирует в источниках, то наиболее вероятно, что был произведен обратный пересчет ошибочной даты 03.03 на дату старого стиля (вычет 12 дней для XIX в. без учета високосного года, либо вычет 13 дней для XX в. с учетом високосного года).
Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978. (Русские востоковеды и путешественники). См.: С. 8.	18.02.1892 02.03.1892	Наиболее известные даты (см. примечание к № 10).
Алексеев А. Ожившие письмена. 100 лет со дня рождения Н. А. Невского // Библиотека. 1992. № 5–6. С. 52–54.	01.03.1892	Единственная обнаруженная мной публикация, в которой дата рождения Н. А. Невского по новому стилю указана верно.
van Driem G. Ancient Tangut manuscripts rediscovered // Linguistics of the Tibeto-Burman Area. Spring 1993. Vol. 16, No. 1. P. 137–155. Cm.: P. 138.	19.02.1892 03.03.1892	Повтор ошибочных дат из первого издания словаря С. Д. Милибанд (см. № 12).
	Кычанов Е. [К 80-летию со дня рождения Н. А. Невского:] Выдающийся востоковед // Азия и Африка сегодня. 1972. февраль. № 2. С. 49. Като Кюдзо 加藤九祚. Тэн-но кэби. Никорай Нэфусукй-но сёгай 天の蛇. ニコライ・ネフスキーの生涯 (Небесная змея. Жизнь Николая Невского). Токио, 1976. См.: С. 353. Невский Николай Александрович [19.II.(3.III.).1892—14.II.1945] // Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 380—381.; [Доп. гираж, с доп.]. М., 1977. С. 380—381. Промковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978. (Русские востоковеды и путешественники). См.: С. 8. Алексеев А. Ожившие письмена. 100 лет со дня рождения Н. А. Невского // Библиотека. 1992. № 5—6. С. 52—54. Уап Driem G. Ancient Tangut manuscripts rediscovered // Linguistics of the Tibeto-Burman Area. Spring 1993. Vol. 16, No. 1. P. 137—155.	Кычанов Е. [К 80-летию со дня рождения Н. А. Невского:] Выдающийся востоковед // Азия и Африка сегодня. 1972. февраль. № 2. 18.02.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 03.03.1892 02.03.1892 03.03.1892 02.03.1892 03.03.1892 02.03.1892 02.03.1892 03.03.1892 02.03.1892 03.03.1892 03.03.1892 03.03.1892 03.03.1892 03.03.1892 03.03.1892

Продолжение табл. 1

		*	
№	Источник	Дата рождения (ст. стиль, нов. стиль)	Примечание
16	Невский Николай Александрович [20.02.(02.03).1892—24.11.1937] // Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. В 2-х кн. / 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. Кн. II: М–Я. С. 135–136.	20.02.1892 02.03.1892	Обе даты ошибочны и никак не соотносятся друг с другом (см. табл. 2). Вполне возможно, что сначала из предыдущей, известной по первому изданию словаря даты (03.03) была получена «верная» дата по старому стилю (вычет 12 дней для XIX в. с учетом високосного года), а затем (позже?) скорректирована дата по новому стилю (03.03 изменено на 02.03 без повторного необходимого пересчета даты по старому).
17	Невская Е. Н. Невский Николай Александрович // Ленинградский мартиролог. 1937—1938: Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 3: ноябрь 1937 года. СПб., 1998. С. 510–513, ил. 41.	18.02.1892 02.03.1892	Наиболее известные даты (см. примечание к № 10).
18	Кычанов Е. И. Звучат лишь письмена: Очерк об исследователях тангутской цивилизации / [2-е изд.]. Рыбинск, 2002. См.: С. 3, 80.	18.02.1892 03.03.1892	Интересно, что здесь вновь повторяется дата 03.03. В обращении к читателям города Рыбинска Е. И. Кычанов пишет (С. 3): «В 2002 г. 3 марта исполняется 110 лет со дня его [Н. А. Невского. — В. 3.] рождения».
19	Алпатов В. М. Невский как исследователь японского языка // Вестник Рыбинского отделения Русского исторического общества. № 2. Рыбинск, 2003. С. 62–76.	18.02.1892 02.03.1892	Наиболее известные даты (см. примечание к № 10).
20	Сирё га катару Нэфусукй 資料が語るネフスキー (Невский, как о нем рассказывают [архивные и печатные] материалы) / Сост. Ику-та Митико 生田美智子. Миноо, 2003. См.: С. 9, 23, 237, 245.		Наиболее известные даты (см. примечание к № 10). М. Икута отмечает также отличие в дате (20.02), приведенной во втором издании словаря С. Д. Милибанд (С. 23), и указывает на ошибочность даты по новому стилю (06.02) в работе «Небесная змея» К. Кюдзо (С. 245).

Окончание табл. 1

№	Источник	Дата рождения (ст. стиль, нов. стиль)	Примечание		
21	Невский Николай Александрович [20.02(02.03).1892—24.11.1937] // Милибанд С. Д. Востоковеды России: XX — начало XXI века. Биобиблиографический словарь. В 2-х кн. М., 2008. Кн. II: Н–Я. С. 18—20.	20.02.1892	Без изменений по сравнению со вторым изданием словаря (обе даты ошибочны, см. № 16).		
	ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ				
22	Биография Н. А. Невского на официальном сайте Института восточных рукописей РАН (до 22.09.2009).	03.02.1892	Очевидно, что здесь ошибка вызвана перестановкой дня и месяца в дате рождения по новому стилю. Исправлено мной 22 сентября 2009 г. Указана новая дата: 01.03.1892.		
23	Статьи Невский, Николай Александрович и Nikolai Aleksandrovich Nevsky в русской и английской версии Wikipedia соответственно (до 20.09.2009).	Ошибка вызвана ист нием материалов с са РАН. Исправлено мно тября 2009 г. (правка вателя Nortador). Ука вая дата: 01.03.1892. В			

. Таблица $\,2\,$ Варианты пересчета дат юлианского календаря на григорианский

Дата	Дата григорианского календаря (новый стиль)				
юлианского календаря	поправка + 12 дней (XIX в.)		поправка + 13 дней (XX в.)		
(старый стиль)	с учетом високосного года	без учета високосного года	с учетом високосного года	без учета високосного года	
18.02	01.03	02.03	02.03	03.03	
19.02	02.03	03.03	03.03	04.03	
20.02	03.03	04.03	04.03	05.03	

Итак, Николай Александрович Невский родился 18 февраля 1892 года (по старому стилю) или 1 марта 1892 года (по новому стилю). Хочется надеяться, что в год, когда отмечается 120-летие этого великого ученого 12 , правильная дата его рождения по новому стилю станет широко известна, а ошибки из прошлых публикаций не будут повторяться вновь и вновь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В качестве приложения к статье публикуются два документа из Личного дела Николая Александровича Невского, открытого при его поступлении на службу в Институт востоковедения АН СССР¹³ и хранящегося сейчас в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (Ф. 152. Оп. 3. № 426. 68 лл.). Публикуемые документы (лл. 1–2 личного дела) примечательны не только своей важностью для биографов Невского, которые, безусловно, к ним обращались, но и тем, что в них Николай Александрович указывает дату своего рождения по новому стилю, а это, в свою очередь, может объяснять, откуда появилась ошибочная дата 3 марта 1892 г. в ранних публикациях о Невском. Других подобных документов в Архиве мне обнаружить не удалось. Документы публикуются факсимильно и сопровождаются транскрипцией (расшифровкой) рукописного текста¹⁴.

No 1

Анкета для сотрудников Академии наук СССР. Бланк, заполненный Н. А. Невским при поступлении на работу в Институт востоковедения АН СССР. 26 октября 1930 г.

Подлинник, машинописный бланк, 1 л. Текст, дата и подпись — автограф, фиолетовые чернила. В правом верхнем углу листа прямоугольный штамп о рассмотрении документа Президиумом АН СССР, протокол № 31, § 11 от 1 ноября 1930 г. Номер протокола, параграфа и дата вписаны от руки фиолетовыми чернилами. На строках третьего пункта бланка справа химическим карандашом написано число 42. Номер листа в личном деле указан в правом верхнем углу: 01.

Публикуется впервые. Факсимиле см. рис. 1. AB ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426. Л. 1.

¹² Статья написана в 2012 г.

 $^{^{13}}$ Дело начато 1 ноября 1930 г., окончено 3 октября 1937 г.

¹⁴ При подготовке текстов к изданию я руководствовался «Правилами издания исторических документов в СССР» (2-е изд., перераб. и доп. М., 1990), отступив от них лишь тем, что сохранил особенности написания строчных и прописных букв архивных оригиналов.

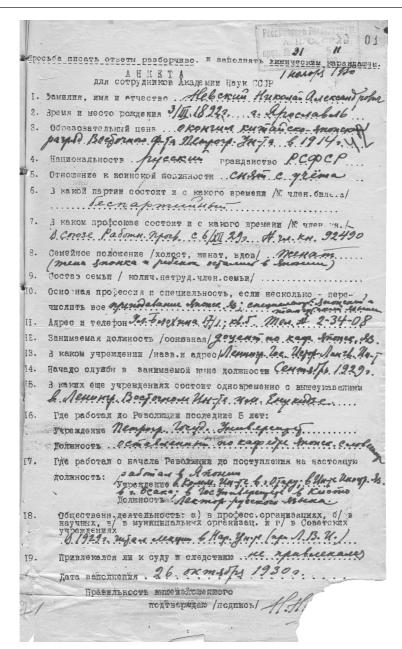

Рис. 1. Анкета для сотрудников Академии наук СССР. Бланк, заполненный Н. А. Невским. 26 октября 1930 г. АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426. Л. 1.

Рассмотрено Президиумом А. Н. СССР прот. № 31 § 11 1 ноября 1930¹⁵

<u>Просьба писать ответы разборчиво</u>. и заполнять <u>химическим карандашем</u> 16

А Н К Е Т А для сотрудников Академии Наук СССР

1. Фамилия, имя и отчество Невский Николай Александрович 3/III 1892 г. г. Ярославль 2. Время и место рождения 3. Образовательный ценз окончил китайско-японский разряд Восточного ф[акульте]та Петрогр[адского] Ун[иверсите]та в 1914 г. гражданство 4. Национальность русский 5. Отношение к воинской повинности снят с учёта 6. В какой партии состоит и с какого времени /№ член. билета/ беспартийный¹⁷ 7. В каком профсоюзе состоит и с какого времени /№ член. кн./ В Союзе Работн[иков] Просв[ещения] с 6/XII¹⁸ [19]29 г. № чл. кн. 92490 8. Семейное положение /холост, женат, вдов/ (жена японка и ребенок остались в Японии) 9. Состав семьи /колич. нетруд. член. семьи/ 10. Основная профессия и специальность, если несколько — перечислить все преподавание японск[ого] яз[ыка]; специальность: японский и тангутский языки Ул. Блохина 17/1; кв.5. Тел. № 2-34-08 11. Адрес и телефон доцент на каф[едре] японск[ого] яз[ыка] 12. Занимаемая должность /основная/ Ленингр[адский] Гос[ударственный] 13. В каком учреждении /назв. и адрес/ Истор[ико]-Лингв[истический] Ин[ститу]т 14. Начало службы в занимаемой ныне должности Сентябрь 1929 г. 15. В каких еще учреждениях состоит одновременно с вышеуказанным в Ленингр[адском] Восточном Ин[ститу]те им[ени] [А. С.] Енукидзе 16. Где работал до Революции последние 5 лет: Петрогр[адский] Госуд[арственный] Университет Учреждение Должность оставленный по кафедре японск[ой] словесности 17. Где работал с начала Революции до поступления на настоящую должность: работал в Японии Учреждение в Комм[ерческом] Ин[ститу]те в г. Отару; в Ин[ститу]те Иностр[анных] Яз[ыков] в г. Осака; в Гос[ударственном] Университете в Киото Должность Лектор русского языка 18. Общественн. деятельность: а) в професс. организациях, б) в научных, в) в муниципальных организац, и г) в Советских учреждениях В 1929 г. читал лекции в Нар[одном] Ун[иверсите]те (при Л. В. И. $^{19})$ 19. Привлекался ли к суду и следствию не привлекался 26 октября 1930 г. Дата заполнения Правильность вышеизложенного Н. Н[евский]²⁰ подтверждаю /подпись/

15 Штамп «Рассмотрено Президиумом А. Н. СССР // прот. № ___ § ___ // " ___" ___ 193 ___ г.». В него от руки вписано: 31 11 // 1 ноября 1930.

 $[\]overline{^{16}}$ Так в документе.

¹⁷ Слово беспартийный написано более тонким пером и разреженным почерком, очевидно, вписано позднее.

¹⁸ Фраза В Союзе ... с 6/XII написана более тонким пером, очевидно, вписана позднее.

 $^{^{19}}$ Т. е. при Ленинградском восточном институте им. А. С. Енукидзе.

 $^{^{20}}$ В этом месте часть листа оборвана. Подпись поставлена более тонким пером и более светлыми чернилами.

No 2

Curriculum vitae Николая Александровича Невского. Автобиография, написанная Н. А. Невским при поступлении на работу в Институт востоковедения АН СССР. 27 октября 1930 г.

Подлинник, 1 л. (текст с обеих сторон листа). Автограф, фиолетовые чернила. В правом верхнем углу листа прямоугольный штамп о рассмотрении документа Президиумом АН СССР, протокол № 31, \S 11 от 1 ноября 1930 г. Номер протокола, параграфа и дата вписаны от руки фиолетовыми чернилами. Справа от заголовка химическим карандашом написано и зачеркнуто число 41. Номер листа в личном деле указан в правом верхнем углу: 01 (зачеркнуто), ниже зачеркнутого — 02.

Филигрань: «SIBER HEGNER BOND» (производитель бумаги и ее тип).

Публикуется впервые²¹. Факсимиле см. рис. 2–3. АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426. Л. 2–206.

Кроме них, можно упомянуть:

²¹ Это не единственная автобиография, написанная Н. А. Невским. Известны также следующие документы:

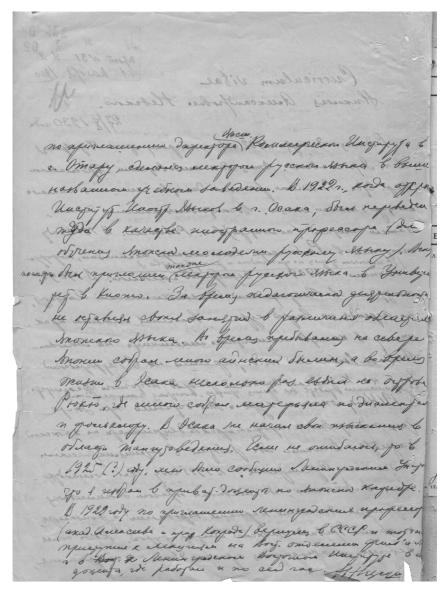
¹⁾ Н. А. Невский. Автобиография. 29 мая 1936 г. Автограф. «Родился я в г. Ярославле в 1892 году от родителей мещанского происхождения. Не прошло и года после моего рождения...». (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426. Л. 38–40). То же: Архивная копия. 6 января 1970 г. № 783.10/7. Машинопись. Подготовлена С. А. Школяром (1-й экз.: «Е. И. Кычанову для отправки по назначению», находится у Е. Н. Невской; 2-й экз.: «в дело», подшит в Опись фонда № 69 [Невский Николай Александрович] АВ ИВР РАН. З лл.). Текст автографа опубликован частично (Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 8, 38, 183, 208), текст архивной копии, принадлежащей Е. Н. Невской, опубликован полностью (Н. А. Невский. Автобиография // Вестник Рыбинского отделения Русского исторического общества. № 2. Рыбинск, 2003. С. 139–141).

²⁾ Сиггісиlum vitae (автобиография). Автограф. «Н. А. Невский родился в 1892 году в г. Ярославле в семье судейского служащего. Лишившись матери...». Подлинник из личного архива В. М. Алексеева хранится у Е. Н. Невской (передан ей М. В. Баньковской). Фотокопии двух страниц опубликованы частично (*Н. А. Невский*. Автобиография // Вестник Рыбинского отделения Русского исторического общества. № 2. Рыбинск, 2003. С. 140). Ср.: *Чубукова Ю. И.* Феномен Н. А. Невского // Социологические, этнологические и лингвистические проблемы современности. Рыбинск, 2002. С. 76; С. 78, примеч. 4.

³⁾ Биография. — Николая Александровича Невского. Машинопись. Без даты [1936—1937]. Автор не указан. «Н. А. Невский родился в г. Ярославле в 1892 году от родителей мещанского происхождения. Отец Н. А. Невского в то время…». (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426. Л. 49–51). Переложение Автобиографии 1936 г. (№ 1) в виде характеристики. Сведений о публикации нет.

apin v31. 8 1102 Pririculum Vigae Podnica 3 cuappa 1892 , (no consposery eques 18 yespans) в г. Аросновие. Отну был смедовадемия Яроса Dep. Coda. B careou pareners demogre recurrences allappe, nonvous omeja. Socnuftsbases exarana debour - 3 amero megran (no majegu) of r. Pusuncae. & 1900 rady norganes & Poeduceano teracenscapo п охония в 1909г. с серебреной меданых nagymen & Memporpediani Mednoscomerecani la of no regions na Bropos rype a bassinal demension in тику в качеры помощника селениния Muxdado Poedracan me. In repenses in 6 Neggy 32 Hunequen bejorge he grower pages houges amunificent 1914 rody oxonomes kype a Sker refahren nga yn Урен подажуван к предессорской дебриносут по эконеной kageste. O merenen ida pasifica 6 mdescerem Opernjana. 18 1915 rote ban & Snowers , we make a orfesou Sanuver eras uspequer Anonenew Hapolinix begolarem " a manche Tebres Snoncor in nqueter times rea codepinarene

Рис. 2. Curriculum vitae Николая Александровича Невского. Автограф Н. А. Невского, первая страница. 27 октября 1930 г. АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426. Л. 2.

Puc. 3. Curriculum vitae Николая Александровича Невского.
 Автограф Н. А. Невского, вторая страница. 27 октября 1930 г.
 АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426. Л. 2об.

Рассмотрено Президиумом А. Н. СССР прот. № 31 §11 1 ноября 1930²²

Curriculum vitae²³ Николая Александровича Невского

27/Х 1930 года.

Родился 3 марта 1892 г. (по старому стилю 18 февраля) в г. Ярославле. Отец был следователем Ярославского Окр[ужного] Суда. В самом раннем детстве лишился сначала матери, потом отца. Воспитывался сначала дедом, затем теткой (по матери) в г. Рыбинске. В 1900 году поступил в Рыбинскую классическую гимназию, которую и окончил в 1909 г. с серебряной медалью. (В гимназии учился на стипендию и репетиторство.)²⁴ В 1909 г. поступил в Петроградский Технологический Институт, но перейдя на второй курс и выполнив летнюю практику в качестве помощника машиниста на Московско-Виндаво-Рыбинской ж[елезной] д[ороге], перешел²⁵ в Петроградский Ун[иверсите]т на Китайско-японский разряд Восточного факультета. За неимением средств все время учился, получая стипендию²⁶. В 1914 году окончил курс и был оставлен при Ун[иверсите]те для подготовки к профессорской деятельности по японской кафедре. В течение²⁷ года работал в нумизматическом отделении Эрмитажа. В 1915 году был командирован в Японию, где главным образом занимался изучением японских народных верований и фольклора, а также древней японской литературой. Когда после революции прекратился присыл денег на содержание, ²⁸ по приглашению директора Высш[его]²⁹ Коммерческого Института в г. Отару, сделался лектором русского языка в выше названном учебном заведении.

 $^{^{22}}$ Штамп «Рассмотрено Президиумом А. Н. СССР...». В него от руки вписано: прот. № 31 $\S 11 // 1$ ноября 1930.

 $^{^{23}}$ Curriculum vitae (лат.) — жизнеописание, краткая биография, здесь — автобиография.

²⁴ Предложение (В гимназии ... репетиторство.) написано над строкой со знаком вставки.

²⁵ Далее зачеркнуто: на.

²⁶ Предложение За неимением ... стипендию. написано между строк текста.

²⁷ В документе: В течении.

²⁸ Далее текст продолжается на обороте листа.

²⁹ Слово Высш[его] написано над строкой со знаком вставки.

В 1922 г., когда откры[лся]³⁰ Институт Иностр[анных] Языков в г. Осака, был переведен туда в качестве иностранного профессора (для обучения японской молодежи русскому языку). Вскоре после этого³¹ был приглашен также³² лектором русского языка в Университет в Киото. За время педагогической деятельности не оставлял своих занятий в различных областях японского языка. Во время пребывания на севере Японии собрал много айнских былин, а во время жизни в Осака несколько раз ездил на острова Рюкю, где много собрал матерьяла³³ по диалектам и фольклору. В Осака же начал свои изыскания в области тангутоведения. Если не ошибаюсь, то в 1925 (?) году, мне было сообщено Ленинградским Ун[иверсите]том, что я избран в приват-доценты по японской кафедре. В 1929 году по приглашению ленинградских профессоров (акад. Алексеева и проф. Конрада) вернулся в СССР и тотчас же приступил к лекциям на Вост[очном] отделении Фил'а³⁴ ЛГУ и в³⁵ Ленинградском Восточном Институте в качестве доцента, где работаю и по сейчас.

Н. Невский

* * *

Viacheslav Zaytsev

ON THE BIRTHDATE OF NIKOLAI A. NEVSKY

The date of birth of Nikolai Nevsky is well known, being 18th February 1892 (in the Old Style). This date can be confirmed by many sources and is indubitable. On contrary, the date in the New Style is either 2nd March or 3rd March, depending

³⁰ Окончание слова откры[лся] утрачено из-за повреждения бумаги при шитье личного дела. Прочитано по смыслу. Остальные слова или их части, не просматривающиеся на факсимиле из-за скрепления по тексту, но без повреждения оного: Вск[оре]; Ун[иверсите]том[,]; профессор[ов]; [же]; Л[ГУ]; к[ачестве], никак далее не отмечаются, поскольку могут быть успешно прочитаны de visu.

³¹ Слова после этого приписаны мелким почерком на левом поле к строке.

³² Слово также написано над строкой со знаком вставки.

³³ Так в документе.

³⁴ Так в документе. Здесь имеется в виду ФИЛ, т. е. Историко-лингвистический факультет ЛГУ, с 1930 г. — Ленинградский государственный историко-лингвистический институт, затем Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (см.: Кононов А. Н. Восточный факультет Ленинградского университета // Востоковедение в Ленинградском университете. Л., 1960. С. 25).

³⁵ Далее зачеркнуто: Вост. И (без точки после И).

on the source. The author of this paper analyses different sources and shows that the New Style dates shown in them and previously considered correct are actually wrong as a result of incorrect conversion from the Julian (Old Style) to Gregorian (New Style) calendar. The author proves that the correct conversion of the Nevsky's birthdate into the Gregorian calendar is 1st March.

In the Appendix to this paper two documents related to the topic (stored at the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences) are published for the first time (reproduced as photographic facsimiles followed by an expanded transcription of the text content). These documents are the "Questionnaire for employees of the USSR Academy of Sciences" filled in by Nevsky and "Curriculum vitae of Nikolai Aleksandrovich Nevsky" written by him. Both documents were produced by Nevsky when applying for a job at the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences at the end of October, 1930.

О МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР У Н. А. НЕВСКОГО И В. В. РАДЛОВА

В своей книге «Небесная змея: Жизнь Николая Невского» я писал о тесных отношениях между Н. А. Невским и Л. Я. Штернбергом. Невский в пору своей учебы в С.-Петербургском университете (1910—1914 гг.) иногда приходил к Штернбергу в Кунсткамеру — Музей антропологии и этнографии (МАЭ), посещал семинар Штернберга, который был научным сотрудником музея и слушал его лекции. Влияние Штернберга на Невского в последующие годы отчетливо усматривается в его (Невского) этнографических исследованиях, особенно в методах полевого исследования языка племени цоу (о. Тайвань) и диалектов островов Мияко.

Особенность научного метода Штернберга, прежде всего, состоит в том, что он начинал с неизвестного ему языка того народа, который он собирался изучать. Он писал: «Мне пришлось убедиться, что без основательного знания языка подлинная жизнь заинтересовавшего меня племени, особенно ее психические стороны, останутся для меня сокрытыми». Таким образом, он прослушивал от представителя этого народа короткие фразы, записывал услышанное фонетическими знаками, анализировал смысл каждого слова, делал подстрочный перевод, а затем приходил к пониманию грамматических особенностей.

Когда Штернберг изучал гиляцкий язык, он пользовался помощью юноши, который сначала говорил на ломаном русском языке. Штернберг указывает, что с каждым разом этот юноша не только лучше

[「]加藤九祚著『天の蛇 ニコライ・ネフスキーの生涯』. Изд. «Кавадэ сё: 6o», 1976.

говорил по-русски, но он всё лучше стал грамматически понимать свою собственную речь. Другими словами, благодаря ученику (Штернбергу) учитель (гиляцкий юноша) прогрессировал в языковом плане тоже. Благодаря такому научному методу Штернберг смог проникнуть в детали жизни и чувств гиляков и оставить великие научные достижения по их религии и общественным отношениям.

Невский в 1928 г. опубликовал в Японии в журнале «Миндзоку» («Этнос») некролог, посвященный Штернбергу, умершему годом ранее. В нем он рассказывает о его в встречах с японскими учеными: айноведом Киндаити Кёсукэ, этнографом Янагида Кунио и другими. Кроме того, В. Богораз, известный этнограф того же уровня, что и Штернберг, высоко его ценя, так писал о нем в 1927 г.: «Штернберг — первый и до сих пор единственный классический этнограф. Точно так же, как его предшественник Радлов — классический тюрколог, а Д. Анучин — классический антрополог, но только в более широком профессиональном смысле».

В своей книге «Небесная змея: Жизнь Николая Невского» я писал, что Штернберг в 1901 г. получил должность старшего научного сотрудника МАЭ благодаря хлопотам его директора Радлова. Из этого становится понятным, что между Радловым, родившимся в 1837 г. в Берлине, Штернбергом, родившимся в 1861 г. в Житомире, и Невским, родившимся в 1892 г. в Ярославле, была тесная взаимосвязь — с промежутком в 24 года и 31 год. Когда Невский был студентом, Радлову было под восемьдесят, а Штернбергу — за 50 лет.

Янагида Кунио в своих воспоминаниях «70-лет вместе с Родиной» писал: «В России был довольно известный ученый в преклонных годах, который занимался исследованиями Восточной Азии. Невский хотел продолжить его научное дело и изучал материалы раскопок Си Ся. Так, была обнаружена стела с надписью на древнетюркском руническом письме и с ее переводами на китайский, маньчжурский и монгольский языки. Невский не мог сидеть сложа руки, отправился в Пекин и провел исследования на месте — в помощь этому российскому ученому-старцу. Хотя это исследование не имеет непосредственного отношения к Японии, это великое научное достижение».

На самом деле в этой фразе есть несколько неточностей. Стела с надписью на древнетюркском руническом письме — это знаменитая стела Кюль-Тегина, обнаруженная в конце XIX в. Невский

²柳田国男「故郷七十年」『定本柳田国男集』(Академическое собрание сочинений Янагида Кунио), отд. том 3. Токио: Тикума сёбо, 1964.

отправился в Пекин, чтобы встретиться с исследователем тангутского языка А. И. Ивановым, который в то время служил там в советском посольстве. «Довольно известный российский ученый в преклонных годах» — это, видимо, 70-летний Радлов. Он опубликовал несколько научных работ о стелах с надписями на древнетюркском руническом письме. Следовательно, «ученый-старец» имеет отношение к стеле. Допустим, что ученый, дело, которого «хотел продолжить» Невский, это Радлов. Учитывая, что и тангутский язык, и язык древнетюркского рунического письма — исчезнувшие языки, не удивительно, что Янагида считал, что Невский, изучая тангутский язык, хотел стать ученым наподобие Радлова.

Велика возможность того, что Невский в свои студенческие годы неоднократно встречался с директором МАЭ В. В. Радловым. Радлов был для Невского учителем его учителя (Штернберга), т. е. «Великим Наставником». Кроме того, все они составляли специальные языковые, диалектные и этнографические словари. Еще один ученый — Э. К. Пекарский по такому же методу издал словарь якутского языка. Среди них только «Великий Наставник» (Радлов) изучал исчезнувший язык — древнетюркский язык. Я считаю, что ученый, дело, которого «хотел продолжить» Невский, — это Радлов.

Я недавно прочел книгу Е. А. Артюх «Алтайский период в научной деятельности В. В. Радлова»³. И я подумал: а не Радлов ли привнес в Россию «штернберговский» научный метод, который был популярен в России в конце XIX — начале XX в.? Похоже, что научный метод Радлова через Штернберга был непосредственно передан Невскому.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что Радлов передал Невскому не только научный метод, но и страстное отношение к науке. В книге Е. А. Артюх есть такой фрагмент: «Конец 1917 — начало 1918 гг. стали для ученого [Радлова] временем полуголодного существования... Здоровье уже немолодого исследователя было подорвано постоянным недоеданием и внезапно развившимся гриппом, и 12 мая 1918 г. Василий Васильевич Радлов умер за рабочим столом в Кунсткамере над раскрытой книгой в возрасте 81 года. "За час до кончины он еще просматривал последнюю свою работу, посвященную уйгурской рукописи, вывезенной экспедицией Комитета из Восточного Туркестана, а недели за две до смерти, несмотря на значительный упадок сил, с обычной своей настойчивостью хлопотал по разным

 $^{^3\}it{Apmiox}\,E.\,A.$ Алтайский период в научной деятельности В. В. Радлова (монография). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2010.

инстанциям об увеличении средств Комитета" ... Похоронили его на Смоленском лютеранском кладбище Санкт-Петербурга ... 20 мая 1918 г. ученый персонал МАЭ на своем чрезвычайном заседании почтил память В. В. Радлова, призвав сохранять и развивать его наследие, дух научного сотрудничества, творчества во имя процветания музея...».

(Перевод с японского языка Е. Бакшеева)

Kyuzo Kato

N. A. NEVSKY AND V. V. RADLOV: THEIR RESEARCH METHODS IN ETHNIC CULTURES

It is known that it was from his teacher, Leo Sternberg, that N. Nevsky absorbed the so-called 'ethnolinguistic' research method which was popular in the Russian academic world in the late 19th—early 20th centuries. The paper argues that the 'Sternbergian' research method was in fact introduced to Russia by Vasily V. Radlov, Sternberg's teacher. Thus Nevsky inherited that research method from V. V. Radlov through Sternberg.

Савада Кадзухико (沢田和彦)

Н. А. НЕВСКИЙ В ДОКУМЕНТАХ ТАЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ ЯПОНИИ

В связи с репрессиями в Японии в 1910 году против японских социалистов и анархистов годом позже в Токийском полицейском управлении была создана тайная политическая полиция. Впоследствии ее отделения были образованы во всех префектурах Японии. Под влиянием Октябрьской революции 1917 г. в Японии усилилось общественное движение, поэтому в тайной политической полиции был создан иностранный отдел, который начал вести строгое наблюдение за иностранцами, в частности, за русскими, находящимися в Японии¹.

Документы тайной политической полиции в настоящее время хранятся в Архиве иностранных дел МИД Японии в Токио. По жестокой иронии истории, тщательно, со всей полицейской дотошностью составленные документы и до сих пор служат исследователям драгоценным источником информации о тех или иных конкретных иностранцах, побывавших в Японии. Относительно русских есть три главных фонда: «Сборник разнородных документов по поводу поведения подозрительных иностранцев. Раздел "Русские"»², «Сборник разнородных документов по поводу поведения иностранцев: отчеты из префектур. Раздел "Русские"»³ и «Сборник разнородных документов по поводу приездов в Японию и отъездов из Японии иностранцев, а также поведения проживающих в Японии иностранцев.

 $^{^1}$ *Огино Фудзио*. Токко кэйсацу тайсэй-си (История системы тайной политической полиции). Токио: Сэкита сёбо, 1984. С. 103–109, 113, 120–121, 131, 163, 166–167, 281–283, 341–345.

² Архив иностранных дел МИД Японии. 4.3.1.2–6.

³ Архив иностранных дел МИД Японии. 3.9.4.110–5–2.

Раздел "Советские граждане"» 1. Первый фонд состоит из 18 томов, включает в себя приблизительно 7000 документов и охватывает период с марта 1900 г. по декабрь 1926 г. Второй фонд состоит из 2 томов, включает в себя приблизительно 2000 документов и охватывает период с января 1921 г. по ноябрь 1925 г. Третий фонд представляет собой продолжение первого фонда, состоит из 7 томов, включает в себя приблизительно 4000 документов и охватывает период с февраля 1927 г. по февраль 1943 г. В итоге они составляют 27 томов и включают в себя приблизительно 13 000 документов, охватывающих период с марта 1900 г. по февраль 1943 г. Большинство документов написано рукой, но есть и машинописные документы.

В вышеупомянутых и других фондах, хранящихся в Архиве иностранных дел МИД Японии, и частично в документах, опубликованных в репритных изданиях, я в данный момент нашел некоторые документы, касающиеся российских востоковедов: Орест В. Плетнер (68 документов), Н. А. Невский (53), Олег В. Плетнер (52), А. А. Лейферт (31), Н. П. Мацокин (27), Е. Г. Спальвин (20), Н. П. Овидиев (19), М. Н. Андреев (12), В. М. Константинов (12), Л. Я. Штернберг (9), М. П. Григорьев (7), Г. И. Подпалова (5), М. Н. Рамминг (5), А. Е. Глускина (Шварцман) (3), Н. И. Конрад (3), К. А. Попов (3), О. О. Розенберг (2), Ю. К. Щуцкий (1).

Летом 1913 г. Н. А. Невский впервые прибыл в Японию в Токио на два месяца. А в июле 1915 г. он вторично приехал в Токио, где прожил около 4 лет. В апреле 1919 г. Невский переселился на Хоккайдо в г. Отару, где преподавал русский язык в Высшем коммерческом училище Отару три года. В конце марта 1922 г. Невский переселился в Осака, где преподавал русский язык в Осакской школе иностранных языков семь с половиной лет, и 7 сентября 1929 г. он оставил Японию. В итоге Невский прожил в Японии 14 лет.

Из 53 документов о Невском, охватывающих период с сентября 1921 г. по ноябрь 1930 г., 47 документов касаются его самого, а 6 — его жены, японки Ёродзуя Исо^5 . Кроме них я нашел еще 30 документов о других русских, где упоминается и Невский. Относительно всех этих документов можно сказать следующее:

- 1. Содержание документов отрывочное и нередко неточное.
- 2. В документах ощущается неприязнь к иностранцам и боязнь распространения коммунизма в Японии. Тайная политическая полиция

⁴ Архив иностранных дел МИД Японии. К.3.6.1.1–1.

⁵ В настоящей статье принят японский порядок написания имен и фамилий японцев, т. е. на первом месте — фамилия, на втором — имя.

Японии тайком вскрывала письма Невского (напр., его письмо к Евгении Дмитриевне Плетнер (жене Олега Плетнера) от 23 июня 1922 г.) и письма, адресованные ему, и переводила их на японский язык⁶. Японская полиция без разрешения входила в комнату Невского в его отсутствии и записывала названия книг и журналов его библиотеки 7 .

3. В документах чувствуется сильное возмущение Невского действиями тайной политической полиции. В письме к Е. Д. Плетнер от 9 октября 1919 г. он записывает: «И я хожу по своей темнице взад и вперед и громко скандирую "Это было у моря". Какой-то некультурный японец (а они в общем все некультурны) стоит перед моей комнатой (я вижу через стеклянные сёодзи его ноги) и глупо смеется, слушая непонятные ему слова. Но мне всё равно, пускай смеется, лишь бы мне было хорошо»⁸. Е. Д. Плетнер прислала Невскому сборник стихотворений И. Северянина. Невский находился под строгим надзором японской полиции из-за общения с братьями Плетнерами. Олег Плетнер, прибывший в Японию в 1918 г. с целью покупки военного снаряжения и сельскохозяйственных орудий⁹, для японской полиции был одним из самых подозрительных иностранцев, и 21 июня 1922 г. японские власти велели ему покинуть Японию. В тот момент Невский впервые понял причину своего несвободного состояния. В документе «Дело о письме русского, которому было приказано покинуть Японию» от 29 июня 1922 г. записано: «Невский впервые узнал об изгнании Олега Плетнера по газетам. Невский удивился, только сейчас узнав, что полиция наблюдала за ним в Токио и Отару из-за общения с Олегом Плетнером»¹⁰. Приблизительно в 1917 г. Олег Плетнер, С. Г. Елисеев и Н. И. Конрад присутствовали на свадьбе Невского и его первой

⁶ 4.3.1.2–6. Дело о переписке подозрительного иностранца. 28 ноября 1921 г.; Архив иностранных дел МИД Японии. 4.2.6.21–1: Сборник разнородных документов по поводу изгнания иностранцев. Раздел «Русские». Дело о письме русского, которому было приказано покинуть Японию. 29 июня 1922 г.; Дело о письме к Олегу Плетнеру, которому было приказано покинуть Токио. 4 июля 1922 г.

⁷4.3.1.2–6. Дело о подозрительном русском. 6 сентября 1921 г.

⁸ Като Кюдзо. Тэн-но хэби — Никорай Нэфусукий-но сёгай (Небесная змея: Жизнь Николая Невского). Дополн. изд. — Токио: Кавадэ сёбо синся, 2011. С. 92.

⁹ 4.3.1.2–6. Дело о подозрительном русском Плетнере. 20 мая 1921 г.; Беседа русского о подозрительном русском Олеге Плетнере. 3 октября 1921 г.; Архив иностранных дел МИД Японии. I.4.5.2.2: Сборник разнородных документов по поводу подозрительных лиц. Список подозрительных лиц, связанных с Россией. Мейерович. Конец октября 1930 г.

 $^{^{10}}$ 4.2.6.21–1.

жены-японки Маэяма Мицуко¹¹. А весной 1923 г. Орест Плетнер, в четвертый раз прибыв в Японию, начал преподавать в Осакской школе иностранных языков и Невский вновь стал общаться с братом Олега. Тем более, что с марта до сентября того же года Орест проживал в доме Невского¹².

Надзор и слежка за Невским действовали на его чувствительную натуру и, несомненно, оказывали вредное влияние на его повседневную жизнь и научную деятельность. И японский фольклорист Накаяма Таро, и востоковед Исихама Дзюнтаро, с которыми Невский близко общался, указывают на его нервозность 13. В документе «Дело о коммунистической партии на Дальнем Востоке» от 21 декабря 1922 г. мы читаем: «Кажется, что Невский в последнее время стал слишком нервным и беспокойным; раздражаясь, он старается избегать надзора полиции» 14. А в документе «Дело о поездке подозрительного русского» от 30 августа 1926 г. процитированы слова Невского: «Несмотря на то, что я как ученый живу в Японии в течение 12 лет и не интересуюсь политическими вопросами, полиция следит за мной не только дома, но и в поездке. Такое огульное обращение мешает мне в исследовании и очень беспокоит меня» 15.

Трагично, что по возвращешии на родину Невского подозревали в шпионаже в пользу Японии; он, дескать, был завербован сотрудником тайной политической полиции Японии Симадзаки Айносукэ¹⁶. А также нам известно, что В. М. Титянов, который находился с Невским в одной камере в 1937 г., вспоминает: «Николай Александрович много рассказывал о своей жизни в Японии, их обычаях и нравах. За период его пребывания в Японии ему крайне не нравилось (sic) некоторая форма преследований иностранцев, в том числе и его,

¹¹ Като. Указ. соч. С. 361.

¹² 4.3.1.2–6. Дело о приезде подозрительного иностранца в Осака. 31 марта 1923 г.; Дело о приезде подозрительного иностранца в Осака. 2 апреля 1923 г.; Дело о состоянии торговли русских тканями. 5 мая 1923 г.; Дело о переселении подозрительного иностранца. 15 июня 1923 г.; Дело о возвращении подозрительного русского в Осака. 20 сентября 1923 г.; Дело о возвращении подозрительного русского в Осака. 21 сентября 1923 г.; Дело о переселении подозрительного иностранца. 6 октября 1923 г.

¹³ Като. Указ. соч. С. 73, 283.

¹⁴ Архив иностранных дел МИД Японии. 4.3.2.1–2–2: Сборник разнородных документов по поводу надзора за большевиками и другими неблагонадежными иностранцами. Раздел «Русские».

¹⁵ 4.3.1.2–6.

 $^{^{16}}$ Хияма Синъити. Симадзаки — мужчина, намеревавшийся вовлечь Н. Невского в японскую разведку // Икё (Вторая родина). № 14, сентябрь 2002 г. С. 20; *Като*. Указ. соч. С. 337.

которая просто ему осточертенела (sic). Со стороны японских разведывательных органов» 17 .

- 4. Из документов можно узнать подробные факты: адреса Невского, даты и даже точное время его отъезда и приезда в ходе поездок, размеры его зарплаты и квартплаты, имена людей, с которыми он общался, и т. д. Например, в декабре 1922 г. Невский получил месячную зарплату в 375 йен¹⁸. Это довольно высокая зарплата: в том же году новичок в банке получал зарплату в 50 йен.
- 5. Из документов можно узнать о работе Невского в «Фирме В. В. Мейеровича» в Токио, о повседневной жизни ученого в Отару и Киото. В. В. Мейерович раньше работал в должности помощника представителя временного приамурского правительства; его фирма торговала машинами¹⁹. В Отару Невский каждый день утром преподавал в училище, а после полудня дома читал книги и журналы по фольклору, синтоизму и буддизму и выписывал нужные места на карточки²⁰. В училище он вел семь занятий в неделю. А в Киото раз в неделю Невский преподавал русский язык в Киотском имперском университете. После лекции он заходил в магазин китайских книг «Ибундо» и отдыхал в кондитерской «Каги-я», иногда со студентами²¹.
- 6. Из документов можно также узнать о семейной жизни и интимных сторонах жизни Невского 22 . В последнее время японский исследователь Хияма Синъити, в частности, освещает эти стороны и обнаруживает некоторые новые факты 23 .
- 7. Из документов можно узнать о научной и издательской деятельности Невского, о результатах его поездок на острова Мияко и в Пе-

 $^{^{17}}$ Письмо В. И. Титянова к Е. И. Кычанову // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. С. 516.

 $^{^{18}}$ 4.3.1.2–6. Дело о возвращении подозрительного русского в Осака. 9 сентября 1922 г.

¹⁹ 4.3.1.2–6. Дело о подозрительном русском Плетнере. 20 мая 1921 г.; Дело о подозрительном русском. 6 сентября 1921 г.; Беседа русского о подозрительном русском Олеге Плетнере. 3 октября 1921 г.; Дело о подозрительном русском. 14 декабря 1922 г.; 1.4.5.2.2. Список подозрительных лиц, связанных с Россией. Мейерович. Конец октября 1930 г.

 $^{^{20}\,4.3.1.2\}text{--}6.$ Дело о подозрительном русском. 6 сентября 1921 г.

²¹ 4.3.1.2–6. Дело об отъезде подозрительного русского из Токио. 7 апреля 1924 г.

 $^{^{22}}$ 3.9.4.110—5—2. Дело о русском Смирницком. 20 декабря 1921 г.; 4.3.1.2—6. Дело о поведении подозрительного русского. 16 октября 1925 г.; Дело о приезде подозрительного русского в Токио. 26 декабря 1925 г.; Дело о передаче слежки за русским. 31 мая 1926 г.

²³ Хияма Синъити. В поисках другой дочери Николая Невского // Сб.: Икё ни икиру: Райнити росиадзин-но сокусэки (На чужбине: Следы российских эмигрантов, прибывавших в Японию). Ёкохама: Сэйбунся, 2001. С. 121–130.

кин²⁴, о литературном произведении, которое он писал, а также о том, какие японские книги и журналы он читал или желал достать²⁵. По документу «Дело о поведении подозрительного русского» от 20 ноября 1925 г. выясняется, что по просьбе восточного факультета Ленинградского университета Невский в предыдущий день выслал туда отчет о результатах своей поездки на острова Мияко, состоящий из приблизительно 400 страниц²⁶. Общее содержание литературного произведения Невского таково, что русский старик полюбил молодую японку без взаимности, но японка, узнав о социальном положении Советского Союза, начала мечтать об этой стране, вышла замуж за старика и отправилась с ним в свободную страну²⁷. В документе «Дело о сочинении подозрительного иностранца» от 9 апреля 1926 г. записано: «Невский все время погружен в изучение восточной литературы, и в преданности исследовательской деятельности никто не может превзойти его»²⁸.

8. Невский старался узнать о текущем положении в Советском Союзе от прибывавших оттуда русских, таких как А. А. Лейферт и Л. Я. Штернберг. С ноября 1925 г. каждую субботу или воскресенье Невский, Орест Плетнер, Лейферт и Б. И. Воблый, преподаватель в Коммерческом училище в г. Цуруга преф. Фукуи, собирались в Кобэ в доме Н. П. Матвеева и обсуждали издание сборника переводов на русский язык современных японских произведений. Н. П. Матвеев родился в семье фельдшера при российском консульстве в г. Хакодатэ на Хоккайдо. Он известен как первый русский уроженец Японии, редактор газет и журналов, поэт, писавший под псевдонимом «Н. Амурский» во Владивостоке. Матвеев, эмигрировав в Японию в 1919 г., занимался печатанием, изданием и продажей русских книг в Осака и Кобэ. В доме Матвеева, по всей вероятности, Невский познакомился с Лейфертом²⁹.

²⁴ 4.3.1.2–6. Дело о поведении подозрительного русского. 16 октября 1925 г.; Дело о подозрительном иностранце. 7 апреля 1926 г.; Дело о поведении подозрительного бывшего подданного Российской империи. 8 сентября 1926 г.; Дело об издательском плане подозрительного бывшего подданного Российской империи. 5 октября 1926 г.

 $^{^{25}}$ 4.3.1.2–6. Дело о подозрительном русском. 6 сентября 1921 г.; К.3.6.1.1–1. Дело о плане поездки японки, принявшей советское гражданство, в Россию. 3 сентября 1930 г.

²⁶ 4.3.1.2–6.

 $^{^{27}}$ 4.3.1.2–6. Дело о подозрительном иностранце. 7 апреля 1926 г.

 $^{^{28}4.3.1.2-6}$

²⁹ 4.3.1.2—6. Дело о словах и поступках подозрительного русского. 25 ноября 1925 г.; Дело о словах и поступках подозрительного русского. 15 декабря 1925 г.; Иностранцы,

А Штернберг прибыл в Токио на Третью тихоокеанскую научную конференцию, проходившую с 30 октября по 11 ноября 1926 г. После окончания конференции он побывал в Осака, Киото, Нара, Кобэ, где несколько раз встречался с Невским и говорил с ним об aйну 30 . Из документа «Дело о поведении советского представителя, принявшего участие в Тихоокеанской научной конференции» от 22 ноября 1926 г. можно узнать, что Штернберг, Матвеев и Орест Плетнер накануне собрались в доме Невского и они вместе поужинали. Невский, Матвеев и Плетнер задавали Штернбергу разные вопросы о текущем положении в Советском Союзе, но последний о политических и экономических вопросах ничего не говорил. С помощью Невского Штернбергу для изучения айну удалось посетить Хоккайдский имперский университет³¹. По возвращении в Ленинград Штернберг выступил с докладом, где сказал, что в Японии его особенно заинтересовали беседы с японским фольклористом Янагита Кунио и Невским, и их сведения были для него подлинным открытием. В 1927 г. Невский подал заявление о принятии его в советское гражданство³².

- 9. Вызывает интерес взгляд Невского на японцев. В документе «Дело о поведении подозрительного русского» от 15 декабря 1925 г. мы читаем: «В связи с повышением цен табака Невский сказал, что у японского народа политическая сознательность ниже, чем у русского народа, и японский народ ничего не знает о системе монополии, но в недалеком будущем он будет сопротивляться несправедливой политике \gg^{33} .
- 10. Из документов можно узнать о прошлом Ёродзуя Исо до ее знакомства с Невским, а также о ее жизни с дочерью Еленой после отъезда ученого в СССР³⁴. Раньше Исо работала медсестрой в боль-

проживающие в Японии // Собрание материалов тайной политической полиции. Т. 15. Токио: Фудзи сюппан, 1992. С. 195.

³⁰ Архив иностранных дел МИД Японии. 2.9.10.10-2: Сборник разнородных документов по поводу Тихоокеанской конференции. Третья тихоокеанская научная конференция. Дело о советских представителях, принявших участие в Тихоокеанской научной конференции. 18 ноября 1926 г.; Дело о поведении советского представителя, принявшего участие в Тихоокеанской научной конференции. 22 ноября 1926 г.; Дело о поведении советского представителя, принявшего участие в Тихоокеанской научной конференции. 22 ноября 1926 г.

³¹ 2.9.10.10–2; *Хияма Синъити*. Доктор Лев Штернберг в Японии // Мадо (Окно). № 98, сентябрь 1996 г. С. 30–34. № 100, март 1997 г. С. 68–73. ³² Като. Указ. соч. С. 37, 198, 200.

³⁴4.3.1.2–6. Дело о поведении подозрительного русского. 16 января 1923 г.; Дело о личности человека, связанного с подозрительным русским. 11 августа 1925 г.; К.З.б.1.1-1. Дело о плане поездки японки, принявшей советское гражданство, в Россию. 3 сентября

нице «Накаяма» в Отару, а потом — на почте³⁵. 12 июня 1929 г. в советском генеральном консульстве в Кобэ Невский и Исо зарегистрировали брак. Он из Ленинграда часто присылал ей письма³⁶. Трагично, что Исо, принявшую советское гражданство, в Японии подозревали в шпионаже в пользу СССР³⁷. После отъезда своего мужа она жила с Еленой в Саппоро на Хоккайдо и учила девушек и студентов игре на бива (японский четырехструнный музыкальный инструмент). В конце сентября 1930 г. Исо с дочерью переселилась в Токио, где некоторое время заведовала бильярдной и маджанным клубом³⁸. Она нуждалась и получала деньги от своего отца³⁹.

Kazuhiko Sawada

N. A. NEVSKY IN THE DOCUMENTS OF THE JAPANESE SPECIAL POLITICAL POLICE

The Special Political Police was founded in Japan in 1911. After the Russian Revolution in 1917 the foreign affairs section was established in the Police and it began to watch foreigners, especially Russians living in Japan.

At present the documents of the Special Political Police are preserved in the Diplomatic archives of the Japanese Ministry of foreign affairs in Tokyo. As for Russians, there are approximately 13 000 documents, which include the period from March 1900 to February 1943.

In these documents and documents, partly published in the reprinted publications, I have found 53 documents concerning N. A. Nevsky, and 30 documents concerning other Russians, in which he is reffered to.

In my paper I would like to introduce the contents of the documents

¹⁹³⁰ г.; Дело о плане поездки японки, принявшей советское гражданство, в Россию. 6 октября 1930 г.; Дело об адресе японки, принявшей советское гражданство. 7 ноября 1930 г.; Дело о поведении японки, принявшей советское гражданство. 14 ноября 1930 г.

³⁵ 4.3.1.2–6. Дело о поведении подозрительного русского. 16 января 1923 г.; Дело о личности человека, связанного с подозрительным русским. 11 августа 1925 г.

³⁶ К.З.6.1.1–1. Дело о плане поездки японки, принявшей советское гражданство, в Россию. З сентября 1930 г.; Дело о поведении японки, принявшей советское гражданство. 14 ноября 1930 г.

 $^{^{37}}$ К.3.6.1.1–1. Дело об адресе японки, принявшей советское гражданство. 7 ноября 1930 г.

³⁸ Като. Указ. соч. С. 212, 213.

³⁹ К.З.6.1.1–1. Дело о поведении японки, принявшей советское гражданство. 14 ноября 1930 г.; *Като*. Указ. соч. С. 310.

Икута Митико (生田美智子)

Н. А. НЕВСКИЙ И ДЗЮНТАРО ИСИХАМА — ИНИЦИАТОРЫ СОЗДАНИЯ ЯПОНСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ОСАКА

Введение

Одной из отличительных черт японского периода биографии Н. А. Невского является широкий круг его друзей-ученых. Недаром многочисленные работы исследователей этого периода посвящены дружеским отношениям Невского с ведущими японскими учеными.

Однако при этом основное внимание, как правило, уделяется группе токийских филологов, и скудны упоминания о группе ученых в Осака и в Киото, в центре которой стоял Дзюнтаро Исихама. Вследствие этого наблюдаются отдельные неточности в работах по биографии Н. А. Невского осакского периода и недооценка ряда сторон его деятельности в Японии. В сущности, кроме работ С. Окадзаки¹, С. Хияма² и предыдущих публикаций автора настоящей статьи³ об этом периоде вообще нет исследований. С. Окадзаки в широком контексте рассмотрел значение деятельности осакских ученых, но, к сожалению, он не использовал русские материалы. С. Хияма

¹ Сэйро Окадзаки. Осака Тоё Гаккай-ёри Сэйан-гакуся-э: Осака гакудзюцу си-но хитокома-тоситэ («От Осакского общества востоковедов к Сэйан-гакуся: страница истории науки в Осака») // Тоё гаку ронсю: Мори Микисабуро хакасэ сёдзю кинэн (Сборник статей по востоковедению: Пожелание долголетия доктору Мори Кисабуро). Киото: 1979. С. 1383−1402.

 $^{^2}$ Хияма Синъшти. Сэйан-гакуся-но Росия дзин (Русские в обществе «Сэйан-гакуся») // Нихонго нихонгаку кэнкю (Исследования по японскому языку и японоведению). 2003. № 5. С. 21–34.

³ *Митико Икута*. Осакский период жизни Н. А. Невского // Вестник Рыбинского отделения Русского исторического общества. 2003. № 2. С. 33–41; Рождение ученого // Восточная коллекция. Осень 2012. С. 33–40.

установил биографические факты четверых русских ученых, имеющих отношение к востоковедному Обществу Сэйан-гакуся (о котором мы будем говорить ниже), это Н. А. Невский, Н. И. Конрад, О. В. Плетнер и Ю. К. Щуцкий. Мы в наших предыдущих работах писали об осакском периоде Невского: в одной статье ограничившись описанием деятельности Невского в Осакском училище иностранных языков, а в другой делая акцент на раннем периоде становления Невского как ученого.

В данной работе делается попытка осветить осакский период жизни Невского в целом и установить, какой вклад внесло сотрудничество Невского и Исихама в японскую науку.

Переезд из Отару в Осака

В 1922 г. Невский поступил на работу во вновь созданное Осакское училище иностранных языков (ныне факультет иностранных языков Осакского университета) в качестве первого преподавателя русского языка. Из Отару он вынужден был уехать из-за того, что жил вместе с гражданской женой Исо Ёродзуя в казенной квартире при училище.

Как иностранец, русский человек, проживающий далеко на Хоккайдо, мог узнать об открытии Училища и сборе иностранных преподавателей в Осака? Среди тогдашних учеников Невского осталось только одно свидетельство, оно принадлежит Моритака Такахаси. Он пишет, что Невский «по хлопотам Исихама Дзюнтаро и других стал преподавателем Осакского училища и начал с первого курса вести занятия только по-русски» Однако в дневнике Исихама от 28 апреля 1922 г. мы видим следующую запись: «По возвращении из училища домой я познакомился с Невским. Он, видимо, интересный человек и занимается языком Мияко. Я рад, что он оказался настоящим ученым». Значит, Невский и Исихама познакомились лишь в Осака.

Долгое время мы не знали, как именно Невский нашел себе работу в Осака. Недавно опубликованный дневник Невского дает нам ответ. В дневнике от 6 января 1922 г. сам Невский пишет: «Узнав, что я назначен в Осака, Yanagita просил обязательно сходить в Министерство народного просвещения, повидать г-на Matsuura, заведующего Департаментом специальных школ, и выразить ему благодарность, т. к. Янагида еще год тому назад просил его за меня

 $^{^4}$ *Митико Икута*. Что говорят архивные материалы о Невском. Осака: Осакский институт иностранных языков, 2003. С. 125.

о месте в Осакской школе иностранных языков»⁵. Отсюда следует, что Невский был назначен в Осакское училище благодаря хлопотам Кунио Янагида, отца японской этнографии, перед заведующим Департаментом специальных училищ Министерства народного просвещения.

Осакское училище иностранных языков

Теперь посмотрим, что представляло собой Осакское училище иностранных языков. Характерными особенностями Осакского училища были практическая направленность обучения и приоритет, отдаваемый восточным языкам. Большинство преподавателей — востоковеды и языковеды. В списке преподавателей мы видим крупного лингвиста Издуру Симмура и востоковеда Тору Ханэда. Эта атмосфера как раз соответствовала интересам Невского. Кроме того, с 1923 г. он начал преподавать русский язык параллельно и в Киотском императорском университете⁶. В Токио у него был круг блистательных друзей, в основном этнографов. Вдобавок к этому в Осака тоже появился круг друзей — востоковедов и лингвистов.

В результате этого в исследованиях Невского появились новые тенденции. Кроме исследований по синтоизму и японской мифологии, айноведению и диалектам и культурам Рюкю, появились и иные сферы исследования, в частности, языков цоу и тангутики. Например, в 1927 г. он вместе со своим коллегой по работе, Эрин Асай посетил Тайвань и собрал материалы для изучения языка цоу. В результате в 1935 г. после возвращения на родину он опубликовал «Материалы по говорам Цоу».

Но самым заметным было зарождение интереса к тангутским проблемам. Л. Л. Громковская и Е. И. Кычанов, основываясь на одном письме Невского, предполагают, что это случилось в 1923—1924 гг. Адресат письма не известен. Невский написал его 7 февраля 1929 года. «Я занимаюсь языком Си Ся не более пяти-шести лет». Громковская и Кычанов предполагают, что начало занятий тангутоведением у Невского было связано с его участием в работе

⁵ Дневник Н. А. Невского. Фрагмент // Восточная коллекция. Осень 2012. С. 24.

⁶ Часто встречаются утверждения, что Невский читал лекцию по айнскому языку в Киотском университете. Судя по ежегодным обозрениям, на филологическом факультете Невский преподавал русский язык. А в воспоминаниях его учеников нередко упоминается, что после уроков Невский часто вел в кафе факультативные занятия типа семинара.

 $^{^7}$ Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978. С. 157–158.

«Общества по изучению Востока (Тоё гаккай)» в г. Отару. Мы полностью согласны с ними, только хотим добавить кое-что. «Тоё гаккай» создано было не в г. Отару, а в г. Осака. И правильное название общества — «Осака Тоё гаккай (Общество осакских востоковедов)». Об этом мы будем говорить позже.

Что заставило Невского заняться тангутоведением? Исихама пишет: «Я с самого начала интересовался тангутоведением, но, не имея материалов, не решался углубляться в проблему. Я часто уговаривал Невского взяться за тангутоведение, говоря ему, что в России хранится уникальная и обширная коллекция книг на тангутском языке, но нет достойных исследований, чтобы прочитать их. Я убедил его, и он решил попробовать, взяв мои книги почитать»⁸.

Конечно, здесь нельзя не вспомнить о китаеведе А. И. Иванове, профессоре Петербургского университета. Уже в 1909 г. Иванов приступил к работе с тангутскими материалами и написал «Тангутские рукописи из Хара-Хото»⁹, а в 1913 г. «Документы из города Хара-Хото»¹⁰. Но до осакского периода в дневниках и письмах Невского не встречается упоминаний о тангутской письменности. Только в 1925 г. после знакомства с Исихама Невский поехал в Пекин, встретился там с Ивановым и получил от него материалы по тангутоведению. Ученик Невского в Осака Нобуо Хираока, который в средней школе Итиока учился на несколько лет младше Исихама, говорит, что Невский «начал исследование тангутского языка, последовав совету Исихама»¹¹. В Осака он не ограничивал свою сферу исследования рамками японоведения и расширил ее на всю Восточную Азию.

Не только круг предметов его исследования оказался расширен, но и в самом его подходе стала доминировать лингвистика. Невский, по его собственному признанию, в первую очередь был лингвистом. В 1932 г. в письме С. Ф. Ольденбургу он пишет: «...считаю своим долгом сказать, что мои основные интересы лингвистические по преимуществу» 12. Научная атмосфера в Осака соответствовала его таланту и интересам.

 $^{^8}$ Дзюнтаро Исихама. Тоёгаку-но ханаси (Рассказ о востоковедении). Согэнся, 1943. С. 194–195.

⁹ Иванов А. Н. Тангутские рукописи из Хара-Хото // Известия Императорского Русского географического общества. 1909. Т. 45. Вып. 8. С. 463–470.

 $^{^{10}}$ *Он жее*. Документы из города Хара-Хото // Известия Академии наук. Сер. 6-я. Т. 7. № 8. С. 811–816.

¹¹ Сирё-га катару Нэфусуки (Что говорят архивные и печатные материалы о Невском) / Под ред. М. Икута. Осака гайкокуго дайгаку, 2003. С. 116.

¹² Архив АН РФ. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 413. С. 13.

Дзюнтаро Исихама

Теперь посмотрим, что за человек был Дзюнтаро Исихама. По воспоминаниям Нобуо Хираока, Исихама «посещал занятия Невского по русскому языку». А в Осакское училище иностранных языков Исихама поступил в качестве специального студента монгольской кафедры в возрасте 35 лет, спустя 10 лет после окончания Токийского Императорского университета. Тогда Невскому было 30 лет. Исихама для Невского стал близким другом. В письме от 8 октября 1930 г. Невский называет его своим «единственным близким другом»¹³.

В одной японской газете помещена интересная статья об Исихама под заглавием «Три крупных востоковеда». Под этими троими подразумевались историк центральной Азии Тору Ханэда из Киото, Микиноскэ Исида, историк, специализирующийся на отношениях Востока и Запада, из Токио и Исихама из Осака. В отличие от Ханэда и Исида Исихама долгое время нигде не хотел работать и проводил свое время, как хотел. Только после войны, когда он обеднел, он поступил работать профессором в университет Кансай. В газетной статье говорится: «Происходя из обеспеченной семьи, Исихама покупал столько книг, сколько ему было угодно, и вскоре стал большим авторитетом в языкознании и филологии восточных языков... В Японии кроме штаба армии один Исихама позволяет себе покупать все монгольские газеты прямо из Монголии»¹⁴. Исихама дал Невскому возможность использовать его богатейшую библиотеку. У Невского довольно много публикаций было издано в соавторстве с ним, чего с другими учеными не было.

Создание ученых обществ

Невский и Исихама были не только соавторами научных статей, но и сотрудничали в создании научных организаций. В 1923 г. Невский с Исихама основали Осакское общество востоковедов (Осака тоё гаккай) при Осакском училище иностранных языков. Президентом общества стал Акира Наканомэ, директор того же Училища. Кроме того, они выпускали журнал «Исследования по Азии (Азиа кэнкю)», где печатались в основном преподаватели того же училища. В четвертом номере Невский опубликовал свою первую статью по тангутоведению под названием «Крат-

¹³ Икута Митико. Указ. соч. С. 154.

¹⁴ Токио нитинити симбун от 22-го июня 1927.

кое руководство к письменным знакам Си Ся с тибетской транскрипцией».

В 1927 г. Невский, Исихама и Моритака Такахаси, молодой этнограф, преподаватель университета Кансай и ученик Невского, организовали еще одно научное общество — Общество востоковедов (Сэйан-Гакуся), названное по имени Ван Говэя (Цзинь-ань) — китайского филолога, одного из лучших знатоков древнекитайской эпиграфики.

Об этих обществах известно очень немногое, и часто думают, что «Осака тоё гаккай» и «Сэйан-гакуся» — одно и то же, или же что второе является преемником первого. Однако это не так. Первое создано было в 1923 г. при Осакском училище иностранных языков, а второе — в 1927 г. при училище Кайтокудо¹⁵. Эти две разные организации, они существовали параллельно. Свидетельством этого является, например, тот факт, что когда второе было только что создано, оно получило в дар от первого шесть выпусков журнала «Исследований по Азии»¹⁶.

Последний 12-й номер журнала «Исследования по Азии», печатного органа «Осака тоё гаккай», был выпущен в 1935 г., а «Сэйангакуся» функционировало до середины XX века. История этих двух научных организаций высочайшего уровня свидетельствует об огромном вкладе Невского и Исихама в культурную историю Осака и Японии

Научный обмен между Осака и СССР

«Сэйан-гакуся» действовал и в качестве посредника научного обмена между СССР и Японией. Теперь об этом знают мало.

В 1927 г. на конгресс в честь основания «Сэйан-гакуся» из Советского Союза был приглашен проф. Н. И. Конрад. Он прочитал доклад под названием «Востоковедение в Советской России». Невский рекомендовал принять Конрада в общество в качестве почетного члена, и японские коллеги одобрили это предложение. На открытие поступило письмо из Азиатского музея, в котором выражалось желание начать обмен научной литературой между Японией и Россией.

В 1928 г. из СССР приехал Щуцкий, научный сотрудник Азиатского музея Академии наук СССР. С 19 апреля до 7 сентября он

¹⁵ Училище голландоведения, созданное осакскими купцами в 20-е годы XVIII в. Преемником его является нынешний Осакский университет.

¹⁶ Икута Митико. Указ. соч. С. 45.

находился в командировке в Японии. Цель его командировки состоит в следующем: 1) приобретение книг для АН; 2) установление книгообмена с японскими учеными обществами и учреждениями, а также с отдельными синологами; 3) личная научно-исследовательская работа, и 4) изучение постановки преподавания китайского языка в японских учебных заведениях. В своем отчете Ю. К. Щуцкий говорит: «В отношении книгообмена удалось договориться с ученым обществом Сэй-ан-гаку-ся в лице Д. Исихама и Н. А. Невского о систематической присылке в АН как изданий этого общества, так и других книг в обмен на востоковедные издания АН. В выборе книги Щуцкий руководствовался или личным знанием приобретаемого издания или достаточно авторитетными указаниями японских китаеведов — главным образом, указаниями профессора Киотского университета Кано Наоки и д-ра Исихама Дзюнтаро. Японологическая часть приобретений была выбрана на основании указания Н. А. Невского и командированной в Японию А. Е. Глускиной»¹⁷.

Щуцкий посещал лекции Д. Исихама, посвященные древнейшему пиктографическому словарю Китая «Шо-вэнь» и истории китайской философии 18 . Исихама повлиял не только на Невского, но и на Щуцкого.

С другой стороны, Исихама через тесное сотрудничество с Невским и Щуцким преобразился из китаеведа в востоковеда более широкого профиля. Во времена Эдо в Японии существовали такие разновидности знания, как кангаку (китайская наука), кокугаку (национальная наука) и ёгаку (европейская наука). Понятия тоёгаку (востоковедение) не было, оно появилось после того, как Япония импортировала научные дисциплины с Запада. Исихама по образованию был китаеведом (кангакуся). Он, работая совместно с Невским, непосредственно почувствовал академический дух российского востоковедения. Исихама пишет: «Судя по собраниям материалов, направлению исследования и превосходным достижениям ученых, российская академическая школа является одной из лучших в мире» 19.

Перед нами — интересное письмо Исихама от 7 ноября 1934 г., адресованное академику В. М. Алексееву. Это письмо написано по-

 $^{^{17}}$ Щуцкий Ю. К. Отчет о поездке в Японию // Известия АН СССР. ОГН. 1928. № 8/10. С. 568.

¹⁸ Там же. С. 569.

¹⁹ Дзюнтаро Исихама. Указ. соч. С. 229.

английски и хранится в архиве АН РФ. Судя по содержанию, Исихама написал это письмо, желая, чтобы Невский был избран членом Академии наук. Он пишет: «Н. А. Невский, прежде всего, японовед. Как таковой, он изучает язык, литературу и фольклор. Он вполне овладел и разговорным, и литературным языками, и, кроме того, имеет значительные познания в диалектах японского языка, а равно и языках соседних с Японией народов». Исихама продолжает: «Что касается до его работ по Си-Ся, то достаточно будет сказать, что Невский стоит во главе всей мировой науки о Си-Ся. Он начал изучать письменность Си-Ся под моим руководством, но случилось с ним то самое, о чем говорит китаец Синь-цзун в своем знаменитом изречении: «Синий цвет идет из индиго, но он более синий, чем сам индиго». Он является основателем фонологии языка Си-Ся и сделал тангутоведение разделом лингвистической науки»²⁰.

Невский высоко оценил Исихама. В недавно найденном письме Невского к Исихама из Петербурга, хранящемся в архиве Осакского университета, Невский спрашивал мнение Исихама о примечании к переводу из Мэн-цзы.

Кроме того Невский просил Исихама прислать его биографию и список научных работ, чтобы В. М. Алексеев мог выдвинуть Исихама на звание члена-корреспондента АН СССР²¹. Осуществление этого замысла Алексееву и Невскому, по всей вероятности, не удалось²², так как в списке персонального состава АН СССР нет имени Исихама.

Невский формировался как ученый тогда, когда в Японии складывались и развивались этнография, айноведение и окинавоведение. Часто говорят, что Невский был среди тех, кто основал эти науки в Японии. Вдобавок к этому надо сказать, что он был одним из основоположников японского востоковедения.

* * *

Автор выражает благодарность Л. М. Ермаковой за неоценимую помощь в работе над этой публикацией.

 $^{^{20}}$ Перевод этого письма с английского на рус. яз. см.: Бюлл. Архива востоковедов. Вып. 3. Л., 1963. С. 48–52.

²¹ Митико Икута. Исихама-атэ Нэфусуки сёкан (Письмо Невского к Исихама) // Исихама бунко-но гакусайтэки кэнкю (Междисциплинальное изучение библиотеки Исихама). Осакский университет, 2012. С. 10.

²² Академия наук СССР. Персональный состав 1917–1974. М., 1974.

Michiko Ikuta

N. A. NEVSKY AND JUNTARO ISHIHAMA – PIONEERS OF ORIENTAL STUDIES IN OSAKA

One of the distinguish features of Nevsky's biography is his wide range of Japanese friends from intellectual circles. No wonder that many researchers of his biography devote attention to relations between Nevsky and Japanese scholars. However, the existing research has concentrated mainly on connections between the Russian scholar and his Tokyo colleagues-philologists, while his network in the Osaka region has been neglected. This paper focuses on relations between Nevsky and his friend Ishinama from "Osaka Oriental Studies Association" and "Societas Orientalis, Osaka, in Memorian of Wang Kuo-we". It proves that Nevsky was one of the founders not only of Japanese ethnology, but of Oriental studies as well.

Н. А. НЕВСКИЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

В справочной литературе и основных публикациях о Н. А. Невском указывается, что после своего возвращения в СССР из Японии (1929) он, наряду с другими учреждениями, с 1934 г. работает и в Государственном Эрмитаже. Между тем до сих пор не было предпринято попыток собрать воедино сохранившиеся свидетельства его работы в музее и специально осветить этот факт его биографии.

Действительно, имя Н. А. Невского ассоциируется, прежде всего, с разными отечественными и японскими академическими и учебными учреждениями, а не с музеями и музейной деятельностью. В этом смысле работа в Эрмитаже — отнюдь не самый значительный факт биографии ученого, который, среди прочего, объясняется и тем обстоятельством, что в то время многие востоковеды одновременно работали или сотрудничали сразу в нескольких учреждениях. Следует также сказать, что в целом сведений о работе Н. А. Невского в музее сохранилось крайне мало: вполне вероятно, что-то за давностью лет оказалось забыто, а какие-то, возможно и существовавшие, материалы — утрачены.

Впервые Н. А. Невский на каких-то условиях (вероятно, внештатных — договорных) работал в Эрмитаже сразу по окончании университетского курса, о чем он в своей автобиографии пишет следующее: «Окончив университет в 1914 году, был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности по японской кафедре. Занимаясь над пополнением своего образования, я в то же время работал в Государственном Эрмитаже (в нумизматическом отделе), что давало мне возможность существовать, так как я временно был оставлен при университете без всякого

содержания»¹. Об этом же факте его биографии упоминает и акад. В. М. Алексеев (1881–1951), отмечая, что «в 1914 г. он... вынужден был искать работу на стороне, каковая, к счастью, оказалась для него плодотворной, а именно классификация китайских и японских монет на основании китайских и японских источников»². В следующем году Н. А. Невский был командирован университетом в Японию и вновь стал работать в этом музее спустя почти двадцать лет.

В архиве Эрмитажа хранится личное дело профессора Н. А. Невского, состоящее только лишь из личной карточки (на двух листах). Согласно этому документу, на работу в музей Н. А. Невский был принят совместителем 1 ноября 1934 г. в Сектор (в настоящее время Отдел) Востока³. В следующем году должность профессора была переименована в «действительного члена», а с 21 декабря 1935 г. он значится членом квалификационной комиссии по присуждению ученых степеней. Последняя запись относится к 10 декабря 1937 г., когда он был уволен из музея (причина увольнения не указана)⁴. В архиве Отдела Востока также имеется несколько составленных в разное время списков его сотрудников, среди которых значится и фамилия Н. А. Невского.

Скорее всего основным поводом для приглашения и трудоустройства Н. А. Невского в музее явилось то, что в 1934 г. в Эрмитаж из Этнографического отдела Русского музея была передана часть коллекции П. К. Козлова (1863–1935), собранной им в ходе Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. в мертвом городе Хара-Хото.

Экспедицией было обнаружено большое собрание текстов на тангутском, китайском, тибетском и монгольском языках, а также произведений искусства. Письменные памятники в 1910 г. были переданы в Азиатский музей (ныне Институт восточных рукописей (ИВР) РАН), где тангутские тексты сейчас составляют особый фонд⁵. Та часть находок из Хара-Хото, которая в настоящее время хранится в Эрмитаже, включает археологический материал, произведения

 $^{^1}$ Цит. по: *Громковская Л. Л., Кычанов Е. И.* Николай Александрович Невский. М., 1978. С. 38.

² Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 86.

 $^{^3}$ Наиболее полно история этого отдела описана в статье: *Иерусалимская А. А., Иванов А. А.* Отдел Востока // Эрмитаж: История и современность. М., 1990. С. 215–234.

 $^{^{4}}$ Архив ГЭ. Ф. І. Оп. 13 17 /с. № 583.

⁵ См., например: *Кычанов Е. И.* Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской Академии наук и его изучение // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. СПб., 2008. С. 130–146.

живописи, глиняные статуи и рельефы, деревянную скульптуру, доски для печатания книг, монеты, ассигнации и ткани 6 . Как отмечает В. М. Алексеев, именно Н. А. Невскому «Институт востоковедения (ныне ИВР РАН. — $E.\ K.$) обязан расчлененным оформлением тангутского фонда (из находок Козлова в Хара-Хото), в котором он обнаружил доселе неизвестные и, по-видимому, нигде более не имеющиеся тексты... Наконец, руководство новыми для Эрмитажа собраниями по тангутско-китайскому искусству могло быть вверено только ему» 7 .

Большая часть работ Н. А. Невского и его научных планов времени ленинградского периода жизни, безусловно, связана с изучением тангутского языка и письменности. Тем не менее он работал со всеми ленинградскими тангутскими собраниями, занимая соответствующие должности и в Институте востоковедения, и в Эрмитаже. Это обстоятельство свидетельствует о комплексном подходе ученого к памятникам изучавшейся им культуры. В этой связи уместно привести цитату из работы Б. Б. Пиотровского (1908–1990), писавшего о том, что сотрудники Сектора Востока в 1930-х гг. вопреки традиции, считавшей Эрмитаж музеем искусства, «свою научную работу и экспозицию строили направленными на историю культуры в широком смысле, и основным требованием к музейным работникам сектора было знание языка и литературы тех восточных народов, памятники которых ими экспонировались»⁸.

Комплексный подход Н. А. Невского к культуре тангутов иллюстрирует написанный им «Проект издания памятников тангутской культуры из Хара-Хото», датированный 12 апреля 1936 г. «Проект» состоит из небольшого введения, двух основных частей, озаглавленных «Литературные и лингвистические материалы» и «Художественные и историко-бытовые материалы», а также росписи содержания этих разделов. Относительно общего плана издания Н. А. Невский

 $^{^6}$ Основные сведения об этой части коллекции, а также исследование числящейся в ее составе буддийской живописи см. в кн.: $\it Camocrok~K.~\Phi$. Буддийская живопись из Хара-Хото XII—XIV веков. Между Китаем и Тибетом. Коллекция П. К. Козлова. СПб., 2006

⁷ Алексеев В. М. Указ. соч. С. 87.

 $^{^8}$ *Пиотровский Б. Б.* История Эрмитажа: Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000. С. 90.

⁹ Невский Н. А. Проект издания памятников тангутской культуры из Хара-Хото (Публикация и примечания Н. [Д.] Путинцевой, предисловие Е. И. Кычанова) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1970. М., 1974. С. 437–451.

пишет следующее: «Публикация коллекций Хара-Хото должна занять около 100 печатных листов, разделенных на два объемистых тома — один посвященный письменным [литературным] памятникам и лингвистическим исследованиям по тангутскому языку, другой — памятникам материальной культуры и искусства Хара-Хото. Обоим разделам необходимо предпослать очерк по истории тангутов с публикацией переводов наиболее существенных мест из китайских исторических трудов, касающихся государства Си Ся. К данному очерку необходимо приложить историческую карту тангутского государства. Ввиду того что литературный и лингвистический материалы по своему объему превосходят художественный и историкобытовой, названный очерк по истории придется присоединить ко второму разделу» 10.

Далее речь пойдет только о втором разделе «Проекта», в котором Н. А. Невский классифицирует все относящиеся к нему материалы по следующим категориям: 1) «памятники быта» (среди них он особо выделяет уникальные китайские бумажные ассигнации монгольского времени); 2) «памятники прикладного искусства» (керамика и текстиль); 3) «памятники искусства» (живопись, пластика, гравюра).

Характеризуя живопись из Хара-Хото он констатирует, что она является важным источником для исследований центральноазиатского искусства XI-XII вв. и подразделяется на две категории: китайскую и тибетскую. Особо оговаривается, что изучение тибетской части уже было начато акад. С. Ф. Ольденбургом (1863–1934)¹¹, однако китайские памятники еще не описаны и не получили научной каталогизации, а обе категории живописных произведений пока не рассматривались с точки зрения их стилистических особенностей. Кроме того, их исследование позволяет сделать ряд выводов о межкультурных контактах таких регионов, как Индия, Тибет, Непал и Китай. Относительно других материалов отмечается, что, во-первых, ксилографические памятники из Хара-Хото, благодаря наличию досок для печатания (матриц), дают возможность судить о самой технике печати; во-вторых, найденная в мертвом городе керамика хорошо характеризует китайское керамическое производство, позволяя представить ряд датировок и установить те связи, которые существовали у тангутов с центрами производства

¹⁰ Там же. С. 439.

¹¹ Ольденбург С. Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото (Образа тибетского письма). С 6 таблицами и 25 рисунками в тексте. СПб., 1914 (из второго тома «Материалов по этнографии России»).

керамики в Китае. На этом основании делается вывод о том, что каждому из соответствующих разделов научного каталога памятников материальной культуры и искусства тангутов должны быть предпосланы вводные статьи, «являющиеся исследованиями по данным вопросам»¹², конкретный план которых дается в следующем разделе «Проекта».

В прилагаемой росписи содержания соответствующих томов издания и научно-исследовательских работ, озаглавленной «Памятники Хара-Хото», Н. А. Невский выделяет уже не два тома, как сам же писал выше, а три. История Хара-Хото, памятники тангутской материальной культуры и искусства занимают первые два тома, за изложением содержания которых следует описание планируемой исследовательской работы, объемов намечаемых исследований, их исполнителей и сроков. Помимо самого Н. А. Невского и участников экспедиции в Хара-Хото, здесь упомянут еще целый ряд фамилий исследователей, которых он собирался привлечь к работе над тангутскими материалами¹³. Сроками выполнения всех работ значатся 1938–1941 гг. В последний — третий — том входят работы по языку и письменности тангутов, а также каталог тангутских письменных памятников Института востоковедения, то есть те материалы, которые в основном тексте «Проекта» Н. А. Невский относил к первому тому и разделу «Литературные и лингвистические материалы». После содержания этого тома нет описания относящейся к нему научноисследовательской работы, но можно заключить, что Н. А. Невский был бы, вероятно, единственным его автором (сроки выполнения работ для этого тома — 1938–1942 гг.).

В числе отнесенных к первому тому работ значится история Хара-Хото XI–XII вв. в ее связи с тангутским обществом того же времени, которой Н. А. Невский собирался заниматься совместно с В. Н. Казиным (он также планировал опубликовать дневники (скорее всего имелись в виду выдержки из дневников) П. К. Козлова, С. А. Глаголева и А. А. Чернова вместе с планом и описанием города, выполненным К. К. Даниленко, и исследованием В. А. Казакевича о башнях и валах города). Памятникам материальной культуры XI–XIV вв. должны были быть посвящены разделы В. А. Казакевича о металлических вещах, Ю. К. Щуцкого о культовых предметах, В. Н. Казина о денежных знаках монгольского периода, С. М. Зубер (Кочетовой) о музыкальных инструментах и еще кого-то (в графе

¹² Невский Н. А. Указ. соч. С. 441–443.

¹³ Сведения об этих лицах приводятся в Приложении к настоящей статье.

«исполнитель» стоит знак вопроса) об изделиях из дерева, кожи и других материалов.

Во втором томе предполагалось дать общую характеристику искусства Хара-Хото с описанием живописи и скульптуры (А. С. Стрелков). В число так называемых «иконографических экскурсов» здесь включены культ небесных светил (Н. А. Невский), божества планет (В. Н. Казин), Вайрочана и адибуддизм (А. С. Стрелков), Амитабха и Сукхавати (С. М. Зубер), культ Авалокитешвары (Н. А. Невский). Также должны были быть освещены техника живописи (в графе «исполнитель» — знак вопроса), ксилография (К. И. Разумовский, В. Н. Казин), керамика (К. И. Разумовский), ткани и текстиль (С. М. Зубер, М. П. Лаврова, Н. Н. Соболев) 14. Впоследствии, уже после смерти Н. А. Невского, были опубликованы несколько статей, написанных указанными в данном плане издания специалистами 15.

Некоторые из упомянутых в «Проекте» работ самого Н. А. Невского были изданы в первом томе «Тангутской филологии». В связи с рассматриваемой темой следует особо отметить статью «Культ небесных светил в Тангутском государстве XII века», являющуюся докладом, прочитанным ее автором в Эрмитаже в 1931 г. (то есть еще до своего официального зачисления в штат музея)¹⁶. Н. А. Невский был одним из первых, кто обратился к изучению тангутских текстов буддийского содержания, составляющих большую часть собраний тангутских письменных памятников, но, как правило, обойденных вниманием первых исследователей-тангутоведов (им вполне осознавалась необходимость их изучения и было написано несколько специальных работ на эту тему). Современные исследователи отмечают, что «Культ небесных светил» представляет собой «практически первый опыт прочтения и интерпретации тангутского буддийского текста»¹⁷, без которого было бы невозможно изучение группы соответствующих памятников из эрмитажного собрания¹⁸. В этой статье на основании нескольких тангутских буддийских тек-

¹⁴ Невский Н. А. Указ. соч. С. 444–447.

¹⁵ Зубер С. М. Музыкальные инструменты в иконографии Хара-Хото // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. III. Л., 1940. С. 325–337; Кочетова С. М. Божества светил в живописи Хара-Хото // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. IV. Л., 1947. С. 471–502; Казин В. Н. К истории Хара-Хото // Труды Государственного Эрмитажа. Т. V: Культура и искусство народов Востока. Л., 1961. С. 273–285.

 $^{^{16}}$ Невский Н. А. Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Кн. 1. М., 1960. С. 52–73.

¹⁷ Солонин К. Ю. Обретение учения. Традиция Хуаянь-Чань в буддизме тангутского государства Си Ся. СПб., 2007. С. 25, примеч. 26.

¹⁸ Самосюк К. Ф. Указ. соч. С. 23, 178–199.

стов и данных тангутской буддийской живописи описывается ряд небесных светил и связанных с ними практик — изготовление мандалы божеств (духов) планет, подношений им и собственно созерцания. Бо́льшая часть этой работы связана с исследованием тангки на шелке, названной Н. А. Невским «Звездным магическим кругом», числящейся в каталоге К. Ф. Самосюк как «Мандала божеств планет» (инв. № X-2480)¹⁹. Н. А. Невский привлекает описывающий эту мандалу тангутский текст 引蒙萊森德鄉解於藏殘²⁰, название которого было переведено им как «Священнодействие с заклинательным кругом в честь святой матери планет», а также приводит перевод пространных отрывков из этого памятника²¹.

 21 В каталогах тангутских памятников из собрания ИВР РАН не удалось обнаружить текста с таким названием. Ван Дрим, основываясь, вероятно, на информации, полученной от К. Б. Кепинг (1937–2002), упоминает этот текст среди потерянных памятников тангутского фонда, отмечая, что эта рукопись не числится в его каталоге (инвентарной книге? — $E.\ K.$). Хотя он прямо не связывает эту потерю с арестом Н. А. Невского, данное предположение вполне очевидно в контексте статьи ($van\ Driem\ G.\ Ор.\ cit.\ P.\ 150$). О том, что текст был утрачен во время ареста Н. А. Невского со ссылкой на слова К. Б. Кепинг также сообщила мне в личной беседе К. Ф. Самосюк; тем не менее Е. И. Кычанов высказал сомнение в достоверности этой информации.

¹⁹ Там же. С. 197–199.

²⁰ Здесь приводится тангутское название, установленное по хранящимся в Архиве востоковедов ИВР РАН черновикам статьи Н. А. Невского, в которых оно встречается дважды: 有數數據極極極極極極極極極

Существуют также и некоторые косвенные свидетельства работы Н. А. Невского в Эрмитаже. В личной беседе К. Ф. Самосюк однажды отметила, что описания соответствующих единиц хранения в инвентарных книгах эрмитажной части коллекции из Хара-Хото (шифр «Х») порой написаны очень профессионально и вполне вероятно участие Н. А. Невского в их составлении. Так, например, в составе эрмитажного собрания числится тангутский иллюстрированный ксилограф (инв. № X-2538)²². В его описании отмечено, что в центре иллюстрации находится «большой тангутский знак-сердце» (※)²³, поэтому можно заключить, что этот памятник был известен Н. А. Невскому, так как в Ленинграде 1930-х гг. вряд ли кто-то кроме него и некоторое время работавшего с материалами тангутского фонда Института востоковедения А. А. Драгунова (1900—1955) мог читать тангутскую иероглифику (сведений о работе А. А. Драгунова с тангутскими памятниками эрмитажного собрания не имеется).

Наконец следует упомянуть и свидетельство о том, что, находясь в заключении, Н. А. Невский представился своим сокамерникам как сотрудник Эрмитажа. Об этом говорится в письме, написанном в 1963 г. Е. И. Кычанову одним из заключенных, некоторое время находившимся в одной камере с Н. А. Невским: «Он (Н. А. Невский. — Е. К.) был скромным человеком, в камере, пожалуй, никто не знал, что он является в какой-то степени знатоком по тангутским вопросам. Мое знакомство состоялось тоже как с работником Ленинградского Эрмитажа. При организации (конечно, неофициальной) в камере какого-то разумного досуга, избегая общей болтовни и шума, стали

ст. инв. № 4737) — рукопись, свиток; Танг. 78/2 (инв. № 407, ст. инв. № 7122) — ксилограф; Танг. 78/3 (инв. № 4341) — рукопись, свиток. Все три единицы хранения сохранились неполностью, поэтому название сочинения представлено только в конце текста первой и сокращенно в виде первых трех иероглифов 引發菜 на байкоу второй. Без специальных сопоставлений трудно сказать, может ли этот памятник быть именно тем, который исследовал Н. А. Невский, однако такая вероятность не исключена. Например, в китайском издании трудов Н. А. Невского название «Священнодействия» переведено на китайский язык как 聖星母中道法事供養典, т. е. оно отличается от реконструкции названия текста Танг. 78 только одним последним иероглифом, поэтому вполне возможно, что некоторые китайские исследователи рассматривают их как один и тот же памятник (см.: 西夏研究 (Изучение Си Ся). Вып. 6. С. 39).

 $^{^{22}}$ Подробнее см.: *Кий Е. А.* Тангутский иллюстрированный ксилограф из собрания Государственного Эрмитажа (к определению китайского источника) // Тангуты в Центральной Азии: Сборник статей в честь 80-летия проф. Е. И. Кычанова. М., 2012. С. 137–146.

 $^{^{23}}$ Инвентарная книга Государственного Эрмитажа. X 2241—2630. Л. 168—170 (книга датирована 1939 г.).

устраивать беседы на самые различные темы, когда один человек в полголоса рассказывает, а все остальные слушают. Дошла, помню, очередь и до Николая Александровича. Первой его темой был увлекательный рассказ о ценностях Ленинградского Эрмитажа»²⁴.

В послевоенные годы хранящаяся в Эрмитаже часть коллекции П. К. Козлова изучалась и публиковалась такими ныне покойными исследователями как С. М. Кочетова (1907–1985), М. Н. Кречетова (1904–1965), Н. В. Дьяконова (1907–1996), Т. В. Грек (1920–1985), Е. И. Лубо-Лесниченко (1929–2001), а также здравствующими М. Л. Пчелиной (Рудовой) и К. Ф. Самосюк²⁵. Благодаря их трудам была проделана определенная работа по дальнейшему изучению материальной культуры и искусства тангутов, однако представляется, что и в этой области значительно быстрее были бы достигнуты несоизмеримо большие успехи, если бы Н. А. Невский, принимая участие в этом деле, смог реализовать все свои планы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лица, упомянутые Н. А. Невским в «Проекте издания памятников тангутской культуры из Хара-Хото»

В приложении дана краткая, никоим образом не претендующая на полноту, справка об упомянутых Н. А. Невским лицах. Из учреждений, в которых они работали, указывается только ИВАН — Институт востоковедения Академии наук СССР и ГЭ — Государственный Эрмитаж. Ссылки на литературу даны по двум справочным изданиям: Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подгот. Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина. СПб., 2003 (ЛС); Милибанд С. Д. Востоковеды России: ХХ — начало ХХІ в.: Биобиблиографический словарь. Кн. І–ІІ. М., 2008 (ВР).

Глаголев Сергей Анатольевич (1893—?) — географ, участник Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923—1926 гг.

Даниленко Константин Константинович (1905–1931) — участник Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923–1926 гг.

Зубер (Кочетова) Софья Михайловна (1907—1985) — китаист-искусствовед. Научн. сотр. ГЭ. *Лит.*: *Цветкова Н. А.* Софья Михайловна

²⁴ Письмо В. И. Титянова к Е. И. Кычанову // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 517 (цит. с сохранением особенностей оригинала).

²⁵ См.: Самосюк К. Ф. Указ. соч. С. 23–24.

- Кочетова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LXVII. СПб., 2009. С. 163–175.
- **Казакевич Владимир Александрович** (1896–1937) монголоведисторик. Научн. сотр. ИВАН и ГЭ (1935–1937). *Лит.*: ЛС. С. 187–188; ВР. Т. І. С. 578–579.
- **Казин Всеволод Николаевич** (1907–1942) китаевед. Научн. сотр. ГЭ (1934–1942). *Лит.*: ВР. Т. І. С. 580–581.
- Лаврова Мария Петровна (1869 (или 1870) 1967) китаевед. Занималась исследованием кит. коллекций Этнографического отдела Русского музея и в 1930 г. подготовила к печати рукопись «Ткани и вышивки Хара-Хото», которая, видимо, осталась неопубликованной. Лит.: ЛС. С. 232; Дешпанде О. П., Мельниченко Б. Н. История создания коллекции буддийской скульптуры Таиланда из собрания Эрмитажа // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 15. СПб., 1995. С. 94.
- **Разумовский Константин Иванович** (1905–1942) китаист-искусствовед. Научн. сотр. ИВАН. *Лит.*: ВР. Т. II. С. 220.
- **Соболев** возможно **Соболев Николай Николаевич** (1874—1966) художник и искусствовед, специалист по текстильному орнаменту.
- Стрелков Александр Семенович (1896–1938) специалист по искусству доисламской Средней Азии, Ирана, Индии. Научн. сотр., действительный член ГЭ. Лит.: ЛС. С. 361–362; ВР. Т. II. С. 424–425.
- **Щуцкий Юлиан Константинович** (1897–1938) китаевед-филолог, историк кит. философии. Научн. сотр. ИВАН и ГЭ (1936–1937). *Лим.*: ЛС. С. 432–433; ВР. Т. II. С. 693–694.
- **Чернов Александр Александрович** (1877–1963) известный геолог и палеонтолог, участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907–1909 гг.

Evgeniy Kiy

NIKOLAI A. NEVSKIY AND THE STATE HERMITAGE MUSEUM

Nikolai A. Nevskiy's name is associated with several Russian and Japanese academic institutions and universities and the fact that since 1934 Nevskiy was a by-worker in the State Hermitage Museum is less known and studied by his biographers. The present paper deals with all available data on Nevskiy's academic activities related to the State Hermitage and its collections. It shows that Nevskiy was interested not only in the study of Tangut language and literature but in broader research into Tangut material culture and art.

С. Г. ЕЛИСЕЕВ И Н. А. НЕВСКИЙ (по письмам российских востоковедов)

Сергей Григорьевич Елисеев, получивший специальное японистическое образование в Токийском императорском университете в Японии, постепенно сблизился с молодыми российскими японоведами, учившимися на факультете восточных языков в университете Санкт-Петербурга — Петрограда. Между С. Г. Елисеевым и Н. И. Конрадом, О. О. Розенбергом, М. Н. Раммингом и братьями Плетнерами существовали добрые отношения. А Николай Александрович Невский стал близким другом Елисеева.

Однако им было суждено провести вместе не так много времени. Неизвестно, когда они могли познакомиться. Во время учебы Н. А. Невского в университете в начале 1910-х гг. С. Г. Елисеев находился в Японии. Их знакомство могло состояться самое раннее летом или в начале осени 1911 г., когда Сергей Елисеев приезжал на каникулы в Санкт-Петербург. Об этой поездке он писал С. Ф. Ольденбургу: «В этом году после трехлетнего пребывания в Японии приезжаю на два месяца в Петербург. Буду с середины июля до числа 10 сентября в России. Мне бы очень хотелось Вас повидать, чтобы рассказать Вам лично о своих занятиях и планах... Я... обязательно зайду в Академию наук и спрошу [о Вас] там». [Письмо С. Г. Елисеева С. Ф. Ольденбургу от 13 июня 1911 г. — 7. С. 232]. Вполне возможно, что Елисеев заходил также и на факультет восточных языков университета или через коллег познакомился с Невским.

Об этой же поездке русского студента на каникулы есть упоминание в дневниках Николая Японского (Касаткина), с которым в православной миссии встречался Сергей Елисеев, от 12/25 июня 1911 г.: «Студент здешнего Университета, Сергей Григорьевич

Елисеев, выдержав экзамены, также едет в Россию на каникулы, до октября; приходил прощаться» [4. С. 773].

Существует фотография Сергея Елисеева, подаренная им старшему брату Г. Г. Елисееву с супругой осенью 1911 г. в Петрограде. [Личный фонд Пьера В. Елисеева].

Известно, что лето 1912 г. Сергей Елисеев также провел в России. 19 июля 1912 г. он отправил супруге своего близкого друга Виталия (Виташи) Лонгинова в Ставрополь следующую открытку: «Вчера, дорогая Ада, приехал в Москву. Меня встретил Виташа. Вчера провели вместе с ним весь день. О чем, о чем только не говорили. Сколько было хороших часов, сколько теплого, родного. Вечером обедали в «Мавритании» и пили за Ваше здоровье. Всего Вам хорошего. Ваш Сережа» [Личный архив В. В. Лонгинова].

Лето 1913 г. Сергей Елисеев провел в Японии, а Николай Невский в летние каникулы того же года был направлен в Японию в краткосрочную командировку [6. С. 29].

Летом 1914 г. С. Г. Елисеев вернулся из Японии в Петроград и начал готовиться к сдаче экзаменов на факультете восточных языков. Н. А. Невский в том же году окончил факультет. И если они еще не были знакомы, в тот год они должны были обязательно встретиться. Вскоре, уже в 1915 г., Николай Александрович уехал в Японию и пробыл там до 1929 г. Сергей Григорьевич за это время успел покинуть Россию и перебраться во Францию.

Затем друзья повстречались в Японии, когда летом 1916 г. С. Г. Елисеев получил командировку от университета. Его встреча с Н. А. Невским и другими японоведами нашла документальное подтверждение в виде совместной фотографии русских японистов в Японии летом или ранней осенью 1916 г. Фотография не сохранилась, однако есть упоминание о ней в письме Н. И. Конрада Оресту В. Плетнеру от 15 июля 1968 г. «Смотрю я на уцелевшую у меня фотографию, старую, выцветшую, вижу на ней стройных молодых людей в белых костюмах, в канотье — Ореста Викторовича [Плетнера], Николая Александровича [Невского], Николая Иосифовича [Конрада] — и с ними элегантную молодую даму — Веру Петровну [Елисееву]. И все они — молодые, красивые, веселые!.. Сергея Григорьевича [Елисеева] нет только потому, что он нас всех тогда снимал. Это — память о нашей совместной поездке в Камакура. И кажется, что это было — ну вроде как "в прошлом году", никак не дальше» [3. C. 258].

Во время этой командировки Елисеева Невский спрашивал у него мнение о книге В. М. Алексеева, посвященной творчеству китайского

поэта Сыкун Ту¹. Вот письмо Н. А. Невского В. М. Алексееву от (...) сентября 1916 г. «...Вы просили выпытать у Елисеева его кардинальное мнение о Вашей книге. Нечего говорить, что он в восхищении, как и мы. По его словам, восхищение перед работой испытывают и знатоки — японцы, которым он, Елисеев, показывал ее. Но в переводе есть ошибки, но почти всегда в тех местах, где Вами отмечается непонятность текста» [7. С. 238]. Елисеев, знакомясь с работой, на защите которой он должен был выступать оппонентом, обсуждал ее вместе с Невским. «Этот пункт вызвал положительно восторг Вашего официального оппонента и его постоянного слушателя Николая Александровича, который так восторгался этим, что готовит Вам, кажется, специальный трактат относительно этой фразы...» — пишет Алексееву Конрад из Японии 11 сентября 1916 г. [5. С. 246].

О теплых отношениях между Н. А. Невским и С. Г. Елисеевым свидетельствует Н. И. Конрад в своих письмах к Николаю Александровичу Невскому весной-осенью 1917 г. «Скоро приедет Елисеев к Вам и Вы будете чувствовать около Вашего "друга Сережи" — славно...» [не позднее мая 1917 г. — 5. С. 247–248]. «Что поделывает Ваш "друг Сережа" и его семья?» [16 июля 1917 г. — 5. С. 253]. Н. И. Конрад, который жил с Невским в Японии общим хозяйством в 1915–1916 гг., даже как будто немного ревнует Н. А. Невского к С. Г. Елисееву: «Не знаю, почему Вы мне ничего не пишете, до сих пор ни одной строчки. Или Вы так заняты науками, женщинами и Вашими приятелями, в частности, Сергеем Григорьевичем [Елисеевым], что не улучаете минутки черкнуть мне...» [11 сентября 1917 г. — 5. С. 254].

Последние встречи Н. А. Невского и С. Г. Елисеева пришлись на лето — осень 1917 г., когда Сергей Елисеев второй раз приезжал в Японию в командировку от университета. Затем С. Г. Елисеев долгие годы не был в Японии — до 1933 г., а Н. А. Невский не был в России.

Несомненно, между друзьями продолжалась переписка. Но из писем почти ничего не сохранилось, кроме тех, что находятся в Японии в библиотеке университета г. Тэнри в фонде Н. А. Невского. Одно письмо из Петрограда от 13/26 марта 1917 г. Оно было опубликовано в университетском журнале «Biblia» в 1995 г. К. А. Хмелевским. Невозможно не привести здесь это восторженное письмо Сергея

 $^{^1}$ Алексеев В. М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту: Перевод и исследование. Пг., 1916.

Григорьевича, которое было написано им после февральской революции 1917 г. и отражало его отношение к происходящим событиям. «Дорогой Коля, кричи ура и прыгай до потолка. Наконец-то мы сшибли с престола Романовых и устроили в России настоящую революцию. Посылаю тебе вырезки из газет об аресте Николая II и первый № вестника Временного Правительства, в котором найдешь обзор всех событий за последние дни. Ты его сохрани пожалуйста до моего приезда. Что мы пережили за эти дни, трудно передать словами. Трудно рассказать о том нервном подъеме, в котором мы находились последние дни, как передать словами тот ряд настроений, который охватил все русское общество. Ты не можешь себе представить, какой сейчас подъем в России, как мы все лихорадочно живем и как всюду кипит работа. Иностранцы окончательно обалдели и никак не могут понять, как можно сделать такую революцию в 6 дней, но беспорядки продолжались триста лет. За эту последнюю неделю сделано столько, сколько в других странах сделано за годы: отменены паспорта, проведена полная политическая амнистия, полная свобода совести, отменена черта еврейской оседлости, отменена смертная казнь, женщины уже участвуют в муниципальных выборах, министр народного просвещения распорядился вернуть в университеты всех профессоров, которые были уволены при старом режиме за свои политические убеждения, и уволить всех назначенных при Кассо, с правом, если факультеты того пожелают, их снова выбрать. В армии проведен целый ряд реформ: отменены деньжишки, отменено название "нижний чин", вместо него "солдатский или воинский" чин, отменено титулование Ваше Благородие и т. д. Вместо этого введено господин полковник, господин генерал и т. д. Когда Николая II привезли в Царское Село, и он сказал караулу: "Здравствуйте, братцы", они ответили: "Здравия желаем, господин полковник!" Отменены также чины и в гражданских ведомствах. Министр юстиции Керенский, когда входит в Министерство, то здоровается со всеми сторожами и курьерами за руку. Солдат называют на "Вы". Все старое кряхтит и летит к черту. Театры называются не императорские, а государственные. Говорят об учреждении министерства изящных искусств. Ты понимаешь, Коля, мы теперь пойдем впереди всех и быть русским теперь великая честь. Как бы война не кончилась, что бы еще немцы не сделали, мы войну выиграли, потому что получили свободу и убрали Романовых. Если же военные события будут разыгрываться для нас благоприятно, вихрь свободы пронесется через всю Европу и Германия у себя сметет Гогенцоллернов. Мне жаль тебя и остальных русских, которые сейчас не с нами,

потому что такие чувства можно пережить только раз в жизни, а вы далеко и до вас доходят только отголоски. Летом приеду и расскажу тебе, как палили из пулеметов на Большом проспекте, как жгли охранное отделение и окружной суд. Всего тебе хорошего. Вера Петровна, Мариетта, Александр Григорьевич, Никитушка и я тебе кланяемся. Целую тебя крепко. Твой друг Сережа». 13/26 марта 1917 г. [8. Р. 172–174].

В Тэнри хранятся также письма С. Г. Елисеева, которые были написаны им в октябре 1920 г. в Швеции и адресованы свояченице, проживавшей в Париже. Они были пересланы С. Г. Елисеевым Н. А. Невскому в Японию из Франции 25 октября 1922 г. с замечанием: «Дорогой Коля, это письма с описанием нашей жизни в РСФСР» [8. Р. 172]. По этим письмам С. Г. Елисеев написал книгу «Дневник заложника Красной России», опубликованную в Японии в 1921 г. Но сначала, летом 1921 г., эти дневниковые записи были изданы в 33 номерах газеты «Осака Асахи Симбун». Заслуживает внимания, что сначала материалы писем были опубликованы и лишь затем пересланы Н. А. Невскому. Одновременно с этими письмами С. Г. Елисеев послал Н. А. Невскому отдельное письмо. «Письмо тебе посылаю в другом конверте. Целую. Твой Сережа» [там же]. Однако письмо не сохранилось. Японские исследователи Т. Хино и Т. Каваи считают, что это были последние письма ученых и на этом переписка между ними оборвалась [там же. С. 168].

По возвращении Н. А. Невского в Ленинград в 1929 г. и во время работы С. Г. Елисеева в 1930-х гг. в Гарварде, вероятно, в переписке они не состояли. Однако С. Г. Елисеев переписывался с В. М. Алексеевым и, очевидно, следил за научными достижениями Н. А. Невского. В письме к В. М. Алексееву от 25 января 1935 г. Елисеев пишет: «Было очень приятно узнать, что Вы [В. М. Алексеев. — С. М.] предложили Николая Александровича в действительные члены Академии наук. Я думаю, двух мнений о нем быть не может. Он первоклассный ученый и его знания дальневосточных языков совершенно исключительные, не говоря уже о его специальных познаниях в области Си-Ся» [1. С. 166].

В 1935 г. С. Г. Елисеев хочет иметь в библиотеке Гарварда новые монографии советских коллег и «издания Института восточных языков вроде "Японской грамматики" госпожи Колпакчи и профессора Невского». [2. С. 58]. По-видимому, речь идет о совместных работах Н. А. Невского и Е. М. Колпакчи «Начальный курс японского разговорного языка» (Л., 1933) и «Японский язык. Начальный курс» (Л., 1934) [там же].

Затем Елисеев обращается с просьбой о присылке книги Невского не к самому автору, а к В. М. Алексееву. Вот что он пишет Алексееву в Ленинград 3 марта 1936 г.: «Приятно было узнать, что Николай Александрович Невский выпустил свой труд [Материалы по говорам языка цоу. М.; Л., 1935. — \tilde{C} . M.], был бы очень признателен Вам, если бы Вы могли мне его выслать. Я бы о нем написал заметку в нашем новом журнале» [1. С. 179]. Также Сергей Григорьевич собирался написать Николаю Александровичу и попросить прислать ему для журнала какую-нибудь статью по тангутоведению там же. С. 182]. Очевидно, что С. Г. Елисеев написал письмо Н. А. Невскому, но тот ему не ответил по какой-то причине. Возможно, боялся писать за границу. 8 июля 1936 г. С. Г. Елисеев пишет В. М Алексееву: «...напишу о Невском. Почему он не ответил на мое письмо? Обижен на меня, не хочет переписываться с ново-французским гражданином? Мне бы очень хотелось получить от него что-нибудь для журнала» [Письмо Елисеева Алексееву от 8 июля 1936 г. — 1. С. 195]. Но С. Г. Елисеев за 23 года работы в Гарварде так и не написал о Н. А. Невском, а Н. А. Невский не прислал статью для журнала. Единственное упоминание Н. А. Невского в Гарварде рецензия на его книгу «Тангутская филология», опубликованная в журнале T'oung Pao в 1962 г.

По-видимому, переписка между двумя крупными учеными так и не возобновилась.

Литература

- 1. Дьяконова Е. М. Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву (1933–1936) // С. Г. Елисеев и мировое японоведение. Материалы Международной научной конференции. М., 2000. С. 144–196.
- 2. Дьяконова Е. М., Смирнов И. С. Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву 1933–1936 гг. // Восток Запад. Историко-литературный альманах. 2003–2004. М., 2005. С. 28–78.
- 3. *Ермакова Л. М.* Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М., 2005.
- 4. Дневники святого Николая Японского. В 5 т. / Сост. К. Накамура. СПб., 2004
- 5. Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996.
- 6. *Рыбин В. В.* Школа петербургского японоведения (от Дэмбэя до учеников Н. И. Конрада) // К истории петербургской школы японской филологии: Сб. материалов. СПб., 2005.
- 7. *Хохлов А.* Н. Петербургское японоведение с середины 50-х гг. XIX в. до октября 1917 г. (по архивным материалам и письмам российских японистов) // С. Г. Елисеев и мировое японоведение. Материалы Международной научной конференции. М., 2000. С. 197–241.
- 8. Biblia. N. 103. May 1995.

Svetlana Marakhonova

S. ELISSEEFF AND N. NEVSKY (upon the Russian orientalists' letters)

The article writes about relations between two great Russian orientalists — S. Elisseeff and N. Nevsky. They were close friends but didn't have much time to be together. Elisseeff returned from Tokyo in 1914 and already in 1915 Nevsky left for Japan where he stayed till 1929. They met in Japan twice — in 1916 and in 1917. Then in 1920 Elisseeff fled abroad. They certainly corresponded with each other but only few letters survived. One of them (from Elisseeff to Nevsky) described the position in Russia after the February 1917 revolution. When Elisseeff was at Harvard he wrote to Nevsky only once in 1936 but Nevsky didn't respond to him.

О НЕОЖИДАННОЙ НАХОДКЕ В АРХИВЕ Д. ПОЗДНЕЕВА (1865-1937) В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ: «УЧЕБНИК РАЗГОВОРНОГО ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА» ИВАНА ХВАНА

В фондах РНБ хранится архив известного отечественного востоковеда-дальневосточника Д. М. Позднеева (фонд 590), по праву считающегося одним из основателей отечественного японоведения.

Официально архив называется «Позднеевы: Дмитрий Матвеевич и Алексей Матвеевич», однако, на самом деле является архивом Д. М. Позднеева, конфискованным у него во время ареста в октябре 1937 г. Среди материалов архива были и работы его старшего брата, монголиста А. М. Позднеева (1851–1920), именно поэтому, вероятно, архив и получил такое название.

Как свидетельствует опись этого фонда, архив поступил в РНБ «после 1938 г.», однако был обработан и открыт для пользования в 1958 г., вероятно, после того, как 9 сентября 1957 г. дело в отношении Позднеева Д. М. было прекращено «за отсутствием в его действиях состава преступления». В документах дела фонда 590 нет точной даты и не указан источник поступления, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что архив был передан негласно из соответствующих инстанций. Эту версию подтверждает и то, что поступление архива не зафиксировано ни в одном из справочников РНБ, посвященных новым материалам в фондах библиотеки.

Фонд насчитывает 202 единицы хранения. Он состоит преимущественно из автографов и авторизованных машинописных копий

¹ Это произошло за три дня (01.10.1937) до ареста Н. А. Невского, возможно, что аресты востоковедов были связаны между собой. Всем им было предъявлено обвинение в шпионской деятельности.

научных работ Д. М. Позднеева, документов служебной и общественной деятельности, переписки. В разделе документов имеются отчеты, протоколы, материалы к семинарским занятиям, темы студенческих дипломных сочинений. В отдельный разряд архива входят работы дочери Д. М. Позднеева, японистки В. Д. Позднеевой (в замужестве Плотниковой). Небольшую часть фонда составляют сочинения его старшего брата, известного монголиста А. М. Позднеева. Кроме того, в архиве хранятся материалы людей, связанных с Д. М. Позднеевым, к примеру, опубликованные ныне работы Николая Японского, статьи О. О. Розенберга и др.

Среди прочего, в этом разделе под номером 180 числится «Учебник разговорного японского языка» (стеклографированный экземпляр, датированный ориентировочно 1930-ми гг.). Автором учебника назван Иван Хван.

Учебник представляет собой семь сшитых белой ниткой самодельных тетрадей, каждая из которых содержит по одному уроку. Всего 6 уроков: три урока для студентов первого года обучения (темы: «японский дом», «школьная аудитория», «общежитие») и три урока для студентов второго курса (темы: «японская гостиница», «европейская и японская еда», «правила поведения при визите»). Еще одна тетрадь — второй экземпляр первого урока для первого курса. Скорее всего, это листы из какого-то японского учебника, весьма маловероятно, что автором этих уроков был И. Хван. К сожалению, кому принадлежит авторство оригинального японского учебника, нам неизвестно. Однако И. Хван поработал над учебником, снабдив его русскими эквивалентами многих выражений, списками вопросов и грамматических образцов. Кроме того, помимо печатного текста имеется тот же самый текст, написанный от руки, скорее всего самим И. Хваном. В некотором смысле, можно считать, он стал соавтором этого учебного пособия.

Почти на всех тетрадях на лицевой странице фиолетовыми чернилами написано от руки «Хван», «Хван И. П.», на одном экземпляре стоит подпись «ХИП». Любопытно, что некоторые тетради содержат записи и пометы, сделанные, скорее всего, японским преподавателем (судя по тому, как записаны иероглифы), хотя точно утверждать этого нельзя. В некоторых тетрадях записи сделаны на «оборотках», среди которых встретилась, к примеру, страница, посвященная монгольской грамматике и монгольской графике — скорее всего, с этим экземпляром работал сам Д. М. Позднеев. Каким образом эти тетради попали к Позднееву и почему они сохранились в его архиве — непонятно.

Однако интерес эти тетради представляют не столько как учебник, сколько как единственное материальное подтверждение существования некоего Ивана Хвана. Это имя было мне совершенно неизвестно, я никогда не слышала о таком преподавателе, не видела его публикаций или каких-либо ссылок на него. Ни в архиве Позднеева, ни в каких-либо других источниках это имя не встречалось. Однако факт его существования подтверждал учебник, который я держала в руках. Я заинтересовалась этим персонажем и занялась поисками.

Впервые, имя Ивана Хвана я обнаружила в воспоминаниях Е. Н. Невской, которая тепло вспоминала о японцах, бывавших в родительском доме, и среди них отмечала «Нину Нами, "молодую, очень симпатичную, веселую и жизнерадостную женщину", которая первое время бывала у них вместе со своим мужем Хваном Иваном, который был значительно старше ee»².

Второй раз это имя всплыло в следственном деле Н. А. Невского, согласно которому Иван Хван был секретным сотрудником НКВД, однако по заданию Невского «сообщал НКВД сведения, не соответствующие действительности, чтобы отвлечь внимание НКВД от контрреволюционной деятельности» группы лиц, в которую входили сам Невский, его жена, Ю. Щуцкий, Б. А. Васильев, Иван Хван и др.

Установить личность и биографию этого человека помог том «Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)» (Изд. подгот. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. (Социальная история отечественной науки о Востоке)). Приведем полностью соответствующие статьи.

ХВАН Иван Петрович (корейская фам. дана по соображениям секретности, наст., япон. имя — Нагахама Маруя 4 (1902–1937).

Японовед. Родился в Японии. В 1918 эмигрировал в США. Окончил двухгодичные курсы английского языка (1920–21) и электроавтомобильную школу (1925–26). Работал шофером, механиком в гараже. В 1927 вступил в Ассоциацию японских рабочих, проживающих в США. С 1928 член Компартии США. Делегат от японских рабочих США на конференции

 $^{^2}$ Невская Е. Н. О родителях // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 528.

³ Там же. С. 534.

⁴永浜丸也.

Панамериканской антиимпериалистической лиги в Лос-Анджелесе. В конце 1931 арестован за коммунистическую деятельность, провел 3 месяца в тюрьме. В конце 1932 вместе с женой (см. Н. П. Нами) выслан в СССР. Учился в КУТВ (Коммунистическом университете трудящихся Востока). В 1934 командирован вместе с женой в Ленинград. Преподавал японский язык на Особом (Япон.) секторе ЛВИ. В 1936 развелся с женой, жил с маленьким сыном. Завербован НКВД для слежки за Н. А. Невским, его женой И. Мантани-Невской и преп.-японцем М. Мори. Сообщил об этом Невскому. Арестованного Невского вынудили дать показания, будто он через Хвана передавал НКВД дезинформацию, чтобы отвлечь внимание от своей «КРД»⁵. Остававшийся на свободе и продолжавший преподавать Хван был арестован 23 ноября, в день вынесения приговора Невскому и ряду др. востоковедов, и на след. день, 24 нояб. 1937, расстрелян вместе с ними, по-видимому, даже без символического «суда». Настоящее имя Хвана установлено японским историком проф. Икко Фудзии при содействии Е. Н. Невской в мае 1997.

Арх.: ЦГА СПб. Ф. 7222, оп. 25, д. 181

Сведения об Иване Хване содержатся также и в Ленинградском мартирологе (т. 8)⁶, который гласит:

Хван Иван Петрович (варианты ФИО: Нагахама Маруя) Родился в 1902 г., Японии; японец; беспартийный (б. член Компартии США); в 1932 г. выслан из США в СССР, учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, преподаватель японского языка в Особом секторе⁷ Ленинградского восточного института. Проживал: г. Ленинград, пр. Добролюбова, д. 6/2, кв. 11.

Арестован 24 ноября 1937 г.

Приговорен: Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 12 января 1938 г., обв.: ст. 58-6 УК РСФСР.

Приговор: ВМН Расстрелян 18 января 1938 г. Место захоронения — г. Ленинград 8 .

В «Людях и судьбах» также есть информация о бывшей жене Ивана Хвана — Нине Нами.

НАМИ (Нам) Нина Петровна (наст. имя: Нагахама Сайо 9 (1911—1938).

⁵ То есть контрреволюционной деятельности.

⁶ Мемориал. Жертвы политического террора в СССР. URL: http://lists.memo.ru/index22.htm Дата обращения: 09.01.2013.

⁷В этом особом отделе готовили военных переводчиков с японского.

⁸ Обратим внимание на несоответствие дат в официальных документах.

⁹永浜さよ.

Японовед. Родилась в г. Ринин, Корея. Японка по национальности. Жила в США, как политэмигрантка прибыла в СССР вместе с мужем Нагахама Маруя (см. Хван И.) в начале 1933. С сентября 1934 доцент Особого (Японского.) сектора ЛВИ. Была частой гостьей в семье Н. А. Невского. Бывш. муж Н., И. Хван, был арестован по «делу Н. А. Невского» и расстрелян в один день с ним, 24 нояб. 1937. В документах следствия Н. называлась в числе членов «контрреволюционной группы». Тем не менее, она еще какое-то время оставалась на свободе и по-прежнему жила в общежитии ЛВИ. При аресте в 1938 выбросилась из окна общежития, с 5-го этажа. Настоящее имя Нами установлено японским историком, профессором Икко Фудзии при содействии Е. Н. Невской в мае 1997.

Лит.: Невская, 1992. С. 90-97

Хочется обратить внимание, что в электронном списке, составленном в рамках проекта «Возвращенные имена» — единого электронного банка данных жертв политических репрессий, также числится Нина Нами.

Нами Нина Петровна (Омачида Саеко), 1911 г. р., уроженка префектуры Кагосима, японка, беспартийная, перед арестом без определенных занятий, проживала: г. Ленинград, пр. Максима Горького, д. 5, кв. 25. Арестована 12 февраля 1938 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 26 апреля 1938 г. приговорена по ст. ст. 58-1а-9-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстреляна в г. Ленинград 20 мая 1938 г. 10

Сначала я решила, что речь идет о другой Нине Нами, поскольку здесь и фамилия другая, и место рождения, и дата и обстоятельства смерти не совпадают. Однако позже, внимательно вчитавшись в то, что установил профессор Фудзии Икко 11 , я поняла, что бесспорно, речь здесь идет о Нагахама Саё, только здесь указана ее девичья фамилия Оматида (大町田), которая также фигурирует в рассказе проф. Фудзии 12 .

Обращает на себя внимание другое — в этой справке, несомненно, полученной из официальных источников, утверждается, что она была расстреляна. Машина планомерного истребления людей не могла допустить отклонения от правил — если человека приговари-

 $^{^{10}}$ Проект «Возращенные имена» URL: http://visz.nlr.ru/search/lists/t10/237_0.html Дата обращения: 09.01.2013.

¹¹ Мы ссылаемся на рассказ историка Фудзии Икко «Выяснение судьбы Нагахама Маруя и Саё» (永浜丸也・サヨの身元が判明), опубликованный на сайте: http://www.geocities.jp/ifujii2/nagahama.html. Дата обращения: 09.01.2013.

¹² 藤井一行 (род. в 1933) — политолог, русист.

вали, он должен был быть расстрелянным, он просто не имел права на самовольный уход из жизни, не дожидаясь «справедливого возмездия». Так и без того скудные сведения о безвинно репрессированных людях обрастали фальшивыми обвинениями и ложными датами.

История супругов Нагахама — всего лишь частный случай более общей трагической темы о судьбе японцев, работавших или эмигрировавших в 1930-е гг. в СССР. Далеко не все из них прибыли в СССР по политическим убеждениям, некоторые из них просто последовали за своими мужьями, или, оказавшись в России, связали свою судьбу с русскими женами. Но все они, в результате, оказались «врагами» советской власти, подозревавшей в них шпионов имперской Японии. В России эта тема долгие годы оставалась в зоне умолчания, в то время как с начала перестройки и открытия архивов японские журналисты и историки стали активно заниматься разысканиями материалов, проливающих свет на судьбы их соотечественников, бесследно исчезнувших на просторах СССР. Согласно японскому исследователю Като Тэцуро, общее число репрессированных японцев в тридцатые годы неизвестно, по его оценке оно колеблется около отметки в сто человек, однако поименно удалось установить только 80 человек¹³. При этом имена четы Нагахама помещены в дополнительный список лиц, «которых с высокой долей вероятности репрессировали» 14. Книга Като Тэцуру вышла в 2002 г., по-видимому, тогда еще были неизвестны обстоятельства гибели супругов, уже находившихся в разводе. Тем не менее, короткие справки, приведенные о них в книге Като Тэцуру, содержат информацию, которая несколько противоречит данным из русских источников. В частности, в российских источниках говорится о том, что он обучался в Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И. В. Сталина (сокр. КУТВ). Это учебное заведение, созданное в 1921 г. специально для студентов азиатских национальностей, готовило иностранных студентов «к борьбе за установление коммунизма в своих странах, для организации восстаний и революций» ¹⁵. Как нам кажется, подобная формулировка как нельзя лучше

¹³ Като Тэцуро 加藤哲郎. Коккё-о коэру ютопиа. Кокумин кокка-но эругородзи (国境を超えるユートピア。国民国家のエルゴロジー。 Утопия, преодолевающая границы государств. Эргология национального государства.). Токио: Хэйбонся, 2002. С. 135.

¹⁴ Указ. соч. С. 182.

 $^{^{15}\,\}mathrm{http://ru.wikipedia.org/wiki/Коммунистический_университет_трудящихся_Восто-ка им. И. В. Сталина$

подходила для работников НКВД, которым даже не надо было придумывать обвинения для задержанных впоследствии выпускников этого заведения. Кстати, многие из учившихся в КУТВ иностранных студентов азиатского происхождения жили под фальшивыми фамилиями, часто русскими. Возможно, это объясняет, почему чета Нагахама была известна под псевдонимами Иван Хван и Нина Нами. Между тем, в числе более успешных и везучих выпускников этого заведения были такие политические деятели как Дэн Сяопин, Хо Ши Мин, Катаяма Сэн и др. А японские источники утверждают, что каждый из супругов Нагахама в 1935 г. был приписан к московскому восточному институту им. Н. Нариманова, бывшему тогда учебным заведением. Думается, что более логичным представляется первый вариант. Любопытно, что ни японский исследователь Като Тэцуру, ни справочник «Люди и судьбы» не отмечает, что супруги Нагахама нелегально через Мексику перебрались в США, в Лос-Анджелес, как утверждает исследователь Фудзии Икко. Не вполне понятно также, почему местом рождения Нагахама Саё называется Корея, в то время как Фудзии Икко утверждает, что она была родом из Кагосима. Впрочем, все эти расхождения не имеют принципиального значения.

Найденная тетрадь — единственный след изломанной и короткой жизни человека, сгинувшего на чужбине. К несчастью для него, он был не только иностранцем, волею судьбы оказавшимся в СССР, но к тому же был неплохо знаком с семьей Невского, именно эти два обстоятельства и оказались для него роковыми. Подчеркнем еще раз, что даже завербованный НКВД, Нагахама Маруя не побоялся прийти к Н. А. Невскому, чтобы предупредить его о слежке. Такой поступок требовал в те годы немалого личного мужества.

Однако до конца 90-х годов XX в. даже настоящее имя этого человека было неизвестно.

Собственно, от этой японской четы ничего не осталось, судьба их маленького сына неизвестна. Скорее всего, он тоже сгинул в одном из многочисленных детских домов для детей «врагов народа», видимо, даже не подозревал, что является по рождению японцем, а не корейцем (и то только в том случае, если ему оставили «вымышленную» фамилию одного из родителей).

Сохранились только тетради из учебника, чудом уцелевшие среди бумаг Позднеева. Это единственный материальный след того, что эти люди существовали, верили и надеялись на лучшую справедливую жизнь в СССР, в котором полным ходом шло строительство коммунистического общества. К сожалению, реальность оказалась

совершенно иной, потребовав от этих очень еще молодых японцев отдать свои жизни всепожирающему молоху сталинской системы.

И все же эти странички из учебника не пропали, оставив нам память о трагической судьбе Нагахама Маруя и его жены, и не только их, но и всех японцев, сгинувших в советской России в тридцатые годы. И вправду, «рукописи не горят».

Karine Marandjian

THE FINDING IN THE ARCHIVE OF D. POZDNEEV (1865-1937) IN THE MANUSCRIPT DEPARTMENT OF THE NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA

In the archive of Russian Orientalist Dmitry Pozdneev kept at the RNL in the section "Different materials" we found several notebooks titled "Manual of Japanese Language" and signed by Ivan Hvan. Six lessons of Japanese are intended for the first and second year students.

Ivan Hvan is a false name of Nagahama Maruya (1902–1937), Japanese communist deported from the USA to the USSR in 1932. He was recruited by NKVD to spy after N. Nevsky and his wife, informed them about it and soon after their arrest was executed by shooting in 1937. The manual from the NLR is the only material "evidence" left as a proof of this man's short and dreadful destiny.

РАЗДЕЛ 2. ЯПОНОВЕДЕНИЕ

В. М. Алпатов

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕВСКИЙ – ЯПОНИСТ

Николай Александрович Невский принадлежит к числу тех ученых, масштаб личности которых всё более раскрывается со временем. При жизни его мало кто успел по-настоящему оценить, отчасти из-за того, что он не стремился к славе; его прижизненные публикации давали лишь частичное представление о его потенциале. После его гибели само его имя, казалось, навсегда изъято из науки. И даже после посмертной реабилитации Невского и посмертного присуждения ему Ленинской премии еще долгое время публикация его работ шла медленно, а в третьем издании Большой советской энциклопедии в 70-е гг. даже статьи о нем по каким-то причинам не оказалось. Долгое время о нем, пожалуй, лучше помнили в Японии, чем на родине. И лишь сейчас, через три четверти века после гибели ученого стало, наконец, окончательно ясно, насколько значительное место занимает фигура Невского в отечественной и мировой науке. Показательно, что ни одна его годовщина не отмечалась столь масштабно, как не самая круглая дата — 120 лет со дня рождения: две большие конференции в Токио и Санкт-Петербурге, специально ему посвященные сборники и номера журналов, ряд публикаций.

Всё более точно начинают выявляться и научные интересы Николая Александровича. С 60-х гг., после издания книги «Тангутская филология», первой крупной посмертной его публикации, создалось ошибочное мнение, согласно которому он был исследователем тангутов по преимуществу. Например, в упомянутой энциклопедии имя Невского названо только в статье о тангутах. Возможно, распространению такого мнения помог Н. И. Конрад. Этот крупный ученый, с одной стороны, способствовал реабилитации Невского и присуждению его книге Ленинской премии. Но с другой стороны, Конрад

был чувствителен к своему положению «первого япониста», что могло сказываться.

Я не хочу недооценивать значение трудов Невского по тангутоведению, которых не буду здесь специально касаться. И всё-таки, хотя у него и при жизни, и долгое время после реабилитации было очень мало публикаций по Японии, но он был японистом по образованию и по основному кругу занятий (исключая отчасти последние годы жизни, когда он, не бросая японистику, много занимался тангутами). Всю его творческую жизнь в центре его научных интересов была культура Японии в разных ее проявлениях: религия, мифология, этнография, диалектология. Сюда же вписывалось и изучение культуры единственного сохранившегося из исконных меньшинств Японских островов — айнов. И четырнадцать лет жизни (1915–1929) Невский провел в Японии.

В области японистики Николай Александрович, казалось, знал всё. О нем еще при жизни ходили легенды. Вот одна из них, которую я слышал от профессора Саратовского университета историка С. М. Стама, служившего в 1945 г. военным переводчиком с японского. Согласно ей, царское правительство послало в Японию группу детей, в числе которых были Невский и Конрад, эти дети будто бы несколько лет постигали японскую культуру в буддийском монастыре. Разумеется, десанта детей не было, а на самом деле Николай Александрович впервые побывал в изучаемой стране лишь студентом. Но само существование легенды говорит о многом.

А вот подлинная история, которую рассказывала уже в 90-е гг. его бывшая студентка в ЛГУ в 30-е гг. Ф. А. Тодер. Когда Тодер и еще несколько студенток готовились к практике в качестве переводчиц при японских инженерах, Невский взялся научить их говорить по-женски. Другие, даже лучшие преподаватели, включая Н. И. Конрада, хорошо знали лишь книжную культуру и литературный язык, но Невский знал и диалекты, и народную, «низовую» культуру, и старался научить этому учеников. Перед студентками профессор перевоплотился в японку, стал хихикать и двигать руками, сопровождая это женскими частицами и междометиями; потом это по достоинству оценили их японские собеседники. Николай Александрович, безусловно, был ученым эрудитского склада, всегда стремившимся к познанию максимального числа фактов самого различного рода. Но в отличие от многих знатоков реалий Невский умел и обобщать.

Как и ряд других отечественных востоковедов, Николай Александрович заинтересовался Японией после русско-японской войны,

когда это государство заставило обратить на себя внимание. Профессию он выбрал не сразу: редко упоминают тот факт, что он первый студенческий год учился в Петербургском технологическом институте. В 1910 г. был сделан выбор: Невский стал студентом китайско-японского отделения восточного факультета Петербургского университета. Одновременно он учился и в Практической восточной академии, только там преподавали современный язык (в университете изучали в основном классические тексты). Восточный факультет в те годы находился на переломе. Продолжали сохраняться классические культуроведческие традиции русского востоковедения, Невский оставался верен этим традициям всю жизнь. Однако уже пробивали дорогу и новые подходы, согласно которым основа работы востоковеда — не только изучение древних рукописей, но и исследование современности (включая «простонародную» культуру). Так считал и его главный учитель, китаист В. М. Алексеев, тогда приват-доцент, позднее академик (среди японистов факультета тогда столь крупных величин еще не было). И Невский в студенческие годы учил не только классический, но и современный язык, изучал нетрадиционные тогда для востоковедов науки у лучших петербургских ученых: этнографию у Л. Я. Штернберга, фонетику у Л. В. Щербы. Потом это ему очень пригодилось в Японии. И в целом в японской части его наследия работ по современной культуре больше, чем исследований памятников.

На том же разряде факультета вместе с Невским или на один-два курса старше или моложе учились как японисты Н. И. Конрад, О. О. Розенберг, М. Н. Рамминг, братья Орест и Олег Плетнеры. В те же годы в Практической восточной академии учил японский язык студент историко-филологического факультета Е. Д. Поливанов, первым иностранцем, окончившим Императорский университет в Токио, стал С. Г. Елисеев. Это было блестящее поколение ученых, быстро превзошедшее старших коллег-японистов, в основном практиков, все они предпочли изучение Японии изучению Китая. Но и среди этой плеяды Невский выделялся. В. М. Алексеев уже в те годы записал в дневнике о своем ученике: «Мой двойник, только сильнее и вообще лучше». Позже, в 1917 г. он напишет Невскому: «Вы — лучший из моих учеников. В Вас горит энтузиазм и свет науки. Вам принадлежит будущее. Со способностями Вы соединили редкую любовь к труду и знанию, окрашенную в идеальный колорит, бескорыстный, честный, молодой и яркий». Дипломная работа Невского, получившая высшую оценку, была посвящена пятнадцати стихотворениям великого китайского поэта VIII в. н. э. Ли Бо. Но при основательной подготовке

китаистом Невский не стал, а диплом оказался единственной его работой, целиком посвященной Китаю. Его увлекла Япония, что было закономерно для той эпохи.

Еще студентом, в 1913 г. Невский ездил на три месяца в Японию, а в ноябре 1915 г. вновь отправился туда на стажировку. Он ехал на два года, не предполагая, что его командировка затянется на четырнадцать лет. Первоначальной темой работы Невского стало изучение синтоизма. До него не только в России плохо знали, что это такое, но и в самой Японии синтоизм не был изучен. Лишь Николай Александрович смог установить, что надо разграничивать официальный синтоизм, искусственно созданный японскими книжниками XVII-XIX вв. на основе толкования древних памятников и ставший затем государственной религией, и народный синтоизм, продолжавший жить в сельских районах страны. Знали лишь официальный синтоизм, а народный синтоизм только начинал изучаться. Невский, к тому времени блестяще овладевший японским языком, включая диалекты, много ездил по стране, иногда в одиночку, иногда в компании первых японских этнографов, забираясь в отдаленные деревни, где никогда не видели белого человека. Он дотошно изучал похоронные обряды, песни при исполнении танца льва, обряд постановки магических фигур, предохранявших от воров и от насекомых-вредителей, начал переводить «Норито» — сохранившиеся в памятниках VIII в. ритуальные молитвы синтоистским богам неба. Но, к сожалению, несколько лет работы вылились лишь в наброски, черновики, переводы некоторых текстов и еще в служебный «Отчет о занятиях в Японии с 1 декабря 1915-го по 1-е декабря 1916 года», посланный в Петроградский университет и сохранившийся там в архиве (кроме изданного в 1935 г. фрагмента перевода «Норито», эти труды опубликованы лишь в 1996 г.).

В конце 1917 г. истекал срок командировки, выплата стипендии из Петрограда прекратилась, и Николай Александрович, получив тревожные вести от Алексеева, решил остаться в Японии. Он никогда не считал себя эмигрантом и надеялся, что наступят лучшие времена и он сможет вернуться на родину. В Токио работу так и не удалось найти. Но в конце 1918 г. удалось получить место преподавателя русского языка в Высшем коммерческом училище в городе Отару на северном японском острове Хоккайдо. Тогда это был небольшой город в японской глубинке, мало европеизированный. Там ученый прожил три года.

В Отару Невский отложил изучение синтоизма ради коренного народа Хоккайдо — айнов, тогда еще владевших айнским языком

и помнивших древние обычаи (японские ученые всерьез займутся этим лишь в 50-е гг., тогда, когда язык и обычаи быстро начнут исчезать). Айны — загадочный во всем народ, ни на кого не похожий, в том числе на японцев. Происхождение айнов и генетическая принадлежность их языка до сих пор не известны. За три года ученый записал десятки айнских текстов, многие из которых сейчас известны только благодаря ему, изучал быт и верования айнов. Многие записи вошли в изданную в 1972 г. книгу «Айнский фольклор». Японские студенты и сейчас изучают по записям Невского айнский язык.

В конце 1921 г. его пригласили на должность профессора в Университет иностранных языков во втором по величине городе Японии Осака, где он проработал с 1922 г. до возвращения в 1929 г. на родину. В это время профессор занялся культурой и языком уже не крайнего севера, а крайнего юга Японии — островов Рюкю, куда ездил трижды (1922, 1926, 1928 гг.). В отличие от айнов население этих островов родственно японцам, но диалекты тех мест резко отличаются от диалектов остальной Японии настолько, что невозможно взаимопонимание, а древняя религиозная система, остатки которой еще сохранялись на самых южных островах Мияко, имела значительную специфику. Эти его исследования сейчас подробно изучены в публикациях Танака Мидзуэ и Е. С. Бакшеева.

За годы жизни в Японии Невский разрабатывал различные темы, первоначально все они так или иначе были связаны с культурой Японии (включая культуру айнов); лишь со второй половины 20-х гг. в сферу его интересов вошли язык и культура аборигенов Тайваня и тангуты; на Тайвань, в то время оккупированный Японией, ученый ездил в 1927 г. В 1935 г. в Ленинграде вышла книга «Материалы по говорам языка цоу», включившая в себя тексты с переводами и фонетический очерк этого аборигенного языка. Она оказалась единственной прижизненной монографией Невского. И изучение аборигенов Тайваня тоже имело отношение к истории Японии: большинство исследователей, в том числе Невский, считали их родственными древнейшему населению Японии (культура Дзёмон), позднее смешавшемуся с пришедшими с материка алтайскими племенами.

А тангутами Невский заинтересовался в 1925 г., во время поездки в Китай, когда его преподаватель по восточному факультету А. И. Иванов (впоследствии разделивший его судьбу), в то время драгоман советского полпредства, передал ему фотокопии некоторых документов, найденных П. К. Козловым на территории Китая. Невский, не бросая другие темы исследований, заинтересовался и этой

проблемой, уже в Японии появились первые его публикации. Но сосредоточиться на изучении тангутских сокровищ можно было только в Ленинграде, где они хранились. Это стало одной из причин его возвращения. К тому же отношение японских властей к выходцу из России по мере усиления милитаризма всё ухудшалось.

Если в 1917 г. его учитель В. М. Алексеев не советовал Невскому уезжать из Японии, то теперь и он, и друг со студенческих лет Н. И. Конрад, к тому времени ставший ведущим в СССР японистом, уговаривали его вернуться. В конце лета 1929 г. Невский покинул Японию и возвратился в Ленинград. Тогда российское востоковедение в основном восстановилось после гражданской войны и разрухи, возвращение в привычную научную среду казалось заманчивым. Но ученый ехал навстречу и новым интересным исследованиям, и будущей гибели. Однако впереди еще было восемь лет интенсивной работы.

В Ленинграде его поначалу приняли хорошо. Подготовке японистов в 30-е гг. придавалось большое значение, в том числе и потому, что Япония считалась противником в будущей войне, а из вышеупомянутой плеяды японистов в Ленинграде остался лишь Н. И. Конрад. Сразу по приезде Невский начал преподавать японский язык в университете и Ленинградском институте живых восточных языков им. А. Енукидзе (до 1936) и работать в только что образованном академическом Институте востоковедения, с 1934 г. он стал и сотрудником Эрмитажа. В 1935 г. Невский без защиты диссертации получил докторскую степень, имел он и звание профессора.

Невский добросовестно отдавал любой нужной работе всё время, нигде не бывая, кроме мест службы, и отказывая себе в простом человеческом общении. Дочь ученого Елена Николаевна пишет: «Обычно я вспоминаю отца за работой, сидящим в кабинете за письменным столом, обложенного книгами, бумагами, карточками, в клубах табачного дыма. Работал он очень много, время черпая за счет своего сна и отдыха, спал по 4–5 часов в сутки, стараясь ежедневно сделать как можно больше. Создавалось впечатление, что он торопился, боялся не успеть завершить начатое. Такой же режим был у него и во время отпуска. При выезде на дачу основной багаж составляли те же книги, рукописи, карточки». На всех местах работы Невский считался «ударником».

В то же время в научных занятиях и японского, и ленинградского периода проявились черты характера Николая Александровича, вызывающие симпатию, но не всегда помогавшие оформлению итогов его деятельности. Он не был честолюбив, и его сам процесс

научного творчества интересовал больше, чем результат. Он был азартен, увлекался всё новыми темами и, никогда совсем не бросая старые сюжеты, погружался во что-то другое. Это не способствовало ни доведению его работ до законченного вида, ни тем более публикации его немалых достижений. В Японии поначалу сказывались и трудности с изданием сочинений тогда еще никому не известного иностранца. Однако и в Ленинграде публикаций у него, как и в Японии, было немного: одна книга по Тайваню, а по Японии две небольшие статьи, два фрагмента переводов («Норито» и айнского фольклора) и учебник языка для начинающих в соавторстве с Е. М. Колпакчи.

Основное время ученого в 30-е гг. занимали обработка и расшифровка тангутских текстов X—XIII вв. По этой теме у него уже всё было распланировано до 1942 г.; на работу по тангутоведению отводилось от шести до десяти часов в сутки без выходных и отпусков. Но ученый никогда не оставлял японские сюжеты. Он уже не мог вести полевые исследования, но оставалась обработка гигантского по объему материала, собранного в Японии. Появились и две совсем новых темы. Во-первых, это была историческая фонетика японского языка, включая диалекты Рюкю; Невский успел сделать по этой теме в 1936 г. доклад, тезисы которого сохранились и ныне опубликованы. Во-вторых, он начал готовить к печати первые в России рукописные грамматику и словарь японского языка, составленные при Анне Иоанновне японцем Гондзой (после крещения Демьян Поморцев). И еще разные темы от иероглифики до перевода «документов японских пролетарских партий».

Всё было оборвано стуком в дверь поздним вечером 3 октября 1937 г. Ученый еще работал за письменным столом. Уходя, он просил: «Не убирайте на столе, через несколько дней вернусь». Он не вернулся. 24 ноября 1937 года Николай Александрович Невский был расстрелян.

Человека уничтожили, а наследию его повезло больше. Погибла лишь та его сравнительно небольшая часть, которая находилась в печати. Рукописный же архив, не заинтересовавший НКВД, в итоге попал в Институт востоковедения Академии наук (теперь его петербургская часть стала Институтом восточных рукописей), где в Архиве востоковедов хранится и сейчас. С 1960 г. эти тексты постепенно начали публиковаться, но их издание растянулось на полвека, а значительная их часть не опубликована и сейчас. Многое издать очень сложно, поскольку дошло до нас в виде черновиков и набросков.

В публикаторской деятельности нельзя не отметить роль Л. Л. Громковской (1932—1994), которая (сама или в соавторстве) подготовила к печати четыре книги его трудов. Она же вместе с Е. И. Кычановым написала биографию Невского (издана в 1978 г.). А сейчас к публикации наследия ученого подключились и японские специалисты.

Некоторые области исследований Невского нашли в отечественной науке хорошее продолжение: тангутика (Е. И. Кычанов, М. В. Софронов и др.), изучение «Норито» (Л. М. Ермакова), японская историческая фонетика (С. А. Старостин), айны (А. Ю. Бугаева). К этнографии Рюкю обратился Е. С. Бакшеев. Но многие темы пока продолжения в нашей науке не получили.

Имя Невского, несмотря на все трагические события его жизни, не только не забыто, но, наоборот, интерес к его трудам мирового значения резко усиливается. Он остается примером ученого, посвятившего жизнь познанию Японии и других стран Дальнего Востока, стремившегося преодолеть культурные барьеры.

Vladimir Alpatov

N. A. NEVSKY AS A RESEARCHER OF JAPAN

The importance of the works of N.A. Nevsky became clear only nowadays. In his life-time he published only the lesser part of them. After his execution his name was forbidden during twenty years. After the posthumous publication of his works occurred slowly and his investigations of Tangut became famous earlier than his other works. However the widespread opinion about Nevskiy as researcher of Tangut for the most part is not right. Nevskiy graduated from the University of Petrograd as specialist on Japan, he lived in Japan for fourteen years (1915–1929) and the majority of his works are connected with Japan. They have various themes, Nevsky studied folk culture, folk religion, ethnography and dialects of Ryukyu, historical phonetics of Japanese, Ainu culture etc. The majority of them was published recently or remains unpublished.

О МОТИВЕ «НЫРЯЛЬЩИКА» В ЯПОНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Японская мифология, как и всякая записанная мифологическая история, диффузна и многокомпонентна; особый исторический опыт и фантазия любого конкретного народа вписаны в общекультурную историю, где с самого начала возникновения человечества идет беспрерывный обмен культурной информацией. Японские мифы тоже хранят следы многих влияний и рефлексы слоев, уже полустертых. Об этих влияниях и пересечениях существуют фундаментальные исследования японских ученых — Ообаяси Тарё, Ёсида Ацухико, Мацумото Нобухиро и других. Мы предполагаем здесь подробнее говорить о некоторых еще не раскрытых мифологических связях древности, уточнить скрытые космологические сюжеты, а также наметить новые типологические соответствия.

Речь пойдет об одном мифологическом мотиве, который широко представлен в мифах и сказках других народов, а в японских сводах предстает лишь как след утраченных космогонических представлений или как проявление культурных влияний и заимствований — такие мотивы С. Ю. Неклюдов называет результатом «компрессии» или мифологического «обобщения».

Рассмотрим эпизод, являющийся частью сюжета «Кодзики», который обычно у фольклористов называется «куни-юдзури», миф «об уступке страны», — рассказ о том, как бог Оокунинуси все приготовил для того, чтобы передать страну «потомку неба», первопредку японских императоров, а сам возвел для себя жилище в стране Идзумо:

«Так сказал Оокунинуси и на побережье Тагиси в стране Идзумо, небесные священные покои построил, и внук бога Проливов, Кусиятамано ками — Бог Восьми Чудесных Жемчужин, [у него] стольником стал,

и когда небесные священные яства подносил, произносил благословение. [Этот] бог Кусиятама-но ками в Баклана превратился, на дно моря нырнул, глину со дна в клюве принес, и восемьдесят небесных плоских сосудов изготовил, стебли водорослей срезал и ступку для добывания огня сделал, стебли саргассы срезал и пестик для добывания огня сделал, огонь высек и сказал:

Огонь, что я добыл, / Подымайся ввысь, / Так, чтобы / На равнине Высокого Неба, / В небесных покоях блистающих / Богини-матери Камимусуби-но микото / На восемь пястей вниз / Сажа повисла, / А под землей / Скалы-корни / Обожженные затвердели. / Рыбаки, что ловят рыбу, / Канаты из волокон таку / Растянули на тысячу хиро / И тянут к себе, поднимают, / Шурша-шурша, / Судака со ртом широко разверстым, / С плавниками широкими. / Небесные яства из рыб, — / Столько, что прогнутся подносы бамбуковые, / [Тебе] поднесу. — / Так сказал».

(Пер. Е. М. Пинус)

Этот эпизод с бакланом в «Кодзики», как нам представляется, нередко толкуется более широко, чем позволяет текст. Исследователи исходят не только из записи мифа в «Кодзики», но и из уже известного, давно сложившегося в культуре представления о баклане и его роли. В основном имеющиеся точки зрения можно разделить на несколько направлений анализа: 1) линия божества Кусиятама-но ками, 2) линия баклана как прирученной птицы, используемой для особой техники рыбной ловли, то есть для добывания еды, и 3) линия баклана как мифической птицы. Похоже, что в большинстве толкований эти отдельные, сконтаминированные в единый сюжет линии не различаются, между тем отдельный их анализ мог бы пролить свет на происхождение мотивов, составляющих этот многослойный сюжет «Кодзики».

Непредвзятое прочтение эпизода показывает, что пункт второй — то есть использование баклана для рыбной ловли — в тексте «Кодзики» отсутствует. По нашим наблюдениям, все, что связано с бакланом в сфере мифа, ритуала, сказочного фольклора, и вообще не содержит упоминаний о рыбной ловле, зато в сфере литературы — в песнях «Манъё:сю:», в драме театра Но «У-каи» («Рыбная ловля с бакланом»), в «Гэндзи-моногатари» — баклан предстает именно и только как птица, добывающая для людей рыбу, с соответствующей символикой и эмблематикой. Поэтому для анализа этого мифологического сюжета стоит, как нам кажется, попытаться разделить эти линии — отделить мотив баклана в японской культурно-хозяйственной традиции и мотив баклана как мифической птицы, ныряющей

за землей, которая, собственно, и является персонажем данного эпизода «Кодзики».

Сравним этот мотив ныряющего баклана с хорошо изученным на данный момент и весьма распространенным мотивом «ныряльщика» в мифах других народов мира.

«Ныряльщик» — это, как правило, водоплавающая птица или животное, часто лягушка или черепаха, которые ныряют на дно и приносят оттуда немного земли (глины, ила), из которых затем творится или вырастает земная твердь или плодородная почва. Нередко, как и в «Кодзики», при этом действует не птица как таковая, а божество, превратившееся для этой цели в птицу.

Сошлемся прежде всего на известный труд Ю. Е. Березкина, который проследил и систематизировал информацию о распространении этого мотива по всему миру. Как пишет этот исследователь, данный сюжет весьма распространен в Азии, Европе, в том числе в России, и Северной Америке, причем в центральной Азии этот мотив существовал уже во время верхнего палеолита. (В Африке, Австралии, Океании и на большей части Южной Америки сюжет не отмечен). Кстати сказать, с точки зрения Ю. Е. Березкина, высока вероятность того, что многочисленные евразийские и североамериканские версии этого сюжета генетически связаны — то есть принесены переселенцами из Восточной Азии в Северную Америку.

По мнению исследователя, мотив ныряльщика за землей был первоначально распространен где-то в пределах Индии — Тибета — западных районов Китая. В соответствующих мифах ныряльщиком мыслилась черепаха, по мере распространения этого мифа в Северной Евразии образ черепахи был вытеснен образом водоплавающей птицы. Ранние мигранты в Америку принесли с собой сперва южно-центральноазиатскую (с черепахой), а затем и сибирскую (с птицей) версии.

Разумеется, в каждом ареале распространения этого мотива разновидность птицы-ныряльщика была иной, выбор менялся в зависимости от географических, климатических, биологических и других факторов. Например, по данным Ю. Е. Березкина, в Повольжье и Зауралье функцию ныряльщика за землей часто выполняла утка, — у таких народов, как коми, мари, мордва, чуваши, татары, башкиры. В Южной Сибири, в Бурятии и Монголии это утка и лебедь, в Западной Сибири — у ненцев, манси, кетов, селькупов — гагара, у нанайцев Южного Сахалина — нырки и лебеди, у юкагиров — гагара и нырок. Всего в Восточной Сибири ныряние за землей водоплавающей

птицы выступает как космологический мотив у более чем двадцати разных народностей 1 .

Другой исследователь этого мотива, В. В. Напольских предполагает, что в Северной Евразии уже в глубокой древности получили распространение варианты мифа о нырянии за землей именно с птицами в основной роли. При этом распространенный сюжет содержал соперничество двух птиц, первой не удавалось осуществить задачу, а вторая успешно ныряла, добывала землю и приносила ее в клюве. Во многих местах это соперничество имело вид противостояния птиц типа гагары, нырявшей первой и неуспешно, и утки, которой удавалось добыть землю².

Перейдем теперь непосредственно к мотиву ныряльщика в японской мифологии. На первый взгляд кажется, что космогоническое значение баклана в сюжете «Кодзики» ослаблено или и вовсе отсутствует, однако мы попробуем показать, что и в этом сжатом, сокращенном виде сюжет «Кодзики» содержит важные и разнообразные космогонические смыслы.

Само по себе превращение божества в птицу и отождествление с ней — весьма распространенное явление, имеющее множество форм, начиная от египетского Гора и кончая костюмами сибирских шаманов, состоящих из птичьего оперения. В японской мифологии и фольклоре, в частности, в «Кодзики» и «Нихон сёки» птица как мифологическое существо представлена в самых разнообразных ролях и значениях. Напомним основные — например, миф о гигантском Вороне Ятагарасу — видимо, родственнике Солнечного Ворона Северо-Восточной Азии и североамериканских индейцев, птичий облик Сукуна-Бикона и др. Отражение птичьего кода уже в квазиисторическом мышлении можно, например, наблюдать в разделе императора Нинтоку в «Нихон сёки»: во время родов супруги императора в комнату родильницы влетает филин, а в комнату жены его министра перепел, и родившимся детям дают имена этих птиц, поменяв их между собой. Далее в этом эпизоде фигурирует еще и брат императора Ястреб.

¹ *Березкин Ю. Е.* Мир черепахи: от детских рассказов до космогоний. В связи с оберегом из североамериканской коллекции МАЭ // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin7.htm

² Напольских В. В. Миф о нырянии за землей (A812) в Северной Евразии и Северной Америке // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. http://www.ruthenia.ru/folklore/napolskih3.pdf

Баклан-ныряльщик в мифологическом мире японцев имеет черты, характерные для всего круга мировых сюжетов о ныряльщике, но у него есть и свои отличия. Напомним, что в сюжете о ныряльщике, распространенном в Восточной Сибири и Приморье, участвуют две птицы, одна из которых терпит поражение, а второй удается добыть землю. В японском варианте отсутствует мотив соперничества, ныряющая птица — баклан — всего одна. Однако в связи с этим примечателен следующий факт: в японском сказочном фольклоре сюжетов, где фигурировал бы баклан, ничтожно мало, наверно, и пяти не наберется. Тем более значимой кажется известная и поныне сказка, записанная на островах архипелага Косикидзима, о состязании двух бакланов. Они затевают спор — кто из них, нырнув, продержится дольше, и решают плыть в сторону Китая — кто первый голову из воды высунет, тот и проиграл. Вот плывут они — день, другой, третий, четвертый... «И вот когда кто-то из них голову высунет, тогда и сказка дальше будет сказываться», — говорит сказитель нетерпеливым детям, желающим узнать продолжение.

Такие сказки у В. Я. Проппа называются бесконечными, или докучными, по-японски они — хатэнасибанаси (бесконечные сказки), нэмутайбанаси (сонные сказки), нагай ханаси (долгие сказки). Но нам здесь может быть интересен именно факт состязания двух птиц — как возможный отзвук состязания двух птиц-ныряльщиков в преданиях Восточной Азии.

Эта птица, видимо, издавна наделялась магическими свойствами: недаром в захоронениях в разных местах Японии найдены шесть глиняных фигурок ханива с изображениями баклана, в префектуре Гифу изображение охотящегося баклана встречается в виде орнамента на сосудах. Особенно, на наш взгляд, примечательна находка, сделанная лет 50 назад на побережье Японского моря в Доигахама (преф. Ямагути), когда было найдено около 300 человеческих скелетов времен Яёи, среди которых был скелет женщины, предположительно, шаманки, держащей в руках скелет баклана (рис. 1, 2).

Не случайно в святилище Кэта-дзиндзя (рис. 3) и поныне проводится ритуал У-но мацури («Праздник баклана»), главным действующим лицом которого является баклан (этот ритуал объявлен Национальным сокровищем, его древность подтверждал еще основатель японской этнографии Янагита Кунио). Как пишет Огихара Хидэсабуро, в деревне Кадосима, у бухты У-но ура, Бухты бакланов в городе Нанао трое выбранных на данный год жителя деревни ловят баклана. Все они — выходцы из рода уторибэ — ловцов бакланов.

Раздел 2. Японоведение

Рис. 1. Ханива — восстановленная фигура баклана

Рис. 2. Скелет женщины с бакланом в руках из раскопок в Доигахама (преф. Ямагути)

Считается, что в зависимости от того, попался ли черный или белый баклан, можно судить — будет ли в будущем много дождей (черный) или много снега (белый). Поймав птицу, уторибэ сажают ее в корзину и несут на спине 40 км до святилища Кэта-тайся. В ночь ритуала сначала исполняется ритуальное музыкальное представление мэдзамэ-кагура, после чего начинается торжественная передача птицы от уторибэ к распорядителю церемонии, во время которой происходит вопросно-ответный диалог. Баклана выпускают «перед богами», то есть в основном павильоне храма, перед священным зеркалом. Кстати говоря, считается, что в этот момент по движениям птицы можно судить, насколько благоприятно будет складываться будущее (см. цв. вкл., ил. 1). Затем служитель святилища берет баклана и выносит его на морской берег, где и отпускает на волю. Обратно в святилище служитель должен возвращаться не оглядываясь³.

В историческом обзоре синтоистских святилищ города Хакуи, где находится святилище Кэта-тайся, приводится этот ритуальный вопросно-ответный диалог между служащим святилища, распорядителем

³ *Огихара Хидэсабуро*. Нихон дайхякка дзэнсё. Полное собрание японской энциклопедии. Сё:гаккан, CD-ROM, 1999.

Рис. 3. Святилище Кэта-тайся (п-ов Ното, преф. Исикава)

церемонии «Праздник баклана» и представителем рода Уторибэ, «ловцов бакланов». Вот этот диалог:

- Уторибэ, уторибэ!
- Здесь!
- Приказано спросить тебя: этот баклан дикая птица?
- Именно так!
- Приказано тебе хорошенько посмотреть не помяты ли крылья, не повреждены ли лапы?
 - Этот баклан дикая птица, и он непокорен (яп. кэгэсику со:ро:)
 - Приказано поднести его богам!⁴.

Подчеркнем примечательный факт: хозяйственная функция специально обученного баклана — участие в рыбной ловле — в ритуальном диалоге и в самом сценарии ритуала не отражена ни в каком виде, так же, впрочем, как и в сюжете «Кодзики». В диалоге наоборот, непременным условием выступает неприрученность, дикость

⁴ *Огура Манабу*. Мацури то миндзоку. (Обряды и народные обычаи). Токио: Ивасаки бидзюцуся, 1984. С. 259.

баклана. Кроме того, и вне праздника баклана величают не просто $\langle y \rangle$, а $\langle o - y \rangle$, выражая тем самым почтительность. Как указывают японские этнографы, в ритуале эта птица сама считается богом, кроме того, как сказано выше, по ее движениям перед алтарем божества храма гадают о будущем⁵, и т. п.

Гадание с бакланом, видимо, представляет собой уже устоявшуюся технику: известно предание о том, как во времена позднего средневековья князь Като Киёмаса хотел возвести плотину, но всякий раз терпел неудачу, поскольку не мог выбрать для нее правильного места. Произведя гадание с помощью баклана и получив от него указания, князь возводит плотину У-но сэ цуцуми, Плотину «Стремнина Баклана», которая дает наконец окрестностям воду для повседневных нужд и для орошения.

В архивных документах святилища Кэта-дзиндзя сохранилась интересная запись, относящаяся, по-видимому, к периоду позднего Эдо. Это легенда о том, как однажды, во времена императора Мураками (946–967), 270 дней шел сильнейший дождь и наступил потоп. Император опечалился, провел буддийский молебен в павильоне Сэйрё:дэн, но дождь все не проходил. Тогда он приказал в 16 больших синтоистских святилищах страны закрыть все ворота, запереть и запечатать главные павильоны святилищ, и тогда дождь прекратился. Император возрадовался и вознес хвалу богам. Он послал в эти святилища гонцов, а в храм Кэта-тайся был послан Абэ-но Садатоу (здесь, видимо, анахронизм, потому что известный в истории самурай Абэ-но Садатоу жил лет на сто позже). Садатоу открыл ворота храма, снял печать с дверей основного павильона и исполнил перед богами святилища Мандзайраку представление в жанре торжественной музыки гагаку. Затем, в соответствии с приказом императора, он остался присутствовать на Празднике баклана, У-но мацури. И тут божество святилища превратилось в деву ама (из племени ама ныряльщиков за рыбой и водорослями), направилось к посланцу императора, произнесло какие-то чудесные слова и вошло в павильон святилища. Вдруг, откуда ни возьмись, появились боги из Драгоценного Павильона Восьми богов, раздалась музыка на духовых и струнных инструментах. И тут слетел с неба баклан, направился к Светлому Зерцалу перед божеством и, сложив оба крыла, выразил свою покорность божеству и преклонение перед ним. Служитель кумирни при святилище взял баклана, отнес его на берег моря и

⁵ Огура Манабу. У-мацури ко: (Исследования ритуала баклана). «Кано: миндзоку», Кано миндзоку хэнсан иинкай, 1951. С. 104.

выпустил. И сразу божества пропали из виду, и музыка смолкла. А гонец вернулся в столицу и доложил императору об этом удивительном происшествии⁶.

Мы не имеем в виду с помощью этих примеров доказывать, что в памяти культуры вплоть до периода Эдо сохранялся образ баклана как птицы, связанной с высшими божествами пантеона и представлениями о сотворении мира, однако этот ритуал в Кэта-тайся может, на наш взгляд, свидетельствовать об особой мифологической функции баклана, осознаваемой и помимо его непосредственной функции — «подателя еды».

Еще одно из магических свойств этой птицы — способствовать благополучному разрешению от бремени. Эта функция закрепилась за бакланом еще в «Кодзики»: «Тогда, тут же, на морском берегу, у кромки волн дом для родов построили — кровлю перьями бакланов настелили. Тут — [кровлю] того дома для родов еще до конца не застелили, а [Тоётама-химэ-но микото, дочь морского царя], не снеся нужды своего чрева, вошла в дом для родов».

Отголосок этого мотива можно встретить в гораздо более поздние времена: перья баклана долгое время считались амулетом для роженицы. Интересный пример также содержится в «Гаун никкэнроку» («Поденные записи, сделанные [вельможей] из рода Гаун» (период Камакура, 1444 г.), где пересказывается история Кагуя-химэ, чудесной девочки-найденыша, только ее находят не в бамбуке, как в оригинальной повести хэйанских времен «Такэтори-моногатари», а в гнезде баклана.

Вполне возможно, что баклан издавна считается священной птицей еще и потому, что из всего животного мира, включая птиц, именно водоплавающие птицы оказываются наделены самыми большими возможностями по овладению пространством, поскольку они способны ходить по суше, летать в небе, нырять на дно моря и плавать по поверхности воды, отсюда и их высокая мифологическая значимость. Как мы попробуем показать, баклан в представлениях японцев имеет власть и над еще одним видом пространства, не столь естественной средой обитания для птиц как таковых.

В легендах ему приписывается чудесная способность преодолевать огромные расстояния сквозь землю и горы, при этом не по воздуху, а под землей. Связь баклана не только с водой, рекой и морем и не только с воздухом и небом, но и с землей, и с подземным

 $^{^6}$ Кэта дзиндзя бунсё. (Архив святилища Кэта-дзиндзя). Т. 1. Токио: Хэйбунся, 1974. С. 118–119.

миром выражена, например, в легенде, записанной на землях семьи Ямагути, в Миката, Хиками-тё, в Тамба. Однажды в их деревню пришел Кобо-дайси и попросил воды, но крестьяне обманули его, сказав, что воды у них нет. Тогда он сказал им: «Что ж, пусть и на самом деле воды у вас не будет» — ударил палкой и образовалась щель, в которую утекла вся вода. Крестьяне запустили в эту щель баклана, и он пролетел сквозь горы и землю и вылетел в Бансю, в Харима, то есть преодолел под землей наискосок всю длину префектуры Хё:го. До сих пор в Хиками-тё на окраине селения есть расщелина в земле, которая считается той самой щелью, через которую баклан влетел под землю тысячу с лишним лет назад (см. цв. вкл., ил. 2).

Та же самая способность — проходить сквозь землю и приносить воду — приписывается баклану и в знаменитом новогоднем ритуале О-мидзутори («Первое черпание воды») в То:дайдзи: согласно легенде, однажды все божества были призваны в храм То:дайдзи на молебен о процветании государства (Сюниэ), и все явились, только бог Оню:даймё:дзин увлекся рыбной ловлей и опоздал. Для искупления своей вины он сделал так, чтобы каждый год из-под павильона Нигэцу-до:, где происходит ритуал, то есть прямо из-под земли, вылетали два баклана, черный и белый. (Отметим, кстати, что здесь птиц тоже две). Черный и белый цвета бакланов, видимо, означают долгое по протяженности время, когда эта вода будет оставаться новой и неиссякающей, поскольку, скорее всего, сочетание черного и белого означает день и ночь, то есть полный суточный цикл. Там, где бакланы вылетают из земли, образуется источник Вакаса-и, и вслед за этим начинает бить вода новой весны (в действительности в ритуале бакланов приносят в корзине, но сути дела это нисколько не меняет).

Как сказано в этой легенде, эти два баклана нырнули в воду в глубоком месте среднего течения реки Оню:гава (нынешняя префектура Фукуи), где ритуал «молодой воды» проводится на 10 дней раньше, чем О-мидзу-тори в Нара. Предполагается, что оттуда, из Фукуи, они проходят под землей примерно 90 км и вылетают наружу в префектуре Нара, у храма Тодайдзи. Таким образом, баклан действует еще и как повелитель стихии земли.

Итак, баклан как магическая птица (Великая птица, как это называется в фольклористике), связующая разные пространственные миры — небо, море, морское дно, реку, землю и подземелье, — имела, соответственно, и самые разнообразные магические свойства.

Рассмотрим ряд этих свойств на следующих звеньях сюжета о баклане в «Кодзики» и начнем с мотива обработки глины.

Нырнув, баклан приносит глину со дна моря, однако ему уже не надо творить сушу — мир, согласно композиции «Кодзики», к этому времени уже полностью сотворен, и задача его сотворения в памятнике была возложена на других персонажей и отдана другим сюжетным линиям. Соответственно, в данном сюжете глина используется не для формирования земли в океане, а для другой цели — баклан делает из нее керамические блюда счетом восемьдесят — то есть благое бесчисленное множество. При этом для изготовления блюд баклан добывает огонь, сделав для этого ступку и пестик — то есть речь идет о добывании огня трением.

До этого сюжета первое упоминание огня в мифологических сводах представлено повествованием о том, как Идзанами рождает божество огня, при этом погибает и попадает в страну Мрака (это история о первой смерти, видимо, сконтаминированная с распространенным представлением о том, что огнем владеет женщина). В сюжете с бакланом огонь не рождается, а добывается трением, то есть это первый и единственный в «Кодзики» рассказ о добывании, а не рождении огня (хотя здесь нельзя исключить и символику ступки и песта как детородных органов).

В мифах разных народов часто описывается употребление огня — сразу вслед за его обретением — именно для обжига и изготовления керамики, а не для приготовления пищи или обогрева тела в холодное время или чего-нибудь еще. Огонь, добытый существом, связанным с водой, — также распространенный мотив в разных мифологиях. Об этом мотиве, называя его «морским огнем», пишет, в частности, Ообаяси Тарё. Он приводит примеры связи между стихией моря и рождением огня на Окинаве, на островах Рюкю, в области Идзумо, а также у племен Тайваня, Микронезии, на Сулавеси. По мнению Ообаяси, этот мотив мог распространиться в Океанию из Юго-Восточной Азии⁷.

Связь птицы и огня — тоже универсальный мифологический мотив, здесь можно вспомнить разнообразных фениксов, жар-птиц и прочих огненных птиц, или, например, тот факт, что в индуизме Агни, воплощение огня, брат Индры, передвигался на орле и сам часто принимал вид птицы. Примеров добывания огня птицами немало, мифологический сюжет, где чудесное средство (огонь, свет,

 $^{^7}$ *Ообаяси Тарё*. Нихон синва-но хикаку миндзокугакутэки ко:сацу. Хи-но кигэн-но синва-о тю:син то ситэ // Нихон синва. Токио: Ю:сэйдо:, 1971. С. 27.

солнце и т. п.) добывает сама птица — орел или ворон, выступая в этом случае как демиург или культурный герой, а также как первопредок, распространен среди многих народов Северо-Восточной Азии, а также и у американских индейцев. Вот другие примеры: среди жителей Горной Шории есть рассказ о журавле, похищающем уголек из очага у творца мира Ульгеня, и предание об орлице, которая когтями отламывает камешек от скалы, камешек падет и высекает огонь из скалы. В преданиях хакасов ласточка украла огниво и трут у владетеля подземного царства — поскольку огонь находился именно там. Вообще среди разных народностей Северо-Восточной Азии и у американских индейцев нередко встречаются сюжеты, где огонь добывает орел или ворон, выступая при этом в роли первопредка или культурного героя.

Если говорить о способе добывания огня трением, то и здесь фиксируются ассоциации с птицей — так, в Китае есть предание об огненном дереве, которое долбит птица и из него исходит огонь, эту технику добывания огня трением перенимает культурный герой Суй Жэнь, который начинает тереть веткой о дерево («Ши и цзи» («Записи о забытых событиях») Ван Цзя (IV в.)). Культурный герой Полинезии Мауи заставил птицу — первоначальную хранительницу огня — показать ему, как его добывать: тереть сухой веткой о сухую доску.

Известно, что появление огня знаменует завершение космогонического процесса. С этой точки зрения показательно, что баклан не просто добывает глину, а изготовляет керамические сосуды, для чего помимо глины (земли) и воды ему нужен огонь, который он же сам и производит. Разумеется, сосуды — это вместилище подношений и жертвоприношений, в этом качестве они фигурируют затем в большинстве раннесредневековых норито⁸. Вероятно, именно с этой целью мотив баклана был сконтаминирован с сюжетом стольника Кусиятама-но ками, готовящего еду в качестве жертвоприношений. Миф о сотворении природы, таким образом, переходит на уровень мифа о строительстве культуры.

В то же время, рассматривая этот сюжет «Кодзики» с точки зрения его отношения к сфере космогонии, скажем, что сами по себе сосуды обычно принято интерпретировать как общий результат космогонических процессов, кстати говоря, они символизируют универсальную

 $^{^{8}}$ Норито. Сэммё / Пер., иссл. и комм. Л. М. Ермаковой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. (Памятники письменности Востока. XCVII). С. 91, 95, 101 и др.

трехуровневую структуру мироздания. При этом самая нижняя часть сосуда обозначает нижний мир или мировые воды, на этой части совсем нет или очень мало росписей, затем следует срединная часть, с орнаментом, часто растительной символики — позже там располагают людей, животных, растения; самая верхняя часть, у горлышка, воспроизводит верхний небесный мир. Именно такая трехчастная структура отражена в песне, которая исполняется в сюжете «Кодзики» о баклане: здесь огонь поднимается к Равнине Высокого Неба, в подземном мире находятся «затвердевшие скалы-корни», а между ними — рыбаки с канатами, которые тащат рыбу — то есть люди, расположенные в Срединном мире.

Представляется также важным то обстоятельство, что в вышецитированной песне «Кодзики» люди тащат рыбу, которая подносится в виде приношения, однако как раз в этом процессе баклан — как птица, используемая для ловли рыбы — не принимает никакого участия. Его функции, в сущности, здесь совершенно иные — это 1) функция демиурга, добывающего землю, 2) функция божестваптицы, добывающей огонь, 3) культурного героя, изобретающего обжиг и изготовляющего сосуды, чем он и завершает процесс творения.

Другими словами, в этом сюжете воспроизводится основной цикл сотворения мира с его главными космогоническими стадиями — добывание земли, получение огня трением, осуществление обжига и изготовление керамической посуды для жертвоприношений.

Liudmila Ermakova

THE DIVER'S MOTIF IN THE JAPANESE MYTHOLOGY

The aim of the paper is to reinterpret a mythological episode in "Kojiki" centered on the god Kushiyatama-no kami, who turns into a cormorant and acts as such in "The Era of Gods". We suggest that this episode is repeating, in a hidden form, the motif of the so-called "Earth-Diver", one of the world-creation myths that is found in many mythologies of Eurasia and North America. We show that Kushiyatama's story contains traces of the main stages of cosmogony, which can be seen more clearly and in full in other mythological complexes. Also, the paper offers an analysis of the role played by the cormorant as a mythical bird in the ancient Japanese culture.

Е. К. Симонова-Гудзенко

ОТРЫВКИ ФУДОКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЯПОНИИ

Составление описаний провинций связывают с указом государыни Гэммё 713 г. 1, хотя название «фудоки» в тексте отсутствует. Впервые термин встречается в «Докладной записке из 12 пунктов» Миёси Киёюки (847–918)². Принято считать, что к 740 г. описания провинций были завершены, однако наличие указа 926 г. о проверке и отправке в центр фудоки³ свидетельствует, что первый указ был выполнен далеко не во всех провинциях. Сохранились описания лишь 5 провинций, причем полностью только «Идзумо-

¹ «6-й год Вадо, 5-я луна, 2-й день. Приказано назвать хорошими названиями все уезды и села во всех провинциях в Кинай и семи округах. А также приказано сделать тщательные записи относительно имеющихся в этих уездах серебра, меди, красителей, трав, деревьев, птиц, зверей, рыб и насекомых, а также записать сведения о качестве земель, происхождении названий гор, рек, долин и полей, положить на бумагу рассказываемые стариками древние предания и диковиннные истории. Эти сведения подать наверх». (Сёку нихонги. Сер.: Син нихон котэн бунгаку тайкэй (Новое собрание японской классической литературы). Токио: Иванами сётэн, 1996. Т. 12. Пер. Мещерякова А. Н.).

² «Ваш поданный недавно в 5-м году Кампё (893) был назначен помощником управителя провинции Биттю. В уезде Симоцумити есть деревня Нима. Когда [я] изучил фудоки этой провинции, выяснилось...» Далее рассказывается история происхождения названия деревни. (Кодай сэйдзи сякай сисо (Политическая и социальная мысль древности). Сер.: Нихон сисо тайкэй (Собрание текстов исторической мысли Японии). Токио: Иванами сётэн, 1979. Т. 8. С. 78.)

³ «...Управителям всех провинций Гокинай и 7 областей. О скорейшей проверке и отправке фудоки. Стало известно, что во всех провинциях имеются фудоки. Передаем распоряжение Левого министра. Приказываю управляющим провинциями срочно выслать [фудоки]. Если в провинциальных управлениях отсутствуют, следует составить их, опросив стариков, и незамедлительно представить. Не задерживать выполнение, отправить по получении указа». (Фудоки. Сер.: Нихон котэн бунгаку тайкэй (Собрание японской классической литературы). Токио: Иванами сётэн, 1973. Т. 2. С. 22).

фудоки» 4 . Отрывки описаний других провинций были собраны ученым школы национальных наук Бан Нобутомо (1773–1846) 5 , отрывки из описаний 40 провинций в 1903 г. опубликовал Курита Хироси (1835–1899).

Предлагаемое исследование проводилось на основании текста издания НКБТ, в котором представлены фрагменты фудоки 47 провинций и не включенные в основной текст сохранившихся 5 фудоки, а также отрывки, не относящиеся к определенной провинции. Было определено два направления: формально-количественный анализ отрывков, а также исследование письменных источников, в которых они приводятся⁶.

Сохранилось 188 фрагментов описаний 47 провинций, а также 5 отрывков, не связанных с определенной провинцией. Причины того, что по 19 провинциям фрагменты не представлены, были самые разные⁷. Необходимо отметить, что в данном исследовании за основу нами была взята последовательность провинций, в которой представлены отрывки фудоки в издании Собрания японской классической литературы. Она соответствует списку провинций «Энгисики»⁸, считающемуся в современном японоведении эталонным для государства рицурё — 68 провинций, 3 дополнительных провинции (Ивасиро, Иваки, Суо) и 2 острова. Дополнительные провинции в списке отрывков не представлены.

Объем статьи, к сожалению, не позволяет разобрать причины отсутствия фрагментов фудоки по всем 19 провинциям, рассмотрим лишь несколько, которые представляются типичными или трудно объяснимыми. Так, по провинции Идзумо отрывков нет, поскольку описание сохранилось полностью, отсутствие фрагментов по центральной провинции Кавати, так же как и по восточной, удаленной

⁴ Фудоки. Сер.: Нихон котэн бунгаку тайкэй (Собрание японской классической литературы). Токио: Иванами сётэн, 1973. Т. 2: Идзумо-фудоки / Пер. К. А. Попова. М.: Наука, 1966; Древние фудоки / Пер. К. А. Попова. М.: Наука, 1969.

 $^{^5}$ Кофудоки ицубун (Отрывки древних фудоки) // Фудоки. Сер.: Нихон котэн бунгаку тайкэй (Собрание японской классической литературы). С. 414–529.

 $^{^6}$ В данном исследовании учитывались основные географические объекты, которым посвящен тот или иной отрывок, и хотя информационная выборка количественно невелика, тем не менее, позволяет сделать некоторые исторические выводы.

⁷ Центр — Идзуми, Кавати; северо-восток — Тотоми, Мусаси, Ава, Кодзукэ, Симоцукэ, Дэва; северо-западное побережье — Эттю, Ното, Кага; Тадзима, Тамба; юго-западные — Аки, Суо, Нагато, острова Садо, Оки, Цусима, а также Идзумо, полный текст которой сохранился.

 $^{^{8}}$ Энгисики. Серия Кокуси тайкэй (Собрание текстов по национальной истории). Токио: Ёсикава кобункан, 1999. Т. 2. С. 559–567.

провинции Кадзуса, хотя в письменных источниках она упоминается довольно рано⁹, вероятно, может быть связано с их утратой. Ава и Идзуми подвергались неоднократной реорганизации, не говоря уже о том, что первоначально они входили в состав уже названных Кадзуса и Кавати соответственно¹⁰. Любопытно, что в сохранившихся отрывках фудоки провинции Кадзуса и Симоса представлены довольно архаичным объединенным территориальным объектом¹¹. Описания по островам Садо и Оки, вероятно, не составлялись, поскольку провинции с VIII и до XIV-XV вв. считались местами ссылки «политических» преступников, причем ссылки самой дальней 12. Не вполне понятно, почему нет фудоки юго-западной части острова Хонсю, провинций Аки, Нагато, Суо. Видимо, и этот район также считался удаленным от центра, не обладавшим «культурностью», и указы могли туда не доходить или не выполняться. Думается, что немаловажную роль в составлении фудоки той или иной провинции играли интересы, таланты, образованность ее управителя¹³.

По шести провинциям сохранилось 10 и более отрывков: 16 — Сэтцу, 15 — Ямасиро, 15 — Хитати¹⁴, 13 — Овари, 12 — Исэ, 13 — Тикудзэн. Наибольшее количество отрывков сохранилось из фудоки провинций, расположенных в центральном районе, на юго-западе

 $^{^9}$ Жданов В. В., Симонова-Гудзенко Е. К. Методика упорядоченного списка на примере создания Базы Данных географических объектов средневековой Японии по письменным источникам VIII в. // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2002. № 1. С. 40–55.

¹⁰ Провинция Идзуми была образована в 716 г. из трех уездов провинции Кавати, в 741 г. была упразднена, в 757 г. была восстановлена. Провинция Ава была образована в 718 г. из четырех уездов провинции Кадзуса, в 741 г. упразднена, в 757 г. восстановлена.

¹¹ Симонова-Гудзенко Е. К. Япония VII–IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. М.: Восток-Запад, 2005. С. 123–124.

¹² Историки полагают, что первым на остров Садо в 771 г. был сослан поэт Ходзумино Асоми Ою (?–749). Среди самых известных ссыльных заслуживают упоминания отрекшийся император Дзюнтоку (1197−1242) после участия в Дзёкю-но ран (1221) и проведший на острове 20 лет до своей смерти; монах Нитирэн (1222−1282) в 1271−1274 гг.; актер и теоретик театра Но Дзэами Мотокиё (1363−1443) в 1434 г. На островах Оки отбывали ссылку отрекшийся император ГоТоба (1180−1239) после участия в Дзёкю-но ран до смерти в 1239 г.; император ГоДайго (1288−1339) в 1331−1333.

¹³ Текст Хитати-фудоки изобилует различной фольклорной информацией, что с большой долей вероятности связано с участием в составлении Такахаси-но мурадзи Мусимаро (сер. VIII в.), одного из талантливых поэтов «Манъёсю», авторы же Идзумо-фудоки были, скорее всего, высокообразованными чиновниками и представили лишь четкие ответы на поставленные перед ними вопросы.

¹⁴ Тексты отрывков описания провинции Хитати вместе с фрагментарно сохранившимся текстом Хитати-фудоки переведены на русский язык и откомментированы К. А. Поповым: Древние фудоки. М.: Наука, 1969.

и востоке архипелага, т. е. в районах наиболее раннего заселения и освоения. Провинции Сэтцу, Ямасиро, Овари и Исэ входят в территорию «большого» центрального района, включающего «как территорию Кинай, так и провинции Ооми, Мино округа Тосандо, Овари, Исэ, Ига, Сима округа Токайдо, Кии округа Нанкайдо, которые составляют единое пространство на полуострове Кии и в самой узкой части острова Хонсю» Сэтцу и Ямасиро — провинции центрального района Кинай, границы которого были определены в Тайхорё и закреплены в «Энгисики». В Сэтцу был расположен главный порт японского государства — Нанива, который обеспечивал связи как между центром и провинциями, так и внешние контакты государства. Ямасиро становится столичной провинцией с конца VIII в. Овари была одной из самых развитых, или, во всяком случае, хозяйственно структурированных провинций древнего государства (а Исэ — один из важнейших сакральных центров. Тикудзэн — место расположения Дадзайфу, а Хитати — одна из рано освоенных провинций восточной Японии.

Немногим менее половины всех дошедших до нас отрывков (84) относится к описаниям названных 6 провинций, что, вероятно, свидетельствует о естественном характере их сохранности. Это — провинции центрального района, юго-западного пограничья и востока страны, информацию о которых культурно-историческая память хранила особенно тщательно. Фудоки, видимо были составлены, если не по первому, то по второму указу, но впоследствии были утрачены. Данное распределение подтверждает наше предположение о неслучайной сохранности текстов 5 древних фудоки¹⁷.

25 провинций и «неопределенные» представлены двумя и более отрывками, 15 — одним.

Тексты фудоки включают географические, хозяйственные, фольклорные сведения, преобладающее количество которых привязано к топонимам, значительную часть составляют легенды. Сохранившиеся отрывки представляют законченные рассказы о конкретном географическом объекте, что позволило сделать его основой классификации. Всего было выделено 28 видов географических объектов и байки. Байка — это отрывок, в котором речь идет не о конкретном

¹⁵ Симонова-Гудзенко Е. К. Япония VII–IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. С. 93.

¹⁶ Энгисики. Т. 2. С. 591; *Verschuer Ch.*, *von*. Life of Commoners in the Provincies. The Owari no gebumi of 988 // Heian Japan: Centers and Peripheries / Ed. M. Adolphson, K. Edward, S. Matsumoto. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. P. 305–327.

 $^{^{17}}$ Симонова-Гудзенко Е. К. Япония VII—IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. С. 21.

географическом объекте, а топоним составляет часть имени собственного (человека, ритуала, строения и др.) или сюжет о каком-то персонаже или событии, связанный с определенной провинцией. Было выделено 3 типа фрагментов: *природные* — 68 (33 %), *рукотворные* — 83 (43 %); *байки* — 46 (24 %). Каждый тип мы разделили на группы.

Природные включили 16 видов географических объектов, объединенных в 4 группы:

- а) «рельеф» (местность, дикое поле, равнина, гора, холм, камень) 38 отрывков;
 - б) «водные» (река, источник, болото, озеро) 10;
 - в) «морские» (бухта, отмель, остров, побережье) 15;
 - г) «растительность» (роща, дерево) 5.

Расположение государства на архипелаге, 75 % территории которого составляют горы, объясняет высокие показатели таких географических объектов, как горы (17) и острова (9). Объект «местность», топоним без нормативного слова 18. Высокий показатель (8) подобных топонимов в условиях географической определенности, характерной для японской культуры, выглядит не совсем обычно и требует более пристального исследования.

«Рельеф» представлен в отрывках провинций области Кинай и юго-запада островов Кюсю и Сикоку (Овари, Ооми, Ямато, Сэтцу, Ава, Иё, Тоса, Тикудзэн, Будзэн, Хидзэн, Хиго, Хюга). Незначительно представлен и регион Канто (Сагами и Суруга) и северо-восток (Хитати, Муцу).

«Морские» отрывки разбросаны от центральной до западной части архипелага (включая о. Сикоку) — Сэтцу, Исэ, Сима, Ооми, Хоки, Сануки, Иё, Тоса, Харима, Тикудзэн, Хиго. Важно отметить, что география морских отрывков расширена в значительной степени за счет островов.

Группа «водные» обнаруживается в провинциях Сэтцу, Овари, Микава, Идзу, Муцу, Биттю, Ава, Иё и Тоса; несмотря на не самое большое количество входящих в нее объектов, охватывает почти всю территорию Японии.

«Растительность» упоминается в провинциях Ики и Синано, причем интересно, что «неопределенные», не связанные с конкретной провинцией отрывки, полностью покрываются группой «растительность» (5).

 $^{^{18}\,\}mathrm{B}$ некоторых случаях текст отрывка позволяет определить, о каком географическом объекте идет речь, подобный анализ предполагается сделать в будущем.

Рукотворные включили 11 видов географических объектов, объединенные в 3 группы:

- а) «административные» (провинция, уезд, село, деревня) 44 отрывка;
- б) «культовые» (синтоистские святилища, буддийские храмы) 24;
- в) «хозяйственные» (строение, гавань, пруд, мост, поле, колодец) 15.

Рукотворные составляют около половины всех объектов, среди которых наивысшие показатели у групп «административные», «культовые» и «хозяйственные». Думается, что и менее репрезентативные объекты также заслуживают упоминания, поскольку показывают уровень хозяйственного развития государства. Это — гавани (2), мосты (2), пруды (2), поле (1) и колодец (1). Таким образом, сохранившиеся отрывки раскрывают развитую территориально-административную систему государства; значение культовых сооружений, в первую очередь местного комплекса верований; а также хозяйственное развитие как в системе коммуникаций (гавани, мосты), так и земледелии (пруд, поле, колодец).

Административные объекты упоминаются в 25 провинциях, по 3 в Исэ, Овари, Хюга; по 2 в Хитати, Тикуго и Хиго. Они представлены в провинциях с наибольшим количеством сохранившихся отрывков, а также со средним показателем (5–4), что вероятно подтверждает существование текстов описаний, а не позднюю запись лишь топонимических легенд о названии провинций или уездов. Если во фрагментарных описаниях удаленных провинций сохранились отрывки, посвященные провинциям и уездам (Хитати, Тикуго, Хиго), то среди отрывков Исэ, Овари и Хюга, кроме историй провинций, преобладают истории сел и деревень, что видимо, может свидетельствовать об их лучшей освоенности и вероятном существовании полных текстов описаний.

Провинции упоминаются в 16 отрывках, села в 13, уезды в 11 и деревни в 5, что составляет 40 % (35 ед.) всех *рукотворных*. Наибольшее количество административных единиц в Исэ, Овари и Хюга. Все 3 провинции выделяются высокой сакральностью.

Прежде чем сказать о численности культовых построек, необходимо отметить, что синтоистские святилища имеют самый высокий показатель среди *рукотворных*, составляют четверть списка (21), в то время как буддийских храмов упомянуто лишь 2, причем оба отрывка о буддийских храмах относятся к провинции

Раздел 2. Японоведение 101

Овари — Фукуко-дзи и Комё-дзи (Хагури-но амадэра)¹⁹. Они свидетельствуют, что оба были сооружены чиновниками: первый — 7-ранга низшей ступени Миякэ-но Мурадзимаса в 1-й год Дзинки (724), второй — Хагури-оми Хитомаро в 3-й год правления государя Тэнти (664). Отрывки упоминаются в источниках XIII в. «Манъёсю тюсяку» и «Тирибукуро» соответственно, что, видимо, дополнительно свидетельствует о возможности создании фудоки провинции Овари, если не по первому указу, то на протяжении VIII–IX вв. Овари принадлежит к провинциям, наиболее представленным рукотворными объектами и с большим разнообразием видов этих объектов, 6 из списка в 11. Больше лишь у Ямасиро и Хитати, равное количество у Тикудзэн.

Среди хозяйственных наиболее высокая представленность у «строений» — 5 (Ямасиро, Сэтцу, Исэ, Хитати, Биттю). 1) Ямасиро — Удзимакицуя — строение/место, где проводится обряд очищения хараи. 2) Сэтцу — Мимана-я — помещение для подношений государю из Мимана (рыба). 3) Исэ — дворец Яхиро-хатадоно (Яматохимэно микото). 4) Хитати — почтовая станция Умая. 5) Биттю — миякэ²⁰.

Хотелось бы остановиться на типе *байки*. Он самый малочисленный, однако с точки зрения истории ментальностей этот вид фрагментов представляет особый интерес.

Байка — это отрывок, в «заголовке»²¹ и тексте которого нет конкретно названного географического объекта, а топоним составляет часть имени собственного, как например: *Удзибаси-химэ*, *Урасима-но ко* (пров. Танго), или название ритуала *Камо-дзёба* (пров. Ямасиро), *Идзу-карикура* (пров. Идзу) или вообще отсутствует *Цутигумо* (пров. Сэтцу) и др., т. е. представлен сюжет о каком-то персонаже или событии с указанием привязки к определенной провинции. В фудоки провинции Иё включены две песни государыни Дзингу (201–269) и Саймэй (655–661), причем первая — вариация песни № 1315 в антологии «Манъёсю»²². В отрывках фудоки провинции Хоки есть рассказ о том, как во время землетрясения ведут

¹⁹ Фукуко-дзи 福興寺 и Комё-дзи 光明寺 (Хагури-но амадэра 葉栗尼寺).

²⁰ Удзи-такицуя — 宇治瀧津屋, Мимана-я 御魚家, Яхиро хатадоно 八尋機殿, Умая 駅家, Миякэ 御宅.

 $^{^{21}}$ Необходимо учитывать, что названия отрывкам были, вероятно, даны не ранее XIX в., т. е. когда они были собраны, извлечены из разных письменных источников.

²² Кофудоки ицубун. С. 499.

себя петух и фазан 23 . В фудоки провинции Осуми повествуется об изготовлении сак 24 . Сюжеты неопределенных провинций начинаются словами «в древних фудоки...». Например, говорится: «Петрушку называют эгу. Такое название петрушки можно встретить в фудоки» 25 .

Байки сохранились достаточно равномерно, выделяется лишь Хитати с наивысшим показателем 6, в составлении описания которой принимал участие Такахаси-но мурадзи Мусимаро (сер. VIII в.), один из талантливых поэтов «Манъёсю».

46 отрывков — *байки*, они встречаются в 29 из 48 провинций и в 2 отрывках неопределенных провинций. Фрагменты 6 провинций (Ивами, Бинго, Бидзэн, Кии, Мино, Этиго) представлены только байками

В байках можно выделить 10 сюжетов: божества, чиновник, государь, необычные люди, артефакты, птицы, животные, ритуалы, хозяйственная деятельность, разное. 6 баек, 3 сюжета в Хитати²⁶ (государь, птицы, артефакты); 3 байки, 2 сюжета в Тикудзэн (божество, чиновник). 2 байки в Ямасиро (божество, ритуал), Идзу (хозяйственная деятельность, ритуал), Этиго (необычные люди, артефакт), Инаба (чиновники, животные), Харима (государь, хозяйственная деятельность), Кии (артефакт, хозяйственная деятельность), Иё (государь), Осуми (животные, хозяйственная деятельность).

Наиболее распространенными были сюжеты о божествах (8), о государях (6), чиновниках (5). Интересны сведения о чиновниках. Например, в отрывке провинции Ивами говорится о назначении некоего Хитомару управителем провинции в 8-й месяц 3-го года правления государя Тэмму (675 г.), однако подтверждения этих сведений в других письменных источниках не обнаруживается. В отрывке провинции Тикудзэн говорится, что «в 4 год Тэмпё (732 г.) по придворному летоисчислению, который соответствует году Водяной обезьяны по 60-летнему циклу, управляющий военными делами в Сайкайдо (Кюсю) Фудзивара Асоми, посмертное имя которого Умакаи, счел, что нехорошо, когда его планы нарушаются, и стал думать о соответствии времени»²⁷.

²³ Там же. С. 480.

²⁴ Там же. С. 526.

²⁵ Там же. С. 529.

²⁶ Отрывки Хитати-фудоки переведены К. А. Поповым (Древние фудоки. С. 61–65).

²⁷ Кофудоки ицубун. С. 501–502. В комментарии говорится, что смысл этого отрывка не совсем ясен, но есть предположение, что Фудзивара Асоми хотел изменить временной цикл в соответствии с древними ритуалами.

 $\it Eaйки$ о людях сосредоточены преимущественно в центральных и западных районах Японии 28 .

Большая часть сюжетов отрывков из провинций восточной Японии связаны с необычным: необычные природные явления в провинции Сагами (*исофури* — волны, что крушат камни); необычные люди в Этиго (*Яцукахаги* — человек с большими ступнями из рода *цутигумо*); необычные артефакты в Этиго (*ясакани* — драгоценный камень на шнурке... и др).

В западной Японии *байки* чаще рассказывают о божествах, государях, чиновниках. Приведем лишь несколько примеров. Отрывок провинции Инаба повествует о *Такэноути-но сукунэ*²⁹, провинции Тикуго — *Цукуси-но Иваи-но кими*³⁰ и др.

В отрывках Фудоки встречаются версии легенд, вошедшие в другие японские историко-литературные памятники и популярные фольклорные сюжеты. Провинция Инаба представлена легендой о Белом зайце из Инаба, вошедшей в цикл мифов об Окунинуси-но ками в «Кодзики»³¹, в отрывке о провинции Танго Урасима-но ко встречаем один из распространенных фольклорных сюжетов об Урасима Таро.

Провинции, по которым сохранилось наибольшее количество отрывков, отличаются и разнообразием видов географических объектов всех трех типов (природные, рукотворные, байки).

Виды объектов	Сэтцу	Ямасиро	Хитати	Овари	Тикудзэн	Исэ
Природные	8	1	3	2	5	2
Рукотворные	4	3	4	6	3	6
Байки	1	1	1	1	1	1
Сумма	13	5	8	9	9	9

Среди провинций, по которым сохранилось 2 и больше отрывков, в 9 представлены все три типа географических объектов, в 16 — два, и в 2 — один.

Районы, выделенные количеством отрывков и разнообразием видов географических объектов, подтверждаются провинциями,

 $^{^{28}}$ Перевод и подробный анализ $\mathit{баек}$ — обязательный этап дальнейшего исследования.

²⁹ Такэноути-но Сукунэ. Легендарный полководец, участник похода в Корею легендарной государыни Дзингу (201–269). Известен долголетием, легенды сообщают, что прожил более 300 лет.

³⁰ Управитель земли Цукуси.

³¹ Кодзики / Пер. Пинус Е. М. СПб.: Шар, 1994. Т. 1. С. 61–63.

по которым сохранилось малое число отрывков, но в них представлены все три типа объектов. Это центр (Ямато), восток (Суруга), юго-запад (Будзэн, Ики), побережье Внутреннего японского моря (Харима³², Ава), а также запад острова Хонсю (Хоки). Таким образом, подтверждается наше предположение о возможности существования дискретного пространства государства, существования шести районов заселения: центральный, Восточный край (северо-восточное побережье острова Хонсю, или Адзума), район Коси (северо-западное побережье Хонсю), побережье Внутреннего Японского моря (как со стороны Хонсю, так и со стороны Сикоку), район Идзумо (юго-западное побережье Хонсю) и север острова Кюсю. Они располагались в крупнейших прибрежных равнинах, образованных дельтами рек³³.

Один тип географических объектов встречается в 17 провинциях (северо-восточные провинции Симоса-Кадзуса считаются одной территориальной единицей), только две из которых — Этиго и Кии представлены двумя отрывками. Из описаний остальных провинций сохранилось по одному отрывку. 8 провинций расположены компактно, на северо-востоке (Этиго, Этидзэн, Синано, Каи, Микава, Мино, Хида, Вакаса), 5 — на побережье внутреннего моря (Кии, Авадзи, Сануки, Бидзэн, Бинго), остальные 5, хотя и разбросаны, но располагаются в районах раннего освоения (Симоса-Кадзуса, Сима, Ивами, Сацума). Почти равномерно представлены все 3 типа (5 рукотворных, 5 природных, 7 баек). Пять провинций представлены только байками. Необходимо отметить, что среди рукотворных представлены все выделенные нами группы: административные (провинция, уезд, деревня), культовые (синтоистское святилище) и хозяйственные (гавань), также и в природных — рельеф (местность), водные (река), морские (остров), растительность (дерево).

В отрывках из разных провинций встречаются одни и те же персонажи. Так, Яматотакэру, полумифический герой японских преданий, в отрывках рукотворных объектов упоминается 5 раз (святилище Ацута, Овари; название провинции Овари; село Яцуки, Муцу; пруд Кацумада, Мимасака; колодец Касума, Ава). В отрывках провинции Ямасиро, рассказывающих о происхождении топонима села Торибэ, топонима святилища Инари встречается сюжет, похожий

³² Харима-фудоки, так же как описания провинций Хитати, Бунго и Хидзэн, сохранились, хотя и с лакунами и составили так называемые «Древние фудоки» (Кофудоки). Однако отдельные отрывки из этих текстов также встречались в сочинениях последующих веков и вошли в собрание отрывков (Кофудоки шџубун).

³³ Симонова-Гудзенко Е. К. Япония VII–IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. С. 92–93.

на байку из провинции Бунго: человек стреляет в рисовые лепешки, «моти», а они превращаются в птиц. Отрывок, повествующий о святилище Нагу провинции Танго перекликается с отрывком, посвященным природному объекту в Суруга (равнина Михо-но Мацубара), сюжет о небесной деве, лишающейся одежды из птичьих перьев и неспособной вернуться на небо.

«География» фольклорных сюжетов требует дополнительного исследования.

Отрывки фудоки встречаются в более чем 50 письменных источниках³⁴ от «Хонтёгацурэй»³⁵ середины X в. до «Ицунотиваки» 1844 г.³⁶ Однако более половины фрагментов (100) обнаруживаются в 3 источниках: «Манъёсю тюсяку»³⁷ 1269 г., «Тирибукуро»³⁸ 1264—1288 гг., «Сяку нихонги»³⁹ 1300 г., что, видимо, свидетельствует о возрождении интереса к географическим описаниям провинций во второй половине XIII в.

Фрагменты фудоки провинций с наибольшим количеством сохранившихся отрывков упоминаются преимущественно в источниках второй половины XIII в., что дополнительно подтверждает возможность составления описаний, если не по первому указу, то по второму. Рассмотрим таблицу:

	Манъёсю тюсяку 1269	Тирибукуро 1264–1288	Сяку нихонги 1300
Сэтцу	2		4
Ямасиро			5
Хитати	2	5	2
Овари	2	8	2
Тикудзэн	5		5
Исэ	2		

Выводы. Хотелось бы подчеркнуть, что в данной публикации представлены лишь первые общие результаты, полученные при

³⁴ Не все источники удалось определить на данном этапе исследования.

³⁵ Правила придворного церемониала (930–946). Авторство приписывается Корэмунэ-но Кинтака (?).

³⁶ Татибана Морибэ (1781–1849). Комментарии к «Нихон сёки».

³⁷ Манъёсю тюсяку. 万葉集注釈 (Комментарии к «Манъёсю»). Словарь толкований.

³⁸ Тирибукуро. 塵袋 (Энциклопедический словарь).

³⁹ Сяку Нихонги. 釈日本紀 (Пространные комментарии к «Нихонги»).

исследовании отрывков фудоки. Однако даже они позволяют увидеть значение и ценность информации, содержащейся в них.

- а) Особенности сохранности отрывков фудоки позволяют предположить, что в первую очередь составлялись и хранились описания наиболее значимых провинций архипелага.
- б) Культурно-историческая память выделяла важнейшие географические объекты, как *рукотворные*, так и *природные*. *Байки* содержали и варианты известных сюжетов (легенда об Урасима Таро; о белом зайце из Инаба и др.), и местные сведения, например, «о необычных людях».
- в) Отрывки сохранялись в разных по жанру источниках, энциклопедиях, сборниках комментариев к древним сочинениям, поэтических сборниках, научных трактатах и др.
- г) Вторая половина XIII в. отличалась повышенным вниманием к описаниям провинций.

Ekaterina Simonova-Gudzenko

ABSTRACTS OF FUDOKI OF THE PROVINCES AS A WRITTEN SOURCE OF THE JAPANESE HISTORICAL GEOGRAPHY

This research was conducted on the basis of the text edition NKBT in which fragments of fudoki of 47 provinces and not included in the main text of the remaining five kofudoki and abstracts that do not belong to a particular province are gathered. In the whole there are 188 fragments of 47 provincial descriptions and 5 abstracts which are not linked to a particular province. We defined 2 research directions: formal, quantitative analysis of the fragments, and the study of written sources, in which they are preserved. The greatest number of remained abstracts depict provinces, located in the central, south-west and the east areas of the archipelago, in the places of the earliest colonization and development. Fragments are found in more than 50 written sources from the "Honchogatsurei" (10 c.) to "Itsu no chiwaki" (1844). More than the half of them (100) is found in three sources: "Man'yoshu chushaku" (1269), "Chiribukuro" (1264-1288), "Shaku Nihongi" (1300). These seemed to indicate the revival of interest in the geographic descriptions of provinces in the second half of the XIII century.

МИФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ НИСИКАВА ДЗЁКЭН (1648–1724)

Западные географические представления начинают проникать в Японию в XVI в., с первым знакомством с европейцами. Это значительно расширяет кругозор жителей страны, до недавнего времени имевших информацию только о существовании государств Восточной Азии, а также об Индии, родине буддийского учения. Помимо устных сведений, сравнительно рано в Японии получают распространение европейские географические карты и их копии. Очевидно, рано получают хождение на территории архипелага сочинения отцов-иезуитов, проповедовавших в Китае, таких как Маттео Риччи (1552–1610), Джулио Аллени (1582–1649) и др. Считается, что карты Риччи стали завозить в Японию спустя всего несколько лет после публикации в Китае. Влияние Маттео Риччи было решающим: именно из его работ японцы заимствовали представления о существовании 5 континентов и трех климатических поясов¹. Аллени прибыл в Китай позже Риччи и также оказал значительное влияние на развитие японской географии. В 1623 г. он опубликовал пятитомное издание, посвященное географии мира, в котором, помимо семи карт, содержалось словесное описание каждой из стран². Однако первые сочинения, написанные собственно японскими авторами и посвященные мировой географии, появляются с опозданием почти на сто лет³.

¹ Wallis H. The Influence of Father Ricci on Far Eastern Cartography // Imago Mundi. Vol. 19 (1965). P. 39.

² *Ayusawa Shintaro*. Geography and Japanese Knowledge of World Geography // Monumenta Nipponica. Tokyo, 1964. V. 19. № 3/4. P. 282.

³ Ayusawa S. Op. cit. P. 281–284.

Одним из первых японских мыслителей, часто обращавшимся в своих сочинениях к мировой географии, является Нисикава Дзёкэн (西川如見, 1648–1724). Работая переводчиком в Нагасаки, он имел возможность познакомиться как с китаеязычными сочинениями европейцев⁴, так и получать знания в ходе непосредственных контактов с иностранцами, прибывавшими в этот порт. Одним из основных источников по мировой географии для него служили сочинения Маттео Риччи и его карты. В частности, на примере этой карты (рис. 1) Риччи заметно, что Дзёкэн ее использовал (рис. 2): совпадают очертания континентов, в особенности Африки и «Южного материка» (см. ниже). Новая Гвинея, обозначенная на карте Риччи как полуостров последнего, изображена в качестве полуострова и на карте Нисикава, причем напоминает ее и характерной «квадратной» формой.

Нисикава Дзёкэн оставил после себя значительный корпус текстов, многие из которых содержат сведения, полученные от европейцев⁵. Перечислим основные работы Дзёкэн, касающиеся географии: «Нихон суйдо ко:» (日本水土考, «Рассуждения о водах и землях Японии»), «Суйдо кайбэн» (水土解弁, «Разъяснение по поводу свойств вод и земель»), «Каи цу:сё: ко:» (華夷通商考, «Рассуждения о торговле с Китаем и варварами»), «Дзо:хо: каи цу:сё: ко:» (增補華夷通商考、«Дополненные рассуждения о торговле с Китаем и варварами»), «Кайи бэндан» (怪異弁断, «Повествование об удивительных явлениях»), «Сидзю:никоку дзимбуцу дзусэцу», (四十二国人物図説, «Иллюстрированное описание народов сорока двух стран»), «Тэйсэй сидзю:никоку дзимбуцу дзусэцу» (訂正四十二国人物図説, «Исправленное иллюстрированное описание народов сорока двух стран»). Последние два сочинения интересны, в первую очередь, своими иллюстрациями: изображениями представителей тех народов, которые упоминаются в «Каи цу:сё: ко:» и его дополненной версии.

Тексты эти содержат исключительно обширные сведения — очевидно, Нисикава стремился включить в свои сочинения все данные, которыми располагал, комбинируя информацию, восходящую к разным источникам. Наиболее подробно и почти без искажений изображены Китай, Корея, страны Юго-восточной Азии, а также Нидерланды и Великобритания, что вполне закономерно. Их описание вместе занимает половину сочинения, при этом часть, посвященная

⁴ Маттео Риччи и другие иезуиты составляли свои сочинения на классическом китайском языке, или их сочинения переводили на китайский язык.

⁵ В частности, большое значение имеют его тексты по астрономии, основанные на европейских данных. Кроме того, большой известностью пользовались сочинения Нисикава на общественно-политические темы.

Раздел 2. Японоведение

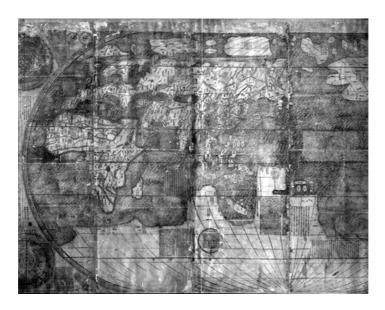

Рис. 1. Маттео Риччи. Карта мира

Китаю, — более трети всего текста «Дзо:хо: каи цу:сё: ко:». По сравнению с описанием этих стран часть текста, отведенная некоторым другим странам, ничтожно мала: например, разделы «Бразилия» или «Дания», занимают по полторы-две строки⁶. Даже изображения тех народов, которые Нисикава мог наблюдать в Нагасаки, более реалистичны. На цветных иллюстрациях приведены изображения жителей Кореи и Голландии (см. цв. вкл., ил. 3, 4). Это изображения лишь частично принадлежат Дзёкэн. У Дзёкэн в «Описании народов сорока двух стран» они были черно-белыми, а раскрасил их почти через 100 лет Ямамура Сайсукэ (山村 才助, 1770–1807).

Несмотря на стремление автора к максимально возможной полноте описания и объективности, географические труды Нисикава содержат ряд неточностей, а также мифические элементы: описания несуществующих географических объектов, либо придание реальным географическим объектам вымышленных черт. Эти мифические элементы различны по своему происхождению, среди них есть как заимствованные из европейских источников, так и те, что существовали еще до появления европейских сведений о мировой географии,

 $^{^6}$ *Нисикава Дзёкэн.* Нихон суйдо ко:, Суйдо кайбэн, Дзо:хо: каи цу:сё: ко:. Токио: Иванами сётэн, 1988. С. 153–155.

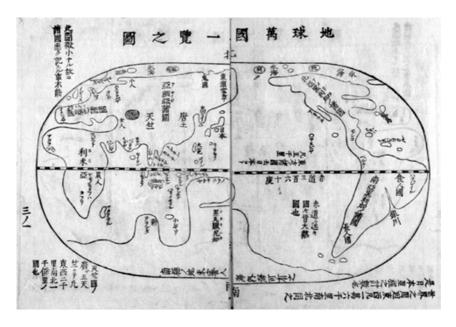

Рис. 2. Нисикава Дзёкэн. Карта мира (из приложения к «Дзо:хо: каи цу:сё: ко:»). 1709. Библиотека университета Васэда

многие также являются результатом синтеза европейской и дальневосточной мифической географии, а иногда воображения самого Нисикава Дзёкэн.

Самым крупным полумифическим географическим объектом, который упоминает и изображает на своих картах Дзёкэн, является Южный материк (Южная земля, или Магелланика, или в японском произношении Мэгараника, 黒瓦ら尼加). Краткое описание Магелланики содержится в «Дзо:хо каи цу:сё: ко:», также она упоминается в «Нихон суйдо ко:» как один из континентов. Очевидно, этот мифический континент был заимствован Дзёкэн из европейских представлений. До открытия Антарктиды, подробного исследования Австралии и Новой Гвинеи и Новой Зеландии его изображали в южном полушарии, полагая, что все открытые там земли являются его частями. При этом сведения Дзёкэн отстают от европейских на сто лет. Он пользовался работами Риччи, где Новая Гвинея изображалась как полуостров Магелланики, тогда как в начале XVII в. уже был открыт пролив Торреса и установлено, что Новая Гвинея остров. Более поздние карты иезуитов, живших в Китае, уже отображают эти новые сведения. Представления о существовании на Юге

крупного массива обитаемой земли восходят еще к античной географической мысли, для которой было характерно представление о «симметричности» мира, и логика требовала предположить, что если ойкумена располагается на севере, то и на юге должна быть аналогичная ей обитаемая земля. Кроме картографических изображений, заимствованных из работ Риччи и их копий, Дзёкэн приводит чрезвычайно мало сведений об этом материке, упоминая лишь, что он расположен далеко, но голландцам приходилось бывать там.

Кроме континента Магелланика, сочинения Нисикава содержат описания других, более мелких мифических объектов. Японские представления о внешнем мире находились под влиянием китайской геомодели, которая начиная с «Шань хай цзин», помещала на «периферии» мира варварские народы, сведения о многих из которых были вымышленными. При этом народы эти, как правило, жили за морем⁷. После «Шань хай цзин» энциклопедии с описаниями диковинных народов продолжали создаваться в Китае и в XVII в. Они были известны и в Японии, и на их основе японцы создавали собственные аналогичные сочинения (в частности «Вакан сансай дзуэ» Тэрасимы Рёана, современника Дзёкэна⁸), и Нисикава Дзёкэн находился если не под прямым, то по крайней мере под косвенным влиянием такой картины мира. Приведем несколько примеров несуществующих стран и географических объектов, упоминаемых в его сочинениях:

• «Остров демонов» (鬼島, они-га сима), который Дзёкэн помещает в Атлантическом океане, появляется в «Рассуждениях о свойствах вод и земель» и в «Рассуждениях о торговле с Китаем и варварами». Идея существования такого острова для японской модели мира была не нова — Остров демонов, в частности, упоминается в «Повести о доме Тайра». Однако в сочинениях Нисикава остров упоминается не только с целью развлечь читателя. В рамках геомодели Дзёкэн данный географический объект несет важную функцию. Будучи расположенным к северовостоку от Американского континента, на противоположной стороне Земного шара по отношению к Японии, этот остров, таким образом, является, с точки зрения геомантии, антагонистом Японского архипелага — тоже островами, но расположенными к северо-востоку от Азии. Если в Японии благодаря удачному расположению в фазе молодой энергии ян сконцентрированы

⁸ Sato Masayuki. Op. cit. P. 128.

⁷ Sato Masayuki. Imagined Peripheries: The World and its Peoples in Japanese Cartographic Imagination // Diogenes. Vol. 44. № 173. Paris, 1996 (spring). P. 121–122.

добродетель и божества, то на Острове (или островах) демонов живут исключительно черти (*они*), климат, в отличие от Японии, неблагоприятен для человека, и в районе этого острова постоянно бушуют штормы, затрудняющие проход кораблей. Кроме Острова демонов, Нисикава упоминает еще о Стране демонов, которая располагается якобы на севере Азии. Это представление уже определенно восходит к данным Маттео Риччи, который там же помещал эту страну⁹.

- «Страна людоедов» (食人国). Ее Нисикава помещает в Южной Америке, к сожалению, она только обозначена на карте и описание ее отсутствует в географических текстах Дзёкэн.
- «Страна амазонок» (重媽作搦, Амасании). Эту страну Нисикава располагает на восточном побережье Средиземного моря. Представление о ней было заимствовано у Джулио Аллени¹⁰, трудами которого также пользовался Дзёкэн. При этом описание в тексте «Дзо:хо каи цу:сё: ко:» напоминает античные мифы¹¹: «Народ этой страны полностью составляют женщины. Они сильны, как мужчины, и прекрасно сражаются» ¹². В частности, способ «воспроизводства» этого общества: «По законам этой страны, [амазонки] в весенние месяцы приглашают к себе юношей. Когда рождаются дети, то мальчиков убивают» ¹³.
- «Страна карликов» (小人国, кобито-но куни) и «Страна великанов» (長人国, или チイカ), расположенные на севере Европы и Азии соответственно. На рис. 3 приведены изображения народов этих стран.

Это единственные изображения мифических народов, которые можно встретить в трудах Нисикава Дзёкэн. «Страна великанов» также присутствует в сочинениях Аллени, правда, он помещал ее в Южной Америке. Относительно «Страны великанов» сообщается, что в Нагасаки живет человек, в молодые годы оказавшийся там. После высадки на берег великаны преследовали его, стреляя из луков, и ему пришлось спасаться бегством¹⁴. Люди в Стране карликов якобы ростом около двух *сяку* (60 см), при этом мужчины и женщины

⁹ Sato Masayuki. Op. cit. P. 130.

¹⁰ Там же

¹¹ Античные представления об амазонках см.: *Скрипник Т. А.* Амазонки в античной традиции // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1988. Вып. 5. С. 29–39; Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991. С. 63–64.

¹² Нисикава. Указ. соч. С. 172.

¹³ Там же

¹⁴ Нисикава. Указ. соч. С. 186.

 $Puc\ 3$. Нисикава Дзёкэн, Ямамура Сайсукэ Тэйсэй сидзю:ни коку дзимбуцу дзуэ, 1801 г. Изображение великана и карликов

не отличаются друг от друга своим обликом. В этой стране живет множество оленей, и карлики ездят на них, как на лошадях 15 .

- «Холодные северные земли», где царит вечная ночь представления, основанные, очевидно, на знаниях о таком явлении, как полярная ночь. Этот объект встречается и на других картах периода Эдо, например «Банкоку со:кайдзу» 万国総界図 («Карта всех стран мира»), которая была создана примерно в то же время, что и «Дзо:хо каи цу:сё: ко:».
- Гора Атара (亜大臘山), которая является высочайшей в мире.
 Название, возможно, происходит от «Арарат» и восходит к библейским представлениям.

Следует отметить, что у разных авторов того времени существуют расхождения в том, где какой из мифических объектов следовало располагать, однако серьезных противоречий в картине мира это, судя по всему, не вызывало. Например, на карте Китая «Тю:ка кокин бункоку тайсэйдзу» (中華古今分国大成図) земли карликов и амазонок располагаются рядом друг с другом и на северной

¹⁵ *Нисикава*. Указ. соч. С. 186.

периферии мира. На рис. 4 и 5 приведена карта полностью и соответствующий фрагмент.

Можно выделить другую группу мифических сведений: гротескные, не соответствующие реальности элементы в описаниях реальных объектов. Приведем некоторые примеры: по поводу Московии ($\triangle \angle D \land \forall$) сообщается, что это «большая холодная страна к востоку от Голландии. Ночи там длинны, а дни коротки, и все вещи находятся там в большом количестве», а также что «по законам этой страны только государь изучает науки, [подданным] от министров и ниже учиться запрещено» 16 .

О жителях Абиссинии ($\mathcal{T} \vdash \mathcal{V} \vee \mathcal{I}$) сообщается, что они якобы едят только по ночам. Последнее представление, скорее всего, восходит к тому факту, что мусульмане воздерживаются от пищи в светлое время суток во время поста.

В Гоа ($\vec{\exists} \mathcal{I}$, $\vec{\exists} \hat{\mathcal{I}}$) «обыкновенно дождь не идет, погода ясная, дождь случается один раз в пятьдесят шесть лет», что явно не соответствует реальному климату региона¹⁷.

Раздел, посвященный Аравии ($\mathcal{T}\mathcal{P}\mathcal{P}$), содержит описание птицы феникс, которая живет по 500 лет и перед смертью обязательно рождает новую птицу, удаляясь для этого на необитаемый остров¹⁸.

Кроме того, описание некоторых земель является собирательным и объединяет несколько стран. Например, упоминается некая страна «Кафури» (カフリ), название которой, скорее всего происходит от слова «кафры», которое португальцы, а затем голландцы широко применяли для обозначения населения черной Африки. Сам термин восходит к арабскому «кафир» («неверные») 19. И действительно, описание вполне соответствует: «Это большая страна, расположенная к юго-западу от Индии. Государя в этой стране нет. Однако в каждой местности есть свои вожди. Эта страна чрезвычайно жаркая, и люди ее ... черным цветом [кожи] напоминают лак... Голландцы и люди из других стран закупают невольников из этой земли и издавна используют их в качестве рабов» 20. Упоминается также обычай каннибализма, распространенный в этой стране. Очевидно, Дзёкэн самому приходилось видеть «кафров»: «Голландцы привозили их в Нагасаки. Они высоки ростом, крепкого телосложения и очень

¹⁶ Там же. С. 156.

¹⁷ Нисикава. Указ. соч. С. 159.

¹⁸ Там же. С. 172.

¹⁹ О термине «кафры» см: http://ru.wikipedia.org/wiki/Кафр.

²⁰ Нисикава. Указ. соч. С. 161.

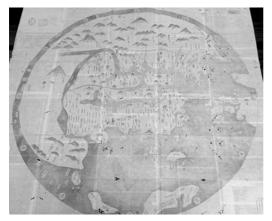

Рис. 4. Тю:ка кокин бункоку тайсэйдзу (Большая карта Китая и старых и новых стран). 1728. Автор неизвестен. Музей Киотоского университета, картографический каталог, № 37

Рис. 5. Тю:ка кокин бункоку тайсэйдзу (Большая карта Китая и старых и новых стран). 1728. Фрагмент. Автор неизвестен. Музей Киотоского университета, картографический каталог, № 37

сильны. Головы и волосы у них черны, а зубы белы. Из-за черного цвета [кожи] их называют "черноголовыми"»²¹.

Описание мифических объектов исключительно интересно с точки зрения первоисточника ложных представлений. Некоторые мифологические элементы в сочинениях Нисикава Дзёкэн восходят

²¹ Там же.

²² Там же. С. 154.

²³ Там же. С. 176. Во времена Нисикава Дзёкэн словарей голландского языка еще не существовало, знание было только устным. См.: *Vos F*. Dutch influences on Japanese language // Lingva. 12. Amsterdam: North Holland Publishing Co., 1963. Р. 346. С этим связаны многочисленные искажения и неточности в транслитерации географических названий.

исключительно к представлениям Античности, причем как к мифическим, так и протонаучным. Миф о стране амазонок в том варианте, в котором он изложен у Дзёкэн, определенно является пересказом античного мифа. Протонаучные географические представления Греции легли в основу легенды о Южном материке. Другая часть мифических объектов, заимствованных из европейской традиции, восходит к Библии: к примеру, гора Атара (Арарат). Некоторые из описаний вымышленных народов, заимствованные у европейцев, например великанов и карликов, наложились на уже существующие к тому времени в японской культуре представления. Это же относится, очевидно, к Острову демонов, который упоминается в японской литературе со Средних веков, однако под действием западных знаний был помещен в определенную географическую точку (в районе Карибского моря). Кроме того, в описаниях стран мира присутствуют элементы китайской геомантии и буддийских мифов, вошедшие в состав японских представлений о внешнем мире. Таким образом, труды Нисикава Дзёкэн представляют собой интересный синтез не только естественнонаучных представлений Запада и Дальнего Востока, но и мифологических представлений разных народов Евразии, которые были неотъемлемой частью интеллектуальной традиции XVII–XVIII вв. Если в случае с точными географическими данными, поскольку они в принципе универсальны, не всегда бывает возможным проследить их происхождение, то на примере заблуждений и представлений, не соответствующих действительности, можно легко наблюдать, сколько различных по происхождению элементов включала синтетическая картина мира на рубеже XVII-XVIII вв.

Anna Novikova

MYTHIC ELEMENTS IN NISHIKAWA JOKEN'S GEOGRAPHICAL TREATISES

Nishikawa Joken (1648–1724) was the author of a number of treaties dedicated to world geography. Along with exact knowledge, imported from the European science, in his works he mentions non-existing peoples and lands. To the research of the view of the world of Tokugawa Japan, it is most interesting to trace the origins of such information. The imaginary geographical objects represented in Joken's works derive from such various sources as Chinese encyclopedias, European geography, Biblical and Antique myths, which demonstrates the way the synthetic view of the world in the 17–18th century was formed.

К АНАЛИЗУ Н. А. НЕВСКИМ ЯПОНСКОЙ АКЦЕНТНОЙ СИСТЕМЫ

С работой Н. А. Невского «Об ударении в японском языке» читатели альманаха «Петербургское Востоковедение» смогли познакомиться в 1996 г. Написана эта работа была в 30-е годы XX в. и хранилась в Архиве востоковедов в Фонде ее автора¹.

Первый постулат, который приводит Н. А. Невский, описывая японское ударение, связан с тем, что «фактически в яп[онском] яз[ыке] сила слога сопровождает высоту»². Так, в словах hakama (袴) «брюки-юбка в японском национальном костюме» и abuku (泡) «пена», по его мнению, последний слог обычно произносится с несколько большей силой, чем прочие.

Второй постулат Н. А. Невского связан с описанием «высоты и низкости» соответствующих сегментов, что отражает регистровый характер японской акцентуации.

Третий постулат Н. А. Невского заключается в том, что он придерживается трехуровневого описания японского акцента, выделяя нулевой, или средний уровень $(0, \, \, \, \, \, \, \, \, \, \, \, \, \, \, \, \, \, \,)$; низкий уровень (-1) и высокий (+1). В этой связи можно говорить о том, что данная трактовка сближает его точку зрения, с одной стороны, с фонетическим (в узком смысле), а не с фонологическим, или точнее — супраморфонологическим описанием музыкальной акцентуации в современном японском языке и, с другой стороны, близка той точке зрения исследователей японской акцентуации, которая представляется правилом N+1.

Наши взгляды на японское ударение несколько отличаются от взглядов Н. А. Невского. В статье рассматривается так называемое

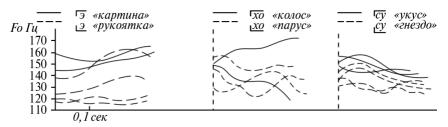
 $^{^{1}}$ *Невский Н. А.* Об ударении в японском языке // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 388–402.

² Там же. С. 388.

правило «N + 1» на примере акцентуации одно- и двуморных слов, согласно которому словам, состоящим из N мор, приписывается N + 1 типов акцентуации. А это значит, что некоторые исследователи признают не только наличие разных регистровых соотношений, которые не являются абсолютными и носят относительный характер, но и их распознаваемость при изолированном произнесении. Ср. ха (葉) «лист» и XA (歯) «зуб», ки (気) «дух» и КИ (木) «дерево», э (柄) «рукоятка» и Э (絵) «картина», хаНА' (апострофом отмечены моры, после которых происходит падение частоты основного тона (ЧОТ) при наличии правого контекста) (花) «цветок» и хаНА (鼻) «нос», хаСИ' (橋) «мост» и хаСИ (端) «край» и т. д. Решить эту проблему помогают и акустические и перцептивные эксперименты. Так, экспериментальные данные К. Сакума (1963), связанные с изучением ЧОТ в одноморных словах, свидетельствуют об отсутствии принципиальных различий в акцентных контурах таких слов. См. рис. 1.

Судя по графикам, приводимым этим автором, одноморные слова типа Э (絵) «картина» несколько чаще имеют более высокую ЧОТ, чем слова типа э (柄) «рукоятка» (конфигурация же мелодической кривой может быть различной как у тех, так и у других). Отсутствие существенных различий в словах обсуждаемого типа в значениях ЧОТ отмечает на основе большого экспериментального материала и М. Сугитоо (1984). К такому же выводу этот автор пришла и относительно двуморных слов с похожими в изолированной позиции контурами, используя эксперимент, основанный на анализе синтезированных стимулов. Аналогичный эксперимент был независимо проведен нами в условиях восприятия естественных стимулов (В. В. Рыбин, 1986). Результаты этих экспериментов в целом идентичны.

Каким же акцентуационным типом обладают **КИ** ($\pm \lambda$ дерево) и **ки** ($\pm \lambda$ дерево) и **ки** ($\pm \lambda$ дерево) и при изолированном произнесении? Мы считаем, что оба они имеют высокий тон, но при присоединении морфем справа одно сохраняет этот регистровый уровень (**КИ-га** дерево им.п.), а другое

Puc. 1. Кривые ЧОТ одноморных слов с различной «этимологической» акцентуацией

утрачивает (**ки-ГА** *дух* им. п.). Ср. с *русск*. вода, но по воду. Другими словами, с точки зрения просодики морфема **КИ** *дерево* является **доминантной** по отношению к морфемам, примыкающим справа, а **ки** ∂yx — **релятивной**.

Как же можно трактовать с функциональной точки зрения реальное различие в парах типа **КИ** (木 дерево) и ки (気 дух)? Можно считать непоследнюю позицию для них — сильной, тогда последняя позиция (перед паузой) является позицией нейтрализации. Существенно, что нейтрализации подвергаются не акцентные контуры, а морфемы: именно морфемное тождество становится неопределенным, что и является основным результатом процесса нейтрализации. Такое соотношение (различие) пар типа **КИ** — ки следует трактовать как морфонологическое: фонологически они тождественны и сегментно и просодически, но с точки зрения просодической морфонологии отличаются, т. к. обладают разными правилами акцентного оформления при сочетании с другими морфемами.

Мы трактуем акцентуацию шире, чем выделение некоего сегмента в составе фонетических слов: акцентный контур в японском выполняет консолидирующую роль на уровне фонетических слов, а также, отчасти, и — делимитативную функцию (начальный переход от низкой моры к высокой). Дистинктивную функцию мы считаем второстепенной. Приведенную выше формулу N+1 можно свести $\kappa N=N$, т. е. у слов, состоящих из N мор, N типов контуров.

По поводу участия интенсивности, сопутствующей якобы регистровым значениям, мы можем утверждать, что этого в экспериментальных исследованиях не обнаруживается.

Интенсивность. Говоря о фонетической природе японского словесного ударения, следует отметить тот факт, что, по мнению некоторых исследователей (Е. Д. Поливанов, Н. А. Невский и другие), ударение в японском языке может характеризоваться также особой интенсивностью наряду с модуляцией голосовой мелодики. Об этом писал и Н. А. Невский. Проблема, видимо, связана с тем, как носители русского языка воспринимают или трактуют некую степень выделенности тех или иных сегментов в других языках. В случае с японским можно предположить, что более высокие мелодически сегменты трактуются и как более интенсивные.

Первым на это указал Е. Д. Поливанов: «В токийском ударение является не только музыкальным, но и музыкально-силовым..., то есть ударенный слог выделяется не только по высоте голосового тона, но и по его силе... В этом отношении токийская акцентуация до известной степени приближается к нашему (русскому) понятию

ударяемости»³. Замечание о русской ударяемости. Важна не интенсивность, а ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ударного сегмента. Это уже давно доказано экспериментально.

Анализ нашего материала показывает, что для слов с акцентным типом **оОО** интенсивность первой моры ниже интенсивности второй и третьей, тогда как пик интенсивности может быть как на первой предударной, так и на самой ударной море, или они могут быть приблизительно равны по интенсивности. В словах с акцентным типом Ооо пик интенсивности может приходиться на ударную мору или 1-я и 2-я моры могут быть приблизительно равны по интенсивности. Кроме того, интенсивность первой заударной моры может быть выше интенсивности ударной, причем интенсивность второй заударной моры ниже двух первых. Наиболее отчетливо проявляется закономерность в распределении динамического компонента в словах с акцентным типом оОо. В словах этого типа пик интенсивности во всех случаях, включенных в нашу программу, приходится на вторую (ударную) мору, независимо от сегментного состава. Наши наблюдения как будто бы подтверждают сделанный ранее вывод Т. М. Гуревич об отсутствии регулярного увеличения интенсивности ударного гласного⁴. Кроме того, наши данные хорошо согласуются с экспериментальными данными М. Сугитоо, полученными для шести трехморных слов (по два на каждый акцентный тип)⁵. См. табл. 1.

Подсчеты, проведенные нами по материалам М. Сугитоо⁶, содержащим более 500 слов с разными акцентными типами, состоящими из двух-пяти мор, показали, что только в 33 % случаев ударная мора обладает большей интенсивностью по сравнению с предударными и заударными. В результате проведенного исследования М. Сугитоо приходит к выводу об отсутствии одно-однозначного соответствия и взаимозависимости между ударностью моры и повышением значения ее интенсивности.

Это также подтверждается экспериментами с синтезированной речью, в которых при сохранении мелодического рисунка стимулов

 $^{^3}$ Плетнер О. В., Поливанов Е. Д. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930. С. 166.

 $^{^4}$ *Гуревич Т. М.* Опыт экспериментально-фонетического исследования словесного ударения в японском языке // Восточное языкознание. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1976. С. 9. С. 3–10.

⁵ 杉藤美代子(Cyzumoo M.)日本語アクセントの研究. 東京, 1984年. 頁64-67.

⁶ 杉藤美代子(Cyzumoo M.)日本語アクセントの研究. 東京, 1984年. 頁73.

менялись другие параметры акцентного контура (в том числе и интенсивность). Результаты перцептивного анализа в таких экспериментах показывают, что эти параметры не оказывают существенного влияния на восприятие словесного ударения⁷.

Следовательно, на основании акустических данных и данных перцептивного анализа можно с большой долей уверенности утверждать, что интенсивность не является существенным компонентом ударения в японском языке.

Длительность. Нами были подсчитаны длительности всех гласных нашей программы, использованной для изучения акцентуации трехморных слов, в зависимости от их позиции по отношению к ударной море и выведены средние значения. Результаты подсчетов приведены в табл. 2—6.

Результаты подсчетов как будто бы не говорят в пользу того, что длительность играет важную роль в качестве компонента ударения

. Таблица 1 Средняя интенсивность гласных в трехморных словах

Слова и их акцентные типы	Средняя интенсивность 1-го гласного	Средняя интенсивность 2-го гласного	Средняя интенсивность 3-го гласного
Ютака (豊か)	13,5	40	15,5
НАсакэ (情け)	13,5	38	14,5
аНАта (貴方)	24	30,5	25,5
oMOтя (玩具)	16,0	37	28,5
дзиКАН (時間)	6,5	34	24,5
иКЎСА (戦)	7,5	0	37

Таблица 2

Средняя длительность гласной /а/ в трехморных словах в зависимости от позиции в слове и акцентного типа слов, в мс

Тип акцентного контура слова	в 1-й море	во 2-й море	в 3-й море
Ooo	93	125	132
oOo	108	130	115
000	77	115	140

⁷藤崎博也、杉藤美代子(Φyдзисаки X., Сугитоо M.)音声の物理的性質 // 岩波講座。日本語。5. 音韻. 東京, 1977年. 頁 97.

Таблица 3 Средняя длительность гласной /i/ в трехморных словах в зависимости от позиции в слове и акцентного типа слов, в мс

Тип акцентного контура слова	в 1-й море	во 2-й море	в 3-й море
Ooo	90	107	125
oOo	60	100	113
oOO	90	97	115

Таблица 4 Средняя длительность гласной /u/ в трехморных словах в зависимости от позиции в слове и акцентного типа слов, в мс

Тип акцентного контура слова	в 1-й море	во 2-й море	в 3-й море
Ooo	80	120	129
oOo	110	170	105
000	94	102	135

Таблица 5 Средняя длительность гласной /e/ в трехморных словах в зависимости от позиции в слове и акцентного типа слов, в мс

Тип акцентного контура слова	в 1-й море	во 2-й море	в 3-й море
Ooo	81	127	130
oOo	65	120	160
oOO	100	113	153

Таблица 6 Средняя длительность гласной /o/ в трехморных словах в зависимости от позиции в слове и акцентного типа слов, в мс

Тип акцентного контура слова	в 1-й море	во 2-й море	в 3-й море
O00	74	113	135
oOo	65	145	120
000	62	137	145

в японском языке. Исключения, пожалуй, составляют ударные /a/, /u/ и /o/ в словах с акцентным типом оОо, где они имеют большую длительность по сравнению с предударными и заударными гласными.

С другой стороны, во всех остальных случаях явно просматривается тенденция к увеличению времени звучания гласных к концу слова, что, вероятно, является проявлением определенной лингвистической универсалии, которая выражается в том, что «просодическая длительность имеет тенденцию увеличиваться к концу речевой единицы»⁸. Во всяком случае, на материале японского языка вряд ли можно говорить о регулярной выделенности ударной моры и по высоте (мелодически), и по длительности (темпорально). Ср. два примера из обсуждавшейся выше нашей программы, имеющих одинаковый гласный во всех трех морах при одинаковом в обоих случаях консонантном окружении КОгото (戸毎) «каждый дом» и ко-ГОТО (小言) «выговор, упрек». В первом случае гласные имеют следующие длительности: $O^1 - 60$ мс, $O^2 - 90$ мс, $O^3 - 130$ мс; во втором: O¹ — 60 мс, O² — 110 мс, O³ — 150 мс. Из данного сравнения ясно видно, что длительности О¹ и в том, и в другом случае совпадают, хотя одно из них ударное, а другое предударное. В этом случае хорошо также прослеживается тенденция к возрастанию длительности гласных к концу фонетического слова.

Основной вывод из всего сказанного, сводится к тому, что японское музыкальное ударение имеет регистровый характер, основным коррелятом которого является значение частоты основного тона. Одноморно-односложные слова с одинаковым сегментным составом, как и подобные же слова из двух кратких слогов, типа хаНА' («цветок») и хаНА («нос»), являются полными омонимами в изолированной позиции, хотя, попадая в соответствующее контекстное окружение получают разное акцентное оформление. Ср. хаНА-га («цветок» им. п.) и хаНА-ГА («нос» им. п.).

Victor Rybin

ON N. A. NEVSKY'S INTERPRETATION OF JAPANESE ACCENT

The article deals with pitch-accent in modern Japanese. Some researchers in the beginning of the XXth century like E. D. Polivanov, O. V. Pletner including N. A. Nevsky considered that not only the melody is a crucial element of Japanese accentuation. Materials of M. Sugito, and the article author's experimental data presented here prove that neither duration, nor intensity of sounds influence the formation of word accent in Japanese; essential factor is melody configuration.

⁸ Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982. С. 67.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА АЙНОВ

Tangiku Itsuji (丹菊逸治)

AINU FOLKLORE STUDIES TODAY AND NIKOLAI NEVSKII

Preface

How important are Nikolai Nevskii's works for today's studies of Ainu Folklore? I would like to point out several things from three view points, 1) his advance based on wide perspective; 2) importance of his materials; 3) significance of his study: can we learn something from his old works now?

1) His advance based on wide perspective

Nevskii recorded Ainu folklore texts by himself, not Japanese texts but Ainu texts, though Ainu people at that time already used Japanese language in their daily life. His knowledge of Ainu language made it possible for him to study Ainu rhetoric, stylistic and songs. His studies — especially song studies — were supposed to be quite excellent ones compared with those by Kindaichi Kyosuke (1882–1971) who was his Ainu language teacher.

He was not merely a follower of J. Batchelor and B. Pilsudski. His studies always had strong tendencies to describe overviews. When he started his study of Ainu folklore, he prepared many texts of many genres. He attached importance to relations between styles and stories, styles and genres. After his death, Ainu rhetoric and stylistic study became a part of linguistic studies and folklorists in Japan stopped thinking about it.

Nevskii was a forefront folklorist in his time and his point of view was almost the same to today's researchers. His research covered all over Japanese archipelago, from Hokkaido to Okinawa, and other south islands. Even now, very few Japanese folklorists turn their interests on Ainu. They have been not good at "multi national" studies. Before the World War II, Japanese folklore studies had failed to include Korean, Chinese and Ainu

folklore. After the World War II, they lost Korea and Manchuria, and they stopped thinking about them. And in the same time, they lost interest for Ainu folklore.

Nowadays after a long sleep (Ainu and Japanese) folklorists (re)started "multi national" (or cross-ethnic-border) studies in some fields; rituals, material culture and folk stories, etc. For example, some researchers have just (re)started a co-operative research on wooden figures of several ethnic groups including Ainu. Nevskii's study of Oshirasama was the first attempt to compare Ainu and Japanese wooden figures (wooden idols). His letters about it were published in 1971. His study of Oshirasama intended to investigate the origin of those wooden figures, but his point of view was not limited on the origin of them. He recommended Lev Shternberg's study of *inaw*. *Inaws* are ritual wooden sticks which Ainu people offer to great spirits. Shternberg's study showed that those ritual sticks were used among several peoples: Ainu, Nivkh, Tungusics. Those three languages were originally (genetically) unrelated each other. Genetic relation is not the most important point. Precise description itself is important. In Nevskii's Oshirasama study too, the investigation of its origin was only a part, only a possibility though he himself was interested in its origin. Not only his Oshirasama study, his researches always covered rather wider area just like Shternberg's study. As for his study of Japanese folklore, he studied "from Ainu to Okinawa" and he expected to find some traces of common origin of ethnic groups of Japanese archipelago, but he did not have any strong preconceptions about that. He always started from the data without preconceptions. Data in studies of un-material folklore are languages. He learned languages, recorded texts, compared and analyzed them.

2) Importance of his materials: Ainu folklore texts recorded by Nevskii

We know that he recorded at least about 30 Ainu folklore texts. He recorded many genres of texts, but he especially attached importance on *Menoko-yukar* ("women's epic"). Other than him, Kubodera Itsuhiko (1902–1971) recorded many texts of this genre, but there have been very few studies about it. *Menoko-yukar* is a neutral, ambiguous sub-genre between two big genres; *Kamuy-yukar* ("great spirit's song") and *Yukar* (epic song). But this genre is not merely a temporal genre. In the eastern part of Hokkaido, *Kamuy-yukar* is called *Macukar* ("woman's epic"). It suggests that this kind of sub-genre had had certain stability.

His "Upaskuma" (legend) texts are also important. "Upaskuma" is not a solid genre. Any stories could be called "upaskuma" if they includes

references about origins of something. Sometimes those texts have unique features.

His texts are one of the oldest collections. The comparative study of them with their contemporary texts recorded by Kindaichi Kyosuke, Chiri Yukie (1903–1922) and of Kubodera Itsuhiko has not been finished. Some of them were recorded by the same storytellers. It is an important study to be done.

Nevskii (1972) contains 21 texts in Ainu language. They are important materials for linguistic research too. In Japan, there are thousands of texts, but sometimes they were written in Japanese *kana* characters. We can reconstruct by comparing texts by these two different characters. Nevskii wrote that he was not finished analyzing Ainu phonetic system when he recorded the texts. It is rather useful for us because we could suppose the sound he heard, not only phonemes he determined.

For example, Nevskii wrote *korŏ* for the Ainu verb "have". From this writing, we could suppose two things.

First, we can suppose his being aware of "R-ending". We know that this verb does not have the last vowel "o" and we write *kor*. He wrote "o" at the end with a mark shortening the vowel. At that time, Kindaichi and Batchelor thought that Ainu language doesn't have R-ending syllables, so they always write unnecessary vowels after R. Pilsudski was a very careful linguist and published Ainu texts with narrow transcriptions which show the sound in fact, but unfortunately, he studied Sakhalin dialect and it really doesn't have R-endings. So nobody in the world was aware of R-ending of Hokkaido dialect of Ainu language. Nevskii's writing shows a possibility that he was aware of the R-ending syllables in 1921, a year before a famous young Ainu storyteller Chiri Yukie taught Kindaichi that Ainu language had R-ending in 1922.

Second, we can suppose how the text was sung. Some of the texts were songs ("*Kamuy-yukar*" or "*Menoko-yukar*"). When singing those songs, singers often pronounce R-endings with vowels in fact. For example, /koro/ or /korō/, not /kor/ nor /korŏ/. You can clearly hear the attached vowels. Problem is that researchers today may write *kor* even if they hear /koro/, so readers cannot know how they were pronounced in fact. Nevskii's writing *korŏ* shows that it was really pronounced / korŏ/.

3) Significance of his study: can we learn something from his 77 years old work?

Nevskii did not leave us many writing works, but not only his Ainu texts but his studies themselves are important even today. He wrote

several important things on Ainu folklore. I would like to refer two points he wrote about Ainu songs.

Study of Ainu traditional songs has not progressed very much these several tens of years. We have some recordings and texts of songs, but we don't know much about functions of songs nor forms of songs.

Nevskii wrote Ainu texts correctly. It was possible for him to analyze the form of texts, and surely he started rhetoric, stylistic, and poetic studies. It is a pity that he did not write many things about them. He wrote important things in the short commentary of Ainu folklore genres in Nevskii (1935). He wrote that melodies of "Kamuy-yukar"s differ from person to person, but melodies of "Oyna"s (a hero-god's epic song) are the same. (Исполнительницами этого цикла сказаний обычно бывают женщины, причем напев в большинстве случаев за такой "божьей песней" не закреплен и каждая исполнительница поет на свой лад.)

He used an Ainu word "sa" when he referred to melodies of Ainu songs, just like Kindaichi and Pilsudski. "Sa" is an important concept of Ainu traditional music.

Ainu traditional music is different from European, or Japanese ones. In Ainu music, melody itself is not very important. Scales are not fixed when you sing together. As in music of other cultures, you can divide an Ainu song into notes, into sounds according to pitch. So when written on musical pieces, an Ainu song consists of many notes, many sounds. But the melody of a song is not fixed. Every sound of the song can be changed within a certain range. In old times traditional singers might have distinguished only relative "high/low" tone compared to preceding sounds. In this way, melodies are not very important. On the contrary, tremolo, vibrato and throat closing are as important features as high/low tones. An Ainu song (or a music piece) is an arrangement of those elements (tremolo, vibrato, throat closing, high tone, low tone). In other words, rhythm is the most important thing in Ainu music. It is meaningless to separate the melody of a song and regard it to be a special feature of the song.

Kindaichi and other researchers wrote that every singer had his/her own individual unique arrangement of those musical elements. They also wrote that it was called "sa" ("knot" or "tune") and traditional short songs and "Yukar" (epic song) were sung with those individual "sa"

But Nevskii pointed out that "Kamuy-yukar"s were sung with individual "sa" and "Oyna"s were sung with the same "sa".

This is an important observation on "Kamuy-yukar" and "Oyna". This may sound curious to today's researchers. Every "Kamuy-yukar" has unique and fixed melody today. And on the contrary "Oyna"s are thought

to be sung just like "Yukar". In other words "Oyna"s are thought to have different melodies by individual.

What does this difference mean? Was Nevskii's observation wrong? Or styles of Ainu songs have changed?

As for "Kamuy-yukar", it may be rather new style to fix melodies of "Kamuy-yukar"s. In fact, there are some old recordings of the same "Kamuy-yukar" sung with different melodies. Researchers must analyze old recordings again. As for "Oyna", we have no answer now. In fact, we know really very little about "sa" of each genre. Nevskii must have known something we do not know now.

Тангику Ицудзи

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АЙНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

В статье резюмируются заслуги Н. А. Невского в исследовании айнского фольклора. Автор пытается по-новому взглянуть на записи айнского фольклора, сделанные Н. А. Невским в начале XX в., и выяснить, чем они могут быть полезны для исследователей сегодня.

РУКОПИСЬ «ДЕЛО О ПОВТОРНОМ РАЗБОЕ РУССКИХ НА [ЗЕМЛЯХ] ЭДЗО» 「魯人再掠蝦夷」 (РОДЗИН САЙРЯКУ ЭДЗО)

Настоящая рукопись хранится в Историографическом институте Токийского университета (東京大学史料編纂所 То:кё: дайгаку сирё: хэнсандзё) под шифром 公文部・九函・弟八四號 (курсивом выделены знаки, написанные рукой) (см. рис. 1-4). Она поступила из министерства иностранных дел Японии, о чем свидетельствует первоначальный шифр ведомства 外 249 (иероглиф 外 сокращение от 外務省 — <u>гаймусё:</u>, министерство <u>иностранных</u> дел), и состоит из пяти сшитых тетрадей. На последней странице первой тетради сделана помета Накамура Харуюки 中枢治之, чиновником архива названного министерства, что манускрипт из пяти тетрадей получен в 7-ю луну 17-го года эры Мэйдзи (июль 1877 г.) от Накагава Ёситада 中川義忠, потомка Хакодатэ-бугё: 函館奉行. Должность губернаторов Хакодатэ официально была введена военным правительством 幕府) в 1802 г., чтобы противостоять продвижению русских на юг. Особенность чиновничьего аппарата сёгуната Токугава состоит в том, что на эту должность одновременно назначалось, по крайней мере, два человека, а бывало и три, и четыре.

Губернатор Накагава переписывал для себя все официальные распоряжения центрального правительства, документы, имеющие непосредственное отношение к его служебным обязанностям, в эти тетради. Написаны они скорописью, камбуном 漢文, изредка на бунготай 文語体. Этот письменный источник еще не опубликован. Бумага источена жучком. Честь дешифровки рукописи принадлежит почетному профессору Токийского университета Фудзита Сатору 藤田覚 (1946—). Описываются события, имеющие отношение к российскояпонским отношениям за пять лет: с 1807 по 1812 г. (с 4-го года эры

Рис. 1. Рукопись «Дело о повторном разбое русских на [землях] Эдзо». Обложка

Бунка по 9-й год той же эры 文化自四年文化至九年). Цифровую копию рукописи Институт восточных рукописей РАН получил от Историографического института Токийского университета в обмен на цифровую копию конторских книг по торговле между японцами и айну, жившими в южной части острова Сахалин, хранящихся в ИВР РАН. Эти два письменных источника относятся к одному и тому же времени, в определенной мере дополняют друг друга и представляют значительный научный интерес.

Тетрадь первая начинается с «Послания чужестранцам» и изложения содержания данного разрешения русским на заход судна в порт Нагасаки с пометкой, что «повеление передано в ответ на послание

от дома Мацумаэ». Иными словами, повествование начинается с «5-го года эры Кансэй 寬政, года быка и младшего брата воды (мидзуното уси), 6-й луны 27-го дня (3 августа 1793 г. по григорианскому календарю)». Важным подспорьем при изучении данных тетрадей является другой письменный источник по внешним связям «Цу:ко: итиран» 「通航一覧」 «Обзор морского судоходства», составленный по повелению военного правительства в последние годы правления сёгунов из дома Токугава. В 347 тетрадях была собрана вся информация о письменно зафиксированных контактах с иностранцами с 1566 г. по 1825 г. В 1967 г. «Цу:ко: итиран» был издан в 8 томах.

Рукопись интересна тем, что в ней содержится ценная информация о русско-японских отношениях начала XIX в. Приведем перевод начала первой тетради, где речь идет о миссии Лаксмана, а затем о действиях Хвостова и Давыдова после визита Н. Резанова в Нагасаки

ДЕЛО О ПОВТОРНОМ ВТОРЖЕНИИ РУССКИХ НА [ЗЕМЛИ] ЭДЗО.

С 4-го года до 9-го года эры Бунка. Тетрадь первая. 魯人再掠蝦夷 文化自四年至九年 一1

Бунка 4-й год, год зайца²

Дело о русских разбойниках 魯西悪人一件³

5-й год эры Кансэй⁴, год быка и младшего брата (мидзуно уси), 6-я луна Послание чужестранцам Разрешение на заход судна в порт Нагасаки⁵ Повеление передано в ответ на послание от дома Мацумаэ⁶

Если прибудет на японскую землю корабль чужеземного государства, с которым никогда прежде не было отношений, то по закону Японии, существующему с древних времен, и ныне этим установлениям мы следуем, должны [его] либо захватить, либо изгнать в море. И пусть даже [на нем] доставили японцев, потерпевших кораблекрушение, за исключением порта Нагасаки, нельзя им сходить на берег, а также если окажутся [на японской земле] чужестранцы, потерпевшие кораблекрушение, и даже если с этим государством поддерживались отношения с прежних времен, но вернуть их на родину можно только голландским

 $^{^1}$ Заголовок написан сверху вниз на бумаге, которая наклеена на титульном листе тетради в верхней части слева. Эра годов Бунка начинается 11 февраля 1804 г. и заканчивается 22 апреля 1818 г. 4-й год эры Бунка — 1807 г. 9-й год той же эры — 1812 г.

² Дата написана на следующей странице. На этой же странице читается зачеркнутое автором предложение: «С 4-го года эры Бунка до 9 года той же эры, года обезьяны 文 化四年自同九申年». На этой же странице в нижнем левом углу написано три иероглифа: «中川控»— «Копию составил для себя Накагава». Иероглиф 控 (хикаэ) написан в упрощенном варианте.

³ Этот подзаголовок написан на следующей странице.

 $^{^4}$ Эра годов Кансэй 寛政 приходится на период с 25 января 1789 г. до 5 февраля 1801 г. 5-й год эры Кансэй — 1793 г.

⁵Подобные разрешения японские власти заблаговременно начали выдавать китайским судам на заход в порт Нагасаки в 1715 г. Военное правительство по рекомендации Араи Хакусэки 新井白石 (1657–1725) издало указ в 1715 г., стремясь взять под жесткий контроль внешнюю торговлю и тем самым ограничить вывоз из страны золотых и серебряных монет китайскими купцами. По-японски разрешение на заход китайского судна в порт Нагасаки называлось одним словом, состоящим из двух иероглифов симпай 信牌. В переводе пришлось отказаться от мысли подобрать одно русское слово, чтобы не быть неправильно понятым, и дать развернутое объяснение: разрешение на заход судна в порт Нагасаки.

 $^{^6}$ На этой странице в верхнем левом углу стоит красная печать библиотеки министерства иностранных дел.

кораблем⁷ из порта Нагасаки. Но если это будет противоречить законам нашей страны, то тогда [их] оставят [в Японии] и не вернут. Кроме того если окажутся [на японской земле] кораблекрушенцы из стран, с которыми изначально не было никаких отношений, то судно уничтожается, а люди навечно остаются [в Японии], [их] не возвращают [на родину]. Однако, принимая во внимание труд, который вы взяли на себя, чтобы доставить японцев издалека, а также учитывая незнание законов нашей страны, в этом случае не подобает приводить в исполнение [закон], но еще раз [вам] не следует появляться в этом месте.

[1] Хоть [вы] и привезли послание⁸ [от вашего правительства], но с [вашим] государством никогда не было отношений, и титулатуры [вашего] Государя [мы] не знаем, и слова, и письменные знаки нам не понятны, мы не можем отличить [среди вас] благородных и низменных, поэтому нам трудно в точности соблюсти правила приличия [в общении с вами]; в нашем государстве это будет считаться выражением почтительности, а вашем государстве может быть воспринято выражением пренебрежительного отношения, поэтому не находим возможным ответить на послание [вашего правительства]. В этот раз мы не можем отказаться принять японцев, потерпевших кораблекрушение, но тем не менее не можем принять письмо вашего правительства.

[2] А также [мы] не можем позволить [вам] непосредственно прибыть в Эдо. Причина в том, что даже если вы из страны, с которой поддерживаются отношения и ведется торговля издавна, непозволительно самовольно выходить за рамки уложений. А если вы самовольно прибудете, то со всеми вами будут сурово обращаться. В любом [другом] порту [, кроме Нагасаки,] сути сказанных вами слов не поймут, напротив, это только нанесет вред делу. И если вы будете непрерывно повторять, что по повелению вашего Государя вы должны в этот раз прямо из земель эдзо прибыть в Эдо, то поступите вопреки смыслу ныне переданных вам предупреждений и даже нарушите также повеление вашего Государя. Дело в том, что, как только увидят чужеземный корабль, то на побережье будут за вами наблюдать с возведенных постов: либо захватят судно,

⁷ В тексте голландские суда называются «корабли рыжеволосых» «ко:мо:сэн 紅毛船». До закрытия страны Японию посещали испанцы и португальцы, за кораблями которых закрепилось название «суда южных варваров — намбансэн 南蛮船». Ранее так назвали суда так называемых «южных эбису», т. е. корабли народов, живших к югу от японских островов. Поскольку португальцы и испанцы появились с южного направления, то за их судами закрепилось это название. После того, как военное правительство взяло курс на самоизоляцию страны, только голландцам было разрешено заходить в порт Нагасаки. Поэтому их кораблям дали другое название. В более поздний период появился термин «черные корабли — куробунэ 黒船».

⁸ В тексте написан бином *кокусё* 国書. В принципе этим термином обозначают официальное послание от главы государства: монарха, президента, премьер-министра.

либо изгонят [в открытое море]; и будете просить об установлении дружеских отношений, а причините, напротив, только вред. Таким образом, мы должны предупредить, вы нарушите повеление Государя вашей страны. А сейчас если не согласитесь со всеми приведенными доводами, то все будете задержаны и будете осуждены по законам нашей страны. И будете сожалеть, но ничего уже нельзя будет сделать.

[3] Сейчас мы, чиновники бакуфу, прибыли из Эдо и разъясняем вам законы нашей страны. Мы благодарны вам за то, что привезли издалека японцев, потерпевших кораблекрушение, но в то же время не сделайте ошибки. А также если согласитесь в принципе передать нам, чиновникам из Эдо японцев, потерпевших кораблекрушение, и если передадите их здесь⁹, то никаких проблем у вас не будет. Однако, так как по законам нашей страны мы не можем удовлетворить ваши пожелания, то [в ответ] если вы скажете, что не отдадите привезенных японцев, то мы не будем настаивать на их возвращении. И не то что мы не сочувствуем людям нашей страны, но дело в том, что не можем из-за этого нарушать законы нашей страны. Поняв то, что мы объяснили, действуйте, как вы считаете нужным. Двоих японцев по болезни, которых вы не привезли сюда, хотя и привезете, но еще раз не будем отдавать распоряжение. Должны хорошо понять, что помимо Нагасаки нигде вас не примут. А если направитесь в Нагасаки, то не должны будете приближаться к берегу по закону нашей страны, чтобы вас видели, должны будете плыть в открытом море. Как мы прежде вам разъясняли, не допустите ошибки, необоснованно полагая, что останетесь незамеченными, в прибрежных деревнях на этот случай существуют распоряжения.

[4] Хоть и прибудете в порт Нагасаки, но без наличия разрешения на каждом судне нельзя зайти в порт. Опять же нельзя самовольно действовать вне рамок уложений. Если же у вас есть какие-то желания, то, прибыв в Нагасаки, должны положиться в этом на распоряжения местных властей. Они подробно все разъяснят. Хорошо усвоив содержание [разъяснений], должны не медля, подняв паруса, вернуться [в свою страну].

Что касается писем¹⁰, которые вы сейчас привезли, то одно из них написано письменными знаками вдоль страницы, люди нашей страны не могут его прочесть. Другое письмо хоть [и написано письменами], похожими на знаки каны нашего государства, но во многих местах слова непонятны, и письменные знаки тоже непонятны. И если хотя бы в одном месте будет утрачен смысл или возникнет сомнение, то обсто-

⁹ Здесь, то есть в Мацумаэ.

 $^{^{10}}$ В первой части речь шла о государственном послании — кокусё, здесь же в другой использован бином сёкан 書翰. Но, вероятно, речь об одном и том же послании. Можно предположить, что чиновники из Эдо в этом случае рассматривают эти послания как текст для прочтения, поэтому используют термин cёкан.

ятельно невозможно будет ответить. Поэтому мы их вам все возвращаем. Вы должны нас хорошо понять и согласиться с нами.

Свидетельство¹¹ на прибытие одного русского¹² судна в Нагасаки

Если вы, приняв во внимание наши разъяснения, соберетесь прибыть в Нагасаки, то [должны иметь в виду, что] учение Христа в нашей стране находится под большим запретом. Не привозите с собой его образов, а также предметов христианского культа и письменные материалы. [Если привезете], вас непременно накажут. Обязательно имейте это в виду, по прибытии в Нагасаки, вы должны об этом подробно задекларировать. Кроме того, [корабль] осмотрят и вам могут разрешить сойти на берег. И для этого передаем вам это свидетельство.

По распоряжению правительства выдали [свидетельство], скрепленное анаграммами Исикава Сё:гэн¹³и Мураками Дайгаку¹⁴.

Адаму Лаксману¹⁵ Василию Ловцову¹⁶

5-й год эры Кансэй, 6-я луна, 27-й день¹⁷.

6-я луна, 24-й день. Передали [русским] расписку о получении Ко: даю 18 и Исокити 19 .

Свидетельствуем о том, что в настоящий момент принимаем²⁰ на земле Мацумаэ Кодаю и Исокити, кораблекрушенцев, которых [сюда] доставили. О настоящем свидетельствуем.

5-й год эры Кансэй, год быка *мидзуно уси*, 6-я луна²¹.

 $^{^{11}}$ В тексте значится слово *свидетельство* (*сируси* しるし — написано каной). Это и есть разрешение. Но так как за термином «разрешение на заход в порт Нагасаки» закреплено слово *симпай* 信牌, то чтобы не вносить путаницы *сируси* переведено как свидетельство.

 $^{^{12}}$ Интересно отметить, что в этом случае слово *Россия* написано не иероглифами, а каной をろしゃ.

 $^{^{13}}$ 石川証将監. Анаграммы (по-японски: као: 花押) стоят выше в иерархии, чем красные печати (сюин — 朱印).

¹⁴村上大学.

 $^{^{15}{}m B}$ тексте оригинала фамилия и имя написаны следующим образом: ${\it bth}$ ${\it check}$ ${\it tth}$

 $^{^{16}}$ В рукописи написано: わしれいろふそふ.

 $^{^{17}\,\}mathrm{\Pio}$ гри
горианскому календарю 5-й год Кансэй, 6-я луна, 27-й день приходится на 3 августа 1793 г.

¹⁸幸太夫.

¹⁹ 磯吉

 $^{^{20}}$ В переводе использовали слово «принимаем». В рукописи написано жестче: «хикикаэ 引替— обмен», то есть подразумевался обмен людей на расписку.

 $^{^{21}}$ 1-й день 6-й луны 5-го года Кансэй приходится на 8 июля 1793 г.

Красная печать²² Исикава Сё:гэн. Красная печать Мураками Дайгаку.

6-я луна, 25-й день²³. Разговаривали с Адамом через переводчика, переводчик написал и передал ему письмо [следующего содержания].

Мне передали выдержки государственных законов Японии и подробно их объяснили. Вернувшись в свою страну, должен буду соответствующим образом доложить [правительству]. Да будет так.

5-й год эры Кансэй

страна Россия Алам Лаксман²⁴

6-я луна

6-я луна, 27-й день²⁵. Сообщили, что прощаемся с иноземцами, переводчик перевел. Японцы спросили, поняли ли русские все, что им было сказано, или не поняли. Если поняли, то чиновники [из Мацумаэ] хотят сказать. Они сказали следующее.

Мы поняли все обстоятельства, связанные с кораблекрушенцами, - которых вы привезли, а также вам передали послание относительно государственных законов Японии, об этом прежде говорили посланцы из Эдо.

Русские попросили записать содержание вышеприведенного выступления [чиновников].

につほんの

をんこくほうをんかきつけをんわたしくわしくをんとききかせくたされかしこまりほんごくへかゑりそのとふりもうすへくそろいいしやう くわんせいごうしとし をろしやこく

ろくぐワつ をろしやこく あたむらつくすまん

Если бы этот текст предназначался японцам, то, вероятнее всего, он выглядел бы иначе, а именно:

日本の

御国法御書付御渡し、詳しく御説き聞かせ下され、畏まり、本国へ帰り、その通り申すべく候、以上

寛政五丑年

オロシヤ国

六月

アダム・ラックスマン

²² Красная печать — *сюин* 朱印. Красными печатями имели право скреплять документы только представители военного сословия высокого уровня. Ими начали пользоваться в период *сэнгоку-дзидай* 戦国時代. Простолюдины и горожане в лице купеческого сословия пользовались так называемыми *«черными печатями»* — *«кокуин* 黒印*»*

²³ 1 августа 1793 г.

²⁴ Текст письма сразу же бросается в глаза. Весь текст рукописи написан иероглифами и каной. Послание же написано исключительно каной. Вероятно, считали, что так иностранцам документ будет более удобен для прочтения. Воспроизводим его ниже, как можно ближе к оригиналу.

²⁵ 3 августа 1793 г.

6-я луна, 28-й день. Разговаривали с русскими, поступил запрос от них на поставку [следующих продуктов].

 $3anpoc^{26}$

[1] Соевые бобы 61 мешок.

Каждый вместимостью 4 то^{27} .

[2] Пшеница 27 мешков

Каждый вместимостью 4 то.

[3] Гречиха 3 мешка

Каждый вместимостью 4 то.

[4] Оленины 6 бочонков²⁸.

Все вышеуказанное в качестве помощи направляем на судно. 6-я луна.

* * *

Командир русского корабля²⁹

Микарайсантэаити³⁰

Микарайсандараси 32-33 года.

Нижние чины Хияудумаруити

 Бё:доромарукити
 30 лет.

 Иванхэдороэти
 25 лет.

Штурман? Капитан корабля (сэндо: 船頭)

Пё:дорокиваноэти 34–35 лет.

Купец

Михараэтимицунэкофу

Командир малого судна

Габуриуваиваноэти 24 года.

 $^{^{26}}$ В рукописи значится иероглиф «обоэ 覚— запись, документ, меморандум».

 $^{^{27}}$ Один го: 合 равен 0,180 39 л, сё: 升 — 1,8039 л, один то斗 — 18,039 л, один коку 石 — 180,39 л. Таким образом, мешок был вместимостью 72,156 л. Кстати, верхнее чтение иероглифа «мешок хё: 俵» использовался как счетный суффикс прежде всего для риса и других злаков, один стандартный мешок равнялся четырем то.

 $^{^{28}}$ Бочонки с олениной, вероятно, тоже были стандартной емкостью. Но трудно с уверенностью привести точные цифры.

²⁹ С этого места речь идет уже об инциденте, связанном с Хвостовым и Давыдовым и миссией Рязанова.

³⁰ Имена русских приведены здесь согласно японской рукописи так, как услышали и восприняли японцы. В дальнейшем надо будет установить реальные фамилии, имена русских. В данном случае, наверное, записано имя и отчество *Михаил Александрович*.

Общее количество людей на двух кораблях составляет 64–65 человек. Об этом сообщили японские караульные. Записано, как они сказали.

Копия с письма из России.

Записано со слов [караульных].

Так как мы находимся рядом друг с другом, то отдали приказание нижестоящим обратиться с просьбой начать заморскую торговлю, и если, встретившись, обстоятельно обсудить [этот вопрос] в дружественной обстановке и успешно завершить переговоры о торговле, то действительно мы были бы признательны. Но мы не раз отправляли посланника в Нагасаки, и тем не менее он вернулся без ответа [на наше предложение]. И по этой причине произошли странные происшествия, государь наш обидится, и если не будет торговли, то рыжие люди³¹ как и с Карафуто³²... вследствие того, что не прислушались изначально к просьбе. По этой причине на этот раз продемонстрировали нашу силу. Если не удовлетворите нашу просьбу, то займем северные земли³³. Если будет возможно, при задержке с ответом [на наше предложение], то поступим так, как всегда делают *рыжие люди* на Карафуто или на островах до Урупа, разгоним [японцев]. Но если же примете наше предложение, то последующие поколения будут жить спокойно, ни о чем не беспокоясь. В противном случае направим множество кораблей и поступим так, как предупреждали.

Дата От России к бугё [клана] Мацумаэ.

[это вставка к сноске 31 в письме]...караульные сообщили, что это место [мы] не можем пересказать, не поняли, и далее смысл их слов сводился к тому, что [русские] будут вести себя на Карафуто точно так же, как в стране рыжих людей³⁴.

Переговоры с японской стороны будут вестись следующим образом. Об этом подробно и терпеливо наставляли караульных. Передали содержание того, что сказать караульным из представительства в Соя, подчиненным Мацумаэ бугё, на переговорах. И все записали им хираганой без иероглифов.

³¹ Рыжие люди — акахито 赤人. В период правления военного правительства Токугава этим словом называли европейцев, в основном русских, прибывавших с земель эдзо и островов Курильского архипелага. Так русских назвали из-за того, что лица их были, по мнению японцев того времени, красными и носили они одежды красного цвета.

³² Карафуто 唐太, остров Сахалин.

³³ Северные земли — кита-но ти 北の地.

³⁴ Автор рукописи сделал эту приписку после приведенного им послания от русских. В самом тексте послания сделал помету смотреть приписку. В переводе мы использовали многоточие, потому что изложение обрывается на этом месте.

Надеемся, что вы пребываете в здравии. Однако мы не можем ответить согласием на просьбу об установлении торговых отношений согласно вашему письму. Причина в том, что Россия, хоть и является страной, где соблюдают этикет, но до сих пор не велась с ней торговля. Кроме того, с прошлого года [Россия] совершала бесчинства, и прислала послание [с предложением начать] торговлю. Если мы не удовлетворим просьбу, то, говорят, что направят много кораблей и учинят бесчинства. Но не может быть торговых отношений со страной, которая нарушает правила приличия и творит беззаконие. Если из вашей страны будет отправлено много кораблей, то мы со своей стороны укрепим оборонительные сооружения и будем сражаться. Если вы хотите вести торговлю, то должны полностью пересмотреть то, что было сделано до настоящего момента, и в знак того, что нет враждебных намерений, верните всех японцев без исключения. И после этого можете [начать] разговор о торговле. Но мы должны будем запросить об этом верховные власти, и в шестую луну будущего года сможем ответить вам на Карафуто, дает ли разрешение на торговлю бакуфу.

Если у вас нет враждебных намерений, то должны немедленно покинуть эти земли и вернуться на родину. Если же мы с обеих сторон совершим ошибки, если не будет улучшений, более того, если будут продолжаться бесчинства, то не будет и торговли. С искренним почтением.

Год зайца, 6-я луна, 19-й день. Амано Киэмон³⁶ и О:нуки Сансукэ³⁷ отправили посыльного с письмом [в Эдо], в котором излагается суть сообщения, поступившего от иноземцев.

Тогава Тикудзэн-но ками³⁸. Хабуто Аки-но ками³⁹.

Сообщают, что восемь человек из девятерых: четверо караульных с острова Карафуто, пять караульных с острова Итурупа, которых прежде увезли на иноземном судне, 6-го числа этой луны посадили на малое судно на острове Риисири и вернули в Соя, с ними передали письмо с пожеланиями российского государства. Их письмо написано русскими буквами, но человек, который представился как Микараисандаран, капи-

³⁵ В рукописи не уточняется, чья подпись стоит. Но в опубликованном источнике из серии «Цу:ко: итиран» указана фамилия: Мияма Ухэита 深山宇平太, бугё Хакодатэ (с. 313).

³⁶天野喜衛門.

³⁷大貫専助.

³⁸ 戸川筑前守.

³⁹ 羽太安藝守

таном корабля, изложил содержание письма японскими словами. Так как это письмо на обратной стороне записали катаканой и передали, то указанное письмо, а также восемь караульных должны отправить к властям в Хакодатэ. Но так как прежде всего отправляем копию с этого письма, то ознакомьтесь с ним на отдельном листе бумаги. А также позже еще направляем караульных и письмо. Должны тщательно их опросить и подробно доложить [бакуфу].

Однако это письмо, говорят, написано в течение этой 3-й луны.

Русский большой корабль имеет грузоподъемность больше 1000 коку, на борту свыше 40 человек, малый корабль имеет грузоподъемность 300–400 коку, экипаж — свыше 20 человек, итого общее количество достигает 64–65 человек. В этом году, кроме этих двух кораблей, по словам караульных, другие не приходили. Но и они в прибрежных водах Мацумаэ и Хакодатэ не появлялись. Есть сообщения, что голландские и английские корабли заходили с торговой целью. По сообщению караульных, русские корабли, о которых идет речь, уже сразу же вернулись на родину.

Однако сообщают, что караульным [русские] передали меха, отрезы материи, кроме того изделия тонкой ручной работы.

Так как сейчас 19-го числа посылаем сообщение от караульных из Со:я с вышеизложенным содержанием, то срочно докладываем. Еще раз подробно должны доложить. Все есть, как изложили.

6-я луна 19-й день

Тогава Тикудзэн-но ками Хабуто Аки-но ками

Полагают, что иноземное судно (суда?), которое видели раньше в районе Намбу, Цугару, Мацумаэ и Хакодатэ, может быть английским

Год зайца, 6-я луна 19-го дня утром было доставлено письмо.

Получили письмо и выслушали объяснения. Итак, прежде всего уточнили подробности: на иноземное судно были препровождены четыре караульных с острова Карафуто, четыре караульных с острова Итуруп, позавчера 6-го числа они прибыли в Со:я на небольшом судне *дзуайбунэ*⁴⁰. На острове Риисири иноземцы передали им письмо и попросили доставить его в Мацумаэ. В нем они просят об установлении торговли. Сразу же этих караульных Китаро: препроводит к Вам⁴¹. Собираемся подробно доложить. Суть вопроса изложили выше.

 $^{^{40}}$ Дзуайбунэ 図合船— в период сёгуната Токугава так назвались небольшие суда вместимостью 100 коку, способные совершать небольшое каботажное плавание.

⁴¹ Дословно: Ваше место — онти 御地. Подразумевается, вероятно, Хакодатэ.

6-я луна 8-й день

печать Мияма Ухэйта

Хара Хандзаэмон-сама Тэрада Тюэмон-сама Ямада Коибээ-сама Ивама Тэцудзо:-сама

Постскриптум. Немедленно письмо и четыре караульных с острова Карафуто отправят от вассалов дома Мацумаз⁴², караульных не расспрашивали вассалы, у Вас их опросят, направляем их к Вам. Из числа караульных двое — Гэнсити⁴³ и Томигоро. 144 — получали письмо от иноземцев, они подробно изложат, из остальных никто ничего не знает и не может сказать. Как изложено выше.

Из десяти караульных, находившихся на русском судне, остались у русских караульные Горо: дзи 45 и Сахээ 46 с острова Итуруп. Восемь человек вернули. Об этом сообщают вернувшиеся караульные. А также говорят, что ни одного айну 47 не препроводили на русский корабль.

Срочно отправляем к Вам письмо.

К тому, что прежде сообщалось.

В продолжение сообщаем вам. Вчера в час обезьяны видели, как два иноземных кораблях хотели придти в Со:я. Но ветер не благоприятствовал, дул в северном направлении, и они ушли. По устному заявлению караульных, русские им сказали, что сразу же вернутся на родину. Однако трудно просчитать, может они снова прибудут при благоприятном направлении ветра. Сегодня дождливая погода, стоит туман. И море не просматривается.

Здесь⁴⁸ вассалы домов Цугару и Мацумаэ⁴⁹ укрепляют бдительность. Доложили основную суть. Все как есть.

6-я луна 8-й день

Печать Мияма Ухэйта

Хара Хандзаэмон-сама Тэрада Тюэмон-сама Ямада Коибээ-сама Ивама Тэцудзо:-сама

⁴² Мацумаэ кэрай 松前家来.

⁴³源七.

⁴⁴富五郎.

⁴⁵ 五郎次

⁴⁶ 左兵衛

 $^{^{47}}$ В тексте значится бином $u\partial$ зин 異人. Этим словом обозначали эбису (иными словами айну), варваров, а также иностранцев. В этом случае, по-видимому, речь идет об айну.

⁴⁸ *То:ти* 当地. Речь идет, вероятно, о Со:я.

⁴⁹津軽·松前家来.

К тому, что прежде сообщалось.

В продолжение извещаем. Китаро: отправился к Вам. Ю:сукэ занят будет тем, что доставит айну товары (кудасимоно), и вскоре он отправится сюда и какое-то время будет занят на службе в Со:я. Подумайте хорошенько над тем, вернется ли опять [в Со:я] Китаро:, или еще кто-то другой будет направлен. Так как здесь много народу и большой объем работы по службе, то в любом случае один человек на постоянной основе должен нести службу. Прошу вас обдумать [этот вопрос] хорошо. Все как изложено выше.

6-я луна, 8-й день

Печать Мияма Ухэйта

Хара Хандзаэмон-сама Тэрада Тюэмон-сама Ямада Коибээ-сама Ивама Тэцудзо:-сама

К тому, что прежде сообщалось.

В дополнение к предыдущему письму сообщаем настоящим послание с грифом «для внутреннего пользования» о следующем. Говорят, что все товары на острове Риисина были захвачены иноземным кораблем. Судно же «Бансюн-мару» сожжено. Сообщали о том, что караульные возвращаются. Сатю: 2 и Горо: дзаэмон на полпути вернулись, чтобы посмотреть что произошло. Но послали айну особенно все тщательно рассмотреть, айну вернулись и доложили об увиденных следах разрушения. Жаль, конечно. На отдельном листе бумаги посылаем сообщение устных показаний Сатю: и Горо: дзаэмон. Китаро: собирается отправиться и привести с собой этих двух, а также членов экипажа [сожженного] судна. Прошу принять к рассмотрению сообщение. Все есть, как изложено.

6-я луна, 8-й день

Мияма Ухэйта

Хара Хандзаэмон-сама Тэрада Тюэмон-сама Ямада Коибээ-сама Ивама Тэцудзо:-сама

К тому, что прежде сообщалось.

Извещаем циркулярным письмом⁵⁴. Ранее препровожденные восемь караульных на иноземные корабли были возвращены на острове Риисири.

⁵⁰ Найдзё: — 内状.

⁵¹万春丸.

⁵² Морисигэ Сатю: — 森重左仲.

⁵³ Утино Горо:дзаэмон — 内野五左衛門.

⁵⁴ Кайдзё: — 姮狀.

Передали в письменной форме пожелание России. Говорят, что вчера вечером видели с поднятыми парусами эти два иноземных корабля в открытом море у Со:я в направлении *уситора*⁵⁵. Вышеупомянутым караульным [русские] сказали, что сразу же возвращаются на родину. Срочно вас оповещаем об этом, чтобы вы приняли это к сведению. Все есть, как изложено выше.

6-я луна, 8-й день

Огава Китаро:⁵⁶ — печать Мияма Ухэйта — печать

[Циркулярное письмо направлено] на посты Мацумаэ Эсаси⁵⁷

Постскриптум. Караульные с острова Итуруп Горо:дзи и Сахээ остались [у русских]. Остальные не оставлены, возвращены. Все есть, как изложено выше.

4-й год эры Бунка, год зайца, 12-я луна, 6-й день. Передали от Бидзэн-но ками доно через [буддийского монаха] Танъами⁵⁸ [господину] Мацумаэ бугё.

Относительно того, как следует обращаться с русскими судами. В прошлом году, году тигра был принят закон. После этого на островах эдзо появились [русские], учинили разбой. Поэтому в любой бухте, как только увидите русский корабль, всенепременно его нужно изгнать, а если приблизится, то взять в плен [людей] или же их убить. Конечно же, своевременно должны об этом доложить. Тем не менее, если принесет течением корабль, потерпевший крушение, и это не будет вызывать сомнение, и если оснастка корабля повреждена, то оставить [судно] на месте, оказать помощь [экипажу] и спросить [у бакуфу, что дальше делать]. В конечном счете, если русские не будут соблюдать закон, то следует принять жесткие меры. Поэтому не должны терять бдительности.

Вышеизложенное уложение должно исполняться всеми без исключения, кто имеет владение на побережье, и даймё, у которых доход свыше 10 000 коку риса, и хатамото, доход которых ниже 10 000 коку.

12-я луна.

5-й год Бунка, год дракона, 1-я луна, 23-й день. Непосредственно передали [ро:дзю:] Симоцукэ-но ками-доно 59 . В ту же луну 26-го дня изволи-

⁵⁵ Направление уси-тора 丑寅方 — северо-восточное направление.

⁵⁶小川喜太郎.

⁵⁷ 江差.

⁵⁸ 丹阿弥.

⁵⁹ 下野守殿. В тексте, как это было принято в Японии, *ро:дзю*: называют по титулу. Его звали Аояма Тадахиро 青山忠裕. Также иногда чиновников называли

ли отдать [господину] Акияма Мацунодзё: 60 . В ту же луну 27-го дня Фусэ Куранодзё 61 , с почтением принявший [это распоряжение] вернул.

Принято к исполнению. «Что касается казни через отсечении головы, то на месте засвидетельствовать [должным образом], передайте [пленных чиновникам] Мацумаэ [бугё:]. В остальном действуйте, как предписано».

[Год] дракона, 1-я луна, 26-й день Кавадзири Хиго-но ками 62 Арао Тадзима-но ками 63

Предписание о принятии мер на землях эдзо на тот случай, когда прибудут русские

- [1] Должны все без исключения принять к сведению, что если в этом году прибудут русские, то согласно разосланному предписанию во все провинции обязаны изгнать их.
- [2] Относительно Итурупа и Сахалина. В прошлом году они через посланника запросили разрешение на торговлю и сказали, что вернутся за ответом. В этой связи даем следующие распоряжения. Если они высадятся на берег в небольшом количестве с маленького судна, то обращаться с ними ровно согласно распоряжениям. Но если же вдруг будут проявлены враждебные намерения, то доложите об этом Ямаока Дэндзю:ро: 64 и Нацумэ Тё:эмон 65 , если они будут на месте, а в их отсутствие с командиром подразделения всех домов $\partial a \tilde{u} m \tilde{e}$: 66 должны оценить обстановку.
- [3] Относительно острова Кунашир. Так как он идет сразу следом за островом Итуруп, то по ошибке, не исключено, русские прибудут на корабле на этот остров. Поэтому должны действовать как и в вышеописанных случаях.

по фамилии, а потом вместо имени, приводили его титул, например: Аояма Симоцукэ-но ками 青山下野守.

⁶⁰秋山松山之丞. Акияма занимал достаточно высокое положение. Он был главой подразделения (кумигасира 組み頭) писцов (ю:хицу 右筆). Официально его должность называлась оку ю:хицу кумигасира 奥右筆組頭

⁶¹ 布施蔵之丞. Фусэ Куранодзё: был одним из писцов, которых возглавлял Акияма Мацунодзё:.

⁶²川尻肥後守.

⁶³ 荒尾但馬守.

⁶⁴ 山岡伝十郎. Хатамото сё:гуна.

⁶⁵ 夏目長衛門. Хатамото сё:гуна.

⁶⁶ Обычно войско даймё: было разбито на куми 組 (отряд, подразделение) лучников, копьеносцев и так далее. Во главе стоял командир, которого называли касира 頭, кумигасира 組頭. В данном случае речь идет о командире отрядов всех даймё:, или, как написано в рукописи всех домов 諸家 — сёкэ, которым было приказано бакуфу направить своих людей для защиты северных территорий от предполагаемого вторжения русских. В тексте же этот смысл передают четыре иероглифа сёкэ моногасира 諸家物頭.

- [4] В Со:я посоветовавшись с лицом, которое уполномочено обсуждать эти вопросы, определите, нет ли у русских враждебных намерений. При этом точно так же примите во внимание, что было сказано по существу дела выше. Так как туда не направляется посланник $6a\kappa y dy^{67}$, то принимаете меры применительно к обстоятельствам, но должны сообщить об этом старшему⁶⁸ из присутствующих на месте.
- [5] Относительно Эсаси и Хакодатэ. Туда направлены бакуфу Косугэ Иэмон⁶⁹ и Мураками Кэммоцу⁷⁰. ... Точно так же, хотя и есть представители на островах Карафуто и Итирупе, но они большие по размерам, и не все можно отследить, а также есть места, где нет представителей бакуфу. Поэтому поймите суть изложенных выше причин, когда обязаны обсуждать и докладывать. Если переговоры перейдут во враждебные действия и прямое вооруженное сражение, то в этом случае не нужно специально ждать распоряжений от вышестоящих военных, отмобилизованных для защиты и охраны этих мест. Лица, наделенные властью, собирают караульных и айну, создают из них в тылу отряды. ... а, создав их, проводят в тыловых частях соответствующую работу. Имейте в виду, что об этом следует докладывать.
- [6] Относительно конкретных перемещений отрядов ∂ аймё: в местах, где нет посланников δ акуфу. Естественно в этом случае не требуется распоряжений от лиц, наделенных властью. Однако они тщательно наблюдают за всеми действиями. Знайте, что следует докладывать нам правдиво истинное положение дел.
- [7] Относительно тех мест, где не размещены люди, занятые охраной и защитой территории. Хотя в нашем распоряжении в общем не так много людей, но насколько возможно еще по одному, по два человека распределите или же пошлите в авангард вассалов из отряда⁷¹ Иноуэ Садаю⁷², привлеките для этих целей айну. В любом случае принять нужно все меры для обороны. Должны особенно это принять во внимание.
- [8] Лица, наделенные властью, отслеживают, как ведут себя воины из отрядов $\partial a \check{u} m \ddot{e}$: на местах: мужественно и стойко или трусливо. Нам они докладывают, а мы в свою очередь $\delta a \kappa y \dot{\phi} y^{73}$. Знайте об этом.

 $^{^{67}}$ Посланник $\mathit{бакуфy}$ — $\mathit{кэнсu}$ 検使.

⁶⁸ Касирабун 頭分.

⁶⁹ 小菅猪右衛門. См.: Цу:ко: итиран, с. 348.

⁷⁰村上監物. См.: Цу:ко: итиран, с. 347. Оба цукаибан хатамото 使番旗本.

 $^{^{71}\,\}mathrm{B}$ тексте стоит иероглиф *куми* 組.

⁷²井上左太夫. Oн был 鉄砲方旗本、番方の旗本. C. 357.

 $^{^{73}}$ В тексте конкретно не указано, кому будет конкретно докладываться в военном правительстве, просто написано: 申上奉存候. Но учитывая, что $\mathit{буz\ddot{e}}$: непосредственно подчинен $\mathit{po:d3io}$:, то и доклады по команде непосредственно отправлялись ему.

- [9] Относительно [действий] воинов из отрядов даймё:. Они должны сообщить нам об исходе сражения: сколько собрано голов убитых врагов, сколько раненых среди наших войск, сколько погибло. Взятых в плен живьем направить в Мацумаэ, там окажут им первую медицинскую помощь. У бакуфу спросили, как с ними поступить. По поводу казни через отрубания головы, то должны совершать в местах поблизости от Мацумаэ, если пленных не представляет труда доставить. Отрубать головы и оставлять тела без погребения на месте казни⁷⁴ нужно в присутствии проверяющих. Если трудно доставить пленных в Мацумаэ, то совершать казнь недалеко от офиса представителей бакуфу, обе стороны — и представители бакуфу и даймё: — должны присутствовать на казни и засвидетельствовать ее, послав рапорт о приведении ее в исполнение. Но если среди пленных будет их командующий, то его голову вместе с военными трофеями доставить в Мацумаэ. Остальных [и головы, и тела], приказываем, после засвидетельствования казни, бросить на месте без погребения.
- [10] К нам обратились с запросом, как должны поступать с военными трофеями, которые захватят отряды даймё: Что касается таких предметов, как оружия, то они являются свидетельством военной доблести. По этой причине не надо их нам доставлять, но вместе с тем следует нам об этом сообщить, чтобы мы запросили у ро:дзю: об отдаче им соответствующего распоряжения. Следует трофеи описать и представить нам список. Однако что касается предметов культа иной веры, то доставьте их в Мацумаэ, а мы сразу же попросим у бакуфу дать указание об отправке их к ним. Вместе с тем, если будет желание у даймё: отдать нам трофейное оружие, то мы его примем и запросим у ро:дзю:, как с ним поступить.
- [11] Что касается определения подвигов и заслуг у айну и баннин, то после того, как со всей определенностью убедились в наличии доказательств сего, при отсутствии противоречий в показаниях, хотелось бы доложить об этом $po:\partial 3io:$, чтобы как можно быстрее вознаградить за заслуги⁷⁵.
- [12] Точно так же, что касается ответственных лиц, подчиненных бугё:. В случае, если на местах их службы были люди ∂ аймё: и если

⁷⁴ В тексте стоит глагол *торисутэру* 取捨, что означает отсечение головы, как правило, в присутствии по крайней мере двух представителей властей, которые после казни отсылали в вышестоящие инстанции доклад, что казнь действительно имела место быть. Причем тело и голова оставались на месте без погребения. Если казнь совершалась вблизи населенных пунктов, то останки закапывали. Но это не считалось захоронением (майсо: 埋葬), а наведением порядка, уборкой территории, и соответственно применялся глагол «прибирать — катадзукэру片付ける».

⁷⁵ Обычно вознаграждение носило денежный характер.

выступает свидетелем командир воинов $\partial a \check{u} m \ddot{e}$:, то убедившись в ходе и исходе сражения на месте, хотелось бы доложить об этом $po:\partial 3 io$:.

Однако, если на месте службы чиновников $\delta yz\ddot{e}$: никого не было из воинов $\partial a \ddot{u} m \ddot{e}$: и некому засвидетельствовать об их заслугах, то поэтому в этом случае насколько возможно должны установить, была ли проявлена храбрость и отвага или же трусость и доложить об этом po: $\partial 3io$:.

- [13] Что касается офисов на местах, где находятся представители бакуфу (кэнси 検使). Нам должны докладывать представители, но тем не менее мы должны прибыть на место, обсудить все с представителями и доложить после этого po: ∂зю: все, что касается хода и результата битвы.
- [14] Для того, чтобы действовали, как изложено выше, заблаговременно подробно изложили предписание чиновникам бугё:, а также

Рис. 2. Рукопись «Дело о повторном разбое русских на [землях] Эдзо». Колофон

передали предписание, разбитое по статьям, всем [привлеченным к этим мероприятиям] $\partial a \check{u} M \ddot{e}$:, чтобы поступали, как предписано. Соответственно об этом будет доложено $po:\partial 3 \omega$:. Все есть, как изложено выше.

Год дракона, 1-я луна.

Приведенные переводы, возможно, требуют более тщательной проработки, но тем не менее, дают, по-видимому, представление о содержании тетрадей рукописи. В дальнейшем автор статьи планирует все пять тетрадей перевести на русский язык, дать полный комментарий и написать исследование. Сообщение на симпозиуме памяти Н. А. Невского и предлагаемая публикация статьи были сделаны с согласия японских коллег из Историографического института Токийского университета.

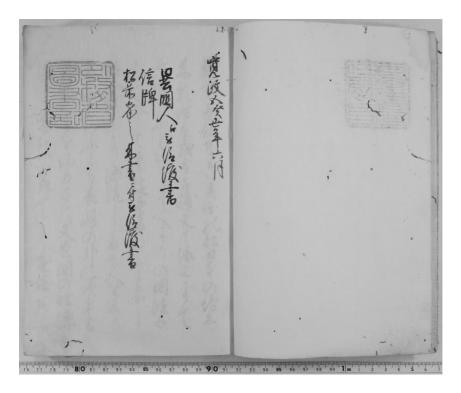

Рис. 3. Рукопись «Дело о повторном разбое русских на [землях] Эдзо». Колофон

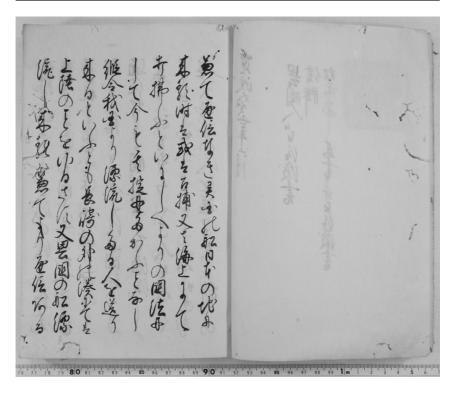

Рис. 4. Рукопись «Дело о повторном разбое русских на [землях] Эдзо». Первая страница

Vadim Klimov

THE MANUSCRIPT "THE CASE OF THE REPEATED ROBBERY BY RUSSIAN IN THE LANDS OF EZO"

The article presents the translation from Japanese into Russian of the part of the manuscript from the collection of the Historiographical Institute of Tokyo University, titled "The case of the repeated robbery by Russian in the lands of Ezo". This manuscript contains the records of the events concerning Russia-Japan relations between 1807 and 1812 made by a certain Nakagawa, a central government official in Ezo lands (the island of Hokkaido).

Танимото Акихиса (谷本晃久)

КОНТОРСКИЕ КНИГИ В ТОРГОВЛЕ С АЙНАМИ САХАЛИНА

Введение

В Институте восточных рукописей Российской академии наук в Санкт-Петербурге хранятся две конторские книги, составленные в начале XIX в. в местечке Кусун-котан на о. Сахалин (ныне г. Корсаков). Обе они написаны японским письмом, и содержат записи, сделанные японскими купцами во время торговли с айнами, проживавшими на побережье залива Анива в южной части о. Сахалин.

В настоящее время эти конторские книги являются объектом совместного исследования ИВР РАН и Историографического института Токийского университета (Хоя 2010). Автор имеет честь участвовать в данном совместном исследовании и хотел бы сообщить о некоторых результатах.

1. Особенности конторских книг

Две упомянутые конторские книги можно считать очень ценными источниками по следующим причинам. Во-первых, это самые старые из ныне сохранившихся письменных источников, созданных на Сахалине. Не известно ни одного более старого письменного памятника не только на японском, но и на китайском, маньчжурском или русском языке.

Во-вторых, это те обстоятельства, которые привели к тому, что данные книги хранятся теперь в Санкт-Петербурге. Старший научный сотрудник ИВР РАН В. Ю. Климов, который в данный момент осуществляет перевод этих книг на русский язык, обратил внимание на дату последних записей и предположил следующее. Между 10 и 19 октября 1806 г. (22–31 октября 1806 г. по новому стилю; 11–18 числа

9-го месяца 3-го года под девизом правления Бунка по японскому летоисчислению) произошел инцидент, когда Хвостов, Давыдов и другие служащие Российско-Американской компании, находившиеся в подчинении Н. П. Резанова, главы российского посольства в Японию, напали на японские торговые сторожевые посты, расположенные в Кусун-котане; и не могли ли эти книги быть захвачены именно тогда? Как повествуется ниже, последняя запись в «Счетной книге» датирована 5 днем 9 месяца 3 года Бунка (оборотная сторона 491 л. — лицевая сторона 492 л.), то есть всего за 6 дней до нападения. Кстати, согласно исследованию Александра Синицына, старшего научного сотрудника Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН, существует запись о том, что две конторские книги Российско-Американской компании, которые Хвостов и Давыдов привезли с залива Анива, были присланы в Кунсткамеру в 1814 году. Таким образом, сама история этих книг дает возможность представить, каковы были российско-японские отношения в начале XIX в.

В-третьих, это наиболее ранний первичный источник, позволяющий в деталях узнать о торговле между Японией и айнами Сахалина. Это, в свою очередь, означает два обстоятельства. Первое: поскольку постоянные торговые стоянки японских купцов, получавших разрешение от княжества Мацумаэ, были учреждены на Сахалине во 2-м году Кансэй (1790), две конторские книги, содержащие записи о сделках с сахалинскими айнами около 2-го года Бунка (1805), отражают состояние торговли в наиболее ранний период, что представляет большую ценность. Второе: даже если взять все земли Эдзо, на сегодня не известно ни одной конторской книги сделок с айнами начала XIX в., таким образом, данные книги являются редчайшим первичным источником, способным дать сведения о торговле с айнами в этот период.

2. Общие сведения о конторских книгах

Итак, дадим общие сведения о двух конторских книгах. На обложках книг написано соответственно «Счетная книга» (яп. дайфукутё: 大福帳, шифр хранения А-47) и «Книга кредитов за шторки» (яп. сударэгаситё: 簾貸帳, шифр хранения А-48). Там же указан год записей: на «Счетной книге» 3-й месяц 2-го года под девизом правления Бунка (1805), на «Книге кредитов» — 8-й добавочный месяц 2-го года под девизом правления Бунка. На задней стороне обложки имеется запись о составителе книг, в обоих случаях это глава сторожевого поста Кусун-котан.

Обе книги вытянуты вширь, переплет с правой стороны. Длина «Счетной книги» 12 см, ширина 32 см, высота 13,7 см; длина «Книги кредитов» 12,2 см, ширина 32 см, высота 3,4 см. Количество листов в «Счетной книге» — 623 (1246 стр.), в «Книге кредитов» — 119 (238 стр.).

Содержание книг составляют разгруппированные по людям записи о торговых сделках с айнами в течение года, сделанные главой сторожевого поста. В них последовательно записаны факты ссуды японских товаров и закупок продуктов айнского промысла. Нижний предел датировки составляет запись о долговом обязательстве от 21-го числа 8-го месяца 11-го года под девизом правления Кансэй (1800), верхний предел — запись о сделке от 5-го числа 9-го месяца 3-го года под девизом правления Бунка (1806), однако центральная запись — подведение счетов — относится ко 2-му году под девизом правления Бунка (1805).

Участниками сделок являются 184 человека (мужчины) в «Счетной книге» и 190 человек (женщины) в «Книге кредитов», на верхней стороне книг приклеены заголовки с каждым именем. Как уже говорилось, поселения айнов — участников сделок располагались от Сирануси (ныне Крильон) на западе до Сирэтоко (ныне м. Анива) на востоке, на побережье залива Анива. Согласно Сираиси Хидэтоси, доценту университета Саппоро Гакуин и специалисту по айнскому и нивхскому языкам, данные книги представляют также большой интерес с точки зрения лингвистики, поскольку являются первичным источником, содержащим огромное количество мужских и женских имен айнов, проживавших на Сахалине в начале XIX в.

3. Сахалин в начале XIX в.

Ввиду продвижения России в направлении Курильских островов, японское правительство бакуфу к 9-му месяцу 11-го года под девизом правления Кансэй (1799) перевело восточные земли Эдзо (тихоокеанскую сторону острова Эдзо и южные Курилы) под своё прямое управление. В то же время западные земли Эдзо (побережья Японского и Охотского морей и южная часть Сахалина) были оставлены под господством княжества Мацумаэ. Постановление о переводе западных земель Эдзо под прямое управление бакуфу было принято 22-го числа 3-го месяца 4-го года под девизом правления Бунка (1807), а сам перевод состоялся 27-го числа 9-го месяца того же года. Таким образом, в зафиксированный в конторских книгах

промежуток времени с 12-го года Кансэй до 4-го года Бунка Сахалин являлся территорий княжества Мацумаэ.

В 12-м году Кансэй княжество Мацумаэ перевело управление Сахалином в непосредственное ведение своего главы. Практические же дела управления были вверены Сибая Тёдаю, купцу из порта Хёго провинции Сэццу, располагавшейся на основной территории Японии в регионе Кансай. Княжество учредило пункт контроля над Сахалином в Сирануси в юго-западной оконечности острова и направило туда своих воинов. Одновременно в том же Сирануси была учреждена торговая стоянка, служившая Сибая пунктом для ведения дел. Сибая основал два командировочных поста, являвшиеся отделениями торговой стоянки в Сирануси. Один из них находился на западном побережье в Тоннаи (ныне Холмск), а второй — на восточном (побережье залива Анива) в Кусун-котан. В командировочном посту Тоннаи велся сбор морепродуктов западного побережья острова от Сирануси до Наёро (ныне Пензенское). А в командировочном посту Кусун-котан велся сбор морепродуктов побережья залива Анива от Сирануси до Сирэтоко. То, что в двух конторских книгах имеются записи о сделках с айнами от Сирануси до Сирэтоко, согласуется с системой управления Сибая, описанной выше. Можно считать, что составителем этих двух книг являлся Сибая.

Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что две эти конторские книги не дают нам полной картины торговли между Сибая и айнами с побережья залива Анива. В «счетной книге» главным образом записаны сделки с морепродуктами, а в «книге кредитов» — с камышовыми шторками (см. ниже). В то время Япония испытывала потребность в таких айнских товарах, как морепродукты (отходы сельди и иваси для удобрения; сушеные кета и горбуша, использовавшиеся как продукты длительного хранения; ламинария, морское ушко и трепанги, шедшие на экспорт в Китай), ремесленные изделия, а также так называемые «легкие товары». Под «легкими товарами» понимались меха, птичьи перья и некоторые товары китайского производства. В частности, меха куницы, калана и выдры назывались «мелкими шкурами» и являлись предметом торговли с приезжавшими в Сирануси сантанцами (ульчами). Сантанцы приносили «мелкие шкуры» в маньчжурское представительство цинского двора, расположенное в Дэрэне, в нижнем течении Амура, а полученные взамен от цинского двора шелка (эдзо нисики, или эдзоскую парчу) приносили в Сирануси, осуществляя таким образом посредническую торговлю. Однако в то время сахалинские айны тоже вели торговлю с цинским двором, и были случаи торговли китайскими товарами в Сирануси (Сасаки 1996). Таким образом, из «Счетной книги» и «Книги кредитов» о торговле «легкими товарами» айнами побережья залива Анива узнать невозможно. Вероятно, она контролировалась с помощью других конторских книг.

4. Что представляла собой торговля согласно конторским книгам

В «Счетную книгу» занесены торговые сделки между Сибая и айнскими мужчинами с побережья залива Анива. Японские товары, переданные Сибая айнам, составляют 48 наименований, в том числе рис, сакэ, предметы из железа, табак, лакированные изделия, хлопчатобумажная одежда. Товары, передававшиеся айнами Сибая, насчитывают 15 наименований, особенно много сельди весной, трепангов летом и кеты осенью. Также обращают на себя внимание киты. Сельдь, по-видимому, собиралась на сторожевом посту и засушивалась: в «Книге долгов» можно увидеть, что в большом количестве собирались также деревянные шесты для сушки, которые назывались сакири (яп. 早切). Заготовка отходов в этот сезон на Сахалине, похоже, не осуществлялась. Что касается кеты и трепангов, они высушивались айнами и собирались на сторожевых постах. Киты использовались для выделки жира и сушеного мяса. Подведение счетов в основном осуществлялось в конце 7-го месяца, напротив имени каждого айна видны отметки «в минусе» (яп. кудари 下 9) или «в плюсе» (яп. кадзё: 過上). «В плюсе» находятся 67 из 184 человек, то есть 36,4 % от общего числа. Передача айнам японских товаров в кредит на зимний период до весеннего рыболовного сезона отмечалась при подведении счетов словами «в минусе» (то есть «остаток долга») или «камышовый заём», превращаясь в долгосрочное обязательство, и расплата по нему производилась при следующем подведении счетов. Передача японских товаров в кредит на рыболовный сезон полностью возмещалась поступлением айнских товаров, поэтому, судя по всему, изначально правилом сделок была торговля на равных началах, но постепенно удельный вес авансовых сделок становился всё больше и больше.

В «Книге кредитов» есть одна особенность. Считается, что практически все айнские имена партнеров по сделкам принадлежат женщинам. Участвующие в торговле японские товары совпадают со «Счетной книгой», нет лишь сакэ. Большинство айнских товаров

составляют камышовые шторки и циновки. Вероятно, это отражает тот факт, что среди традиционных айнских промыслов плетение шторок и циновок считалось прерогативой женщин (Сасаки 2001). Кроме данной книги нет аналогичных источников, которые бы регистрировали сбор товаров, изготовленных айнскими женщинами, поэтому она представляет большую ценность. В течение года зарегистрированы сделки с 2387 шторками и 132 циновками. Об их предназначении судить трудно, однако считается, что шторки использовались для сушки морепродуктов, таких как икра и молоки сельди, а циновки — в качестве парусов. Сами сделки осуществлялись или на равных началах (яп. гэнкин но кути 現金之口), или в форме аванса (яп. сударэгаси 簾貸, томагаси 苫貸). При авансовых сделках, как правило, в 7–10 месяце получали японские товары, а в 1–3 месяце следующего года рассчитывались путем внесения собственных товаров. Поэтому можно считать, что айнские женщины с побережья залива Анива занимались изготовлением шторок и циновок зимой, когда прекращался сезон рыбной ловли.

Заключение

Изготовление камышовых шторок являлось занятием женщин в период прекращения рыбной ловли. Однако заметна и та сторона, что оно составляло норму выработки для расчета за выданный осенью аванс. Кроме того, наличие «камышового займа» может указывать на то, что не только женщины, но и все айны побережья залива Анива были вовлечены в этот период в цикл расчетов за аванс, выданный главой сторожевого поста. В то же время это не означает, что все айны указанного региона становились в этот период «долговыми рабами» японских торговцев (Такакура 1942). Можно заключить, что условием для того, чтобы не иметь задолженности в торговле со сторожевым постом, было наличие в одном доме нескольких субъектов сделок (то есть субъектов производства). По-видимому, существовала тенденция, что при торговле дорогими товарами японского производства (такими как кимоно с узким рукавом *косодэ* 小袖) «камышовые займы» становились обычным делом. Хотелось бы провести детальный анализ всего торгового процесса. Однако из-за отсутствия конторских книг, касающихся сделок с «легкими вещами» (занятие мужчин на период прекращения рыбной ловли) и сантанской торговли (в том числе в долг) придется воздержаться от категорических утверждений относительно общей картины семейных бюджетов у айнов.

Таким образом, две конторские книги можно назвать источником, дающим ценнейшие сведения как по истории айнов в начале XIX в., так и по истории российско-японских отношений.

Список литературы

- Куримофу Вадзиму クリモフ, ワジム [Климов В. Ю.]. Санкуто-Пэтэрубуругу то:ё:косэки бункэн кэнкю:дзё (кю: то:ё:гаку кэнкю:дзё) сёдзо: но ко:эки тё: бо ни цуйтэ 「サンクトペテルブルグ東洋古籍文献研究所(旧東洋学研究所)所蔵の交易帳簿について」[О конторских книгах из собрания санкт-петербургского Института восточных рукописей (бывшего Института востоковедения)] // То:кё: дайгаку сирё: хэнсандзё кэнкю: киё:『東京大学史料編纂所研究紀要』20 [Ученые записки Историографического института Токийского университета, № 20], 2010年.
- Танимото Акихиса 谷本晃久. Тё:бо но гайё: то айну ко:эки кэнкю: 「帳簿の 概要とアイヌ交易研究」[Общие сведения о конторских книгах и исследование торговли с айнами] // То:кё: дайгаку сирё: хэнсандзё кэнкю: киё: 『東京大学史料編纂所研究紀要』 20 [Ученые записки Историографического института Токийского университета, № 20], 2010年.
- Хоя Тору 保谷徹. Сахарин айну ко:эки тё:бо но «хаккэн» то кё:до: пуродзекуто 「サハリン・アイヌ交易帳簿の『発見』と共同プロジェクト」[«Наход-ка» конторских книг торговых сделок с сахалинскими айнами и совместный проект] // То:кё: дайгаку сирё: хэнсандзё кэнкю: киё: 『東京大学史料編纂所研究紀要』20 [Ученые записки Историографического института Токийского университета, № 20], 2010年.
- Сини:цин Арэкусандору シニーツィン, アレクサンドル [Синицын А. Ю.] (Ариидзуми Кадзуко яку 有泉和子訳 [пер. Ариидзуми Кадзуко]). Росиа кагаку акадэми: дзинруйгаку миндзокугаку хакубуцукан (Кунсутокамэра) га сю:сю: сита Фувосутофу Давидофу энсэй канкэй сирё: ни цуйтэ 「ロシア科学アカデミー人類学・民族学博物館(クンストカーメラ)が蒐集したフヴォストフ・ダヴィドフ遠征関係資料について」 [О материалах из коллекции Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН, связанных с экспедицией Хвостова и Давыдова] // То:кё: дайгаку сирё: хэнсандзё кэнкю: киё: 『東京大学史料編纂所研究紀要』 21 [Ученые записки Историографического института Токийского университета, № 21], 2011年.
- Сасаки Сиро 佐々木史郎. Хоппо: кара кита ко:эки мин 『北方から来た交易 民』 [Торговый народ, пришедший с севера]. NHK сюппан NHK出版、1996年 [Издательство NHK, 1996].
- Сасаки Тосикадзу 佐々木利和. Айну бунка си но:то 『アイヌ文化誌ノート』 [Записки о сочинениях по культуре айнов]. Ёсикава ко:бункан 吉川弘文館, 2001年.
- Такакура Синъитиро 高倉新一郎. Айну сэйсакуси 『アイヌ政策史』 [История политики в отношении айнов]. Нихон хё:ронся 日本評論社, 1942.

(Перевод с японского языка В. Щепкина)

Akihisa Tanimoto

ACCOUNT BOOKS IN THE TRADE RELATIONS WITH SAKHALIN AINU

The article introduces to the wide academic community one-of-a-kind manuscripts from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences. These are two account books containing records of trade operations between Japanese and Ainu. Dated back to the early 19th century, these books are the oldest of a kind. The records discover the volume and items of the trade. The books are also considered to be stolen by Russian naval officers Khvostov and Davydov in 1806 and therefore provide some evidence to that episode of early Russia-Japan relations.

РАЗДЕЛ 4. ТАНГУТОВЕДЕНИЕ

Аракава Синтаро (荒川慎太郎)

ЗАСЛУГИ Н. А. НЕВСКОГО В ИССЛЕДОВАНИИ ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

Введение

В 2012 году исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося российского востоковеда Николая Александровича Невского (в Японии используется также латинизированное имя Николас; далее в тексте — Невский). Его появление на свет впоследствии внесло поистине огромный вклад в развитие различных отраслей востоковедения, в частности тангутоведения, о котором пойдет речь далее. Его жизнь совпала с периодом бурного развития исследований тангутов и их языка, а неожиданная приостановка деятельности, вызванная его смертью, повлекла за собой застой в тангутоведении. Исследования Невского вновь оказались в центре внимания лишь после Второй мировой войны, когда тангутоведение стало набирать темп. Об исследованиях Невским тангутского языка писал в частности профессор Нисида Тацуо (1962). Кроме того, известно, что в одной только Японии в последние годы одна за другой публикуются работы о жизни Невского, такие как труды Икута (2003), Ёсиикэ (2007), Като (2011), и происходит переоценка его исследований

Автор специализируется на лингвистических исследованиях языка и письменности тангутов. В данной статье хотелось бы рассмотреть, какой вклад с точки зрения лингвистики внесли исследования Невского в последующее тангутоведение и насколько он был дальновидным, если посмотреть из сегодняшнего дня.

1. Исследования и материалы по фонетике тангутского языка

Среди источников, позволяющих объективно восстановить звуковой строй тангутского языка, существуют: 1) «внутренние источники», то есть те, что записаны только тангутскими знаками и указывают на словари рифм и таблицы рифм — «Гомофоны», «Море письмен», «Рассечение рифм пяти звуков» и 2) «внешние источники», то есть те, что обозначают звучание фонем другого языка с помощью тангутских знаков, или те, где к тангутским знакам добавлен фонетический комментарий на другом языке или письменности — тангутскокитайский сборник слов «Тангутско-китайский соответствующий времени [словарь] жемчужина на ладони», источники с тангутскотибетскими звуковыми соответствиями, дхарани (тангутско-санскритские звуковые соответствия). Невский использовал их комплексно, и к особым его заслугам можно причислить то, что он пролил свет на строй ряда словарей рифм, и то, что он подготовил материалы, где широко собрал тангутско-тибетские ряды звуковых соответствий. Расскажу о них по порядку.

1.1. Выяснение строя словарей рифм тангутского языка

В статье «О тангутских словарях» Невский всего лишь на 15 страницах ясно изложил сущность и дал очень точный очерк «Гомофонов» и «Моря письмен» — основных словарей рифм, имеющих большое значение в исследованиях тангутского языка.

Прежде всего кратко расскажу о строе этих словарей рифм с точки зрения фонетического анализа. В «Гомофонах» все слоги тангутского языка подразделяются на девять типов в зависимости от инициалей. Внутри каждого типа они подразделяются на те, у которых есть идентичные слоги (омофоны), и те, у которых таковых нет (одиночные слоги). Затем знаки, обозначающие идентичные слоги, выделяются с помощью кружка, тем самым разбиваясь на группы.

«Море письмен» состоит из основной части и приложения, которое называется «Море письмен, смешанные категории». Основная часть, в отличие от «Гомофонов», построена по принципу разделения в зависимости от рифмы (части слога без инициали). Сначала все слоги разделяются на две большие группы по основным тонам тангутского языка, ровному и восходящему. Затем они делятся на ряды рифм, как их отсортировали и упорядочили тангутские фонетисты (97 видов для ровного тона и 86 видов для восходящего). Далее они

группируются по той или иной рифме, после чего собираются в группы идентичных слогов. В приложении «Море письмен, смешанные категории» собраны неосновные слоги, не попавшие в «Море письмен». В нем можно увидеть отличное от «Моря письмен» расположение, при котором после разделения по тону слоги сортировались по рифме. В завершение, как и в «Гомофонах», знаки, обозначающие идентичные слоги, разделялись на группы с помощью кружков.

Пример расположения тангутских знаков, «имеющих одинаковое звучание», в разных словарях:

«Гомофоны»: 織, 離, 艱, 鄉, 蔵, 貍, 乳 〇 «Море письмен»: 織, 騺, 親, 瀬, 麗, 貍, 乳 〇

В рамках исследования словаря «Гомофоны» Невский, прокомментировав общую его структуру (введение, основная часть, колофон), осуществил разделение на группы по девяти типам инициалей (первых звуков слога) тангутского языка и предположил их длительность с точки зрения фонетики. В его предположениях практически нет ошибок даже с точки зрения современных исследований. Кроме того, он также правильно уловил смысл «идентичных слогов, то есть ключей, выражающих группу знаков в «Гомофонах», которые называются «выделяющими пометами». Из-за того что исследования Невского прервались, упорядочивание по таким группам, называвшимся «малыми типами» (小類), было продолжено лишь в исследованиях Нисида Тацуо (Нисида 1964, 1966), однако значение исследований Невского оставалось в силе.

Что касается работы Невского над «Морем письмен», она заключалась в исследовании части «Море письмен, смешанные категории». «Море письмен, смешанные категории», являясь дополнением к «Морю письмен», отличается от последнего классификацией и сортировкой слогов и обладает особой структурой. Невский, несмотря на фрагментарность и трудноуловимость общей формы «Моря письмен, смешанные категории», смог прояснить его структуру (которая схемой тон—инициаль—финаль превосходила аналогичные словари рифм китайского языка). Это также является заслугой, которую стоит отметить особо.

Разделение и расположение слогов в основных словарях тангутского языка:

«Гомофоны»: инициаль \to рифма «Море письмен»: тон \to рифма \to инициаль «Море письмен, смешанные категории»: тон \to инициаль \to рифма

1.2. Исследование тангутско-тибетских звуковых соответствий

Работа Невского «Краткое руководство к тангутским письменным знакам с тибетской транскрипцией» (1926) не потеряла своей ценности и сегодня (рис. 1). Это словарь, содержащий 334 тангутских знака, для которых Невский реконструировал звучание и значение и которые снабдил примерами их тибетских и китайских транскрипций. Кроме того, после он использовался и как подспорье при восстановлении звукового строя тангутского языка. Тибетские транскрипции чтения тангутских знаков из этого источника стали основой для таких исследований, как [Ван 1930] и [Вольфенден 1931, 1934]. Этот словарь также активно используется в работах [Дрим и Кепинг 1991] и [Аракава 1999]. До этого словаря уже публиковались важные и новаторские исследования, такие как «Обзор тангутской письменности» (1914) и «Обзор тангутской письменности» (1915). Однако все тангутские знаки, ставшие в них объектом анализа, были написаны уставным письмом. Кроме того, они были полными, без сокращений, или принадлежали известным названиям сутр. А материалом, с которым работал Невский в своем «Кратком руководстве», были фрагменты буддийских сочинений, записанных сокращенными знаками, рядом с которыми были такие же сокращенные тибетские знаки, что создавало большие сложности для прочтения. Такие фрагменты буддийских сочинений с тибетскими транскрипциями к тангутским знакам и на современном этапе исследований являются трудными для понимания письменными памятниками, которые полностью расшифровать невозможно. Невский не только тщательно анализировал такие трудные для понимания источники, но и оставил их в применимой сегодняшними читателями форме, что также не будет преувеличением назвать его исторической заслугой в исследовании фонетики тангутского языка

2. Грамматика тангутского языка: исследование Невским служебных слов в тангутском языке

Невский написал очень ценную статью по грамматике тангутского языка, а именно о служебных словах (или «служебных частицах», как он сам их называет). Это «Краткое исследование служебных частиц в тангутском языке», впервые опубликованное в 1930 г. в «Сборнике исторических статей в честь юбилея профессора Найто» [Невский

1930а]. Русский перевод статьи вошел в сборник «Тангутская филология» [ТФ1: 140–152]. Это было поистине передовое исследование, работа над которым в действительности была закончена еще в 1926 г. В данной статье Невский привел предположительные чтения, предварительные заключения о функциях и примеры использования 10 служебных слов тангутского языка, приведенных ниже. Объектом исследования служат грамматические элементы, которые и по сей день остаются неразрешенной проблемой, и можно только восхититься степенью знания проблемы и проницательностью автора.

Служебные слова тангутского языка, с которыми работал Невский:

- 2 ∰ *уе Можно предположить, что значение этого знака «для», «для того чтобы», но в некоторых случаях следует переводить как японские «ни», «о» или «но» (дательный падеж ₹ и притяжательный падеж € в японском языке примеч. пер.).
- 3 Ж *nu Как и говорил г-н Морис, это служебная частица инструментального падежа.
- *ri Похоже, что изначальное значение то же, что у японского «то» (англ. with), однако есть много случаев, когда его нужно переводить как «ни», «ёри», «кара» и т. д. (показатели дательного (ни) и исходного (ёри, кара) падежей в японском языке примеч. пер.)
- 6 $\mbox{\$}$ *ku В большинстве случаев является соединительной частицей в условных предложениях, соответствует японским «-ба» или «-ба сунавати» (глагольный аффикс $\sim \mbox{$\mid\mathcal{I}}$, выражающий значение условия в японском языке *примеч. пер.*).
- *ni При глаголе часто выражает приказ или указывает на наличие долга, а при существительном выражает призыв, то есть соответствует японским «бэси», «ё», «я» и т. д. (глагольные частицы べし, よ, や в японском языке).
- 8 **ж** *na При глаголе выражает значение указания с привлечением внимания, а также завершает фразу.
- 10 ₹ *də Об этой частице пока ничего нельзя сказать.

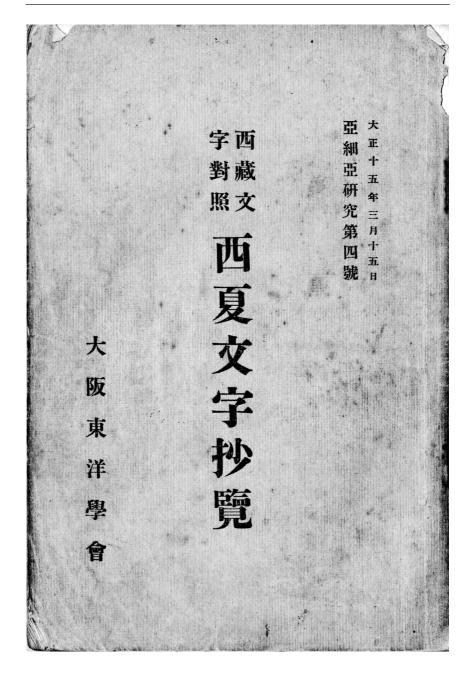

Рис. 1. «Краткое руководство к тангутским письменным

1	到	*li (si) — one {\bar{\gamma} gli \\ \gamma gli \\ \gamma kli \\ \gamma
	1	Cf. Čun-kia-tsi { le ao, dleo, leou deou, leu-deou-la A-hi t'i"; Lo-lo-po t'i"; Nyi t'i
2	甬	* 90
3	秘	*č'e ±. #. o (Dn č'e' Cf. Ch. šan (±); Io-lo-p'o dja³-to³ (dans chez, sur); Nyi tchò (chez); A-hi tchā'(devant)
*	庭	* šo(žo) 導(?) {可可? gšo? {ing ža

Даже с точки зрения современных исследований, суждения Невского в № 1, 3, 4, 6 абсолютно верны, предположения относительно № 2 и 9 также отличаются от уровня современных исследований незначительно. № 2 — это падежное окончание в тангутском языке. Известно, что в одних случаях он обозначает родительный падеж при соединении существительных, а в других винительный или дательный падеж при соединении существительного и глагола. Невский в своей статье приводит очень точные примеры, объясняющие оба случая. № 9 — это конечная вопросительная частица. В вопросительных предложениях тангутского языка есть также формы, когда к глагольной основе присоединяется префикс. Даже у сегодняшних исследователей остаются вопросы о случаях их использования.

№ 7 и 8 — это грамматические элементы, которые в современных исследованиях называют «личными суффиксами». Позже в исследованиях Кепинг и др. было замечено грамматическое явление «согласования личных местоимений» в тангутском языке. Это явление заключается в том, что в случае 1-го, 2-го и множественного лица помимо самой формы личного местоимения к глагольной основе присоединяется элемент, указывающий на то или иное лицо.

Пример «согласования личных местоимений» в тангутском языке:

<u>禰</u>	<u> </u>	綘	臘	簁	拯	懈	靜	氚
²ni:	² nI:	¹ myor	¹ ldenq	² thI:	² syu	?li?	¹wi:	² nga
You	pl	tathā	igata	this	like	pr	ay	I
艦	氚	夼	緇	熊	荔	戏	荔	<u> </u>
²jyan	1chyu	¹'e:	¹ gyu	¹ dzenq	² 'I:	¹ti:	² 'I:	²ni:
living-	things	CM	reli	eve	say	Neg	say	Suf (pl)

「汝等勿謂如来作是念我当度衆生」(VP25)

Согласование личных местоимений — это грамматическое явление, которого нет в тибетском или бирманском языке, но которое встречается в языках малых народов тибето-бирманской языковой семьи. Во времена, когда Невский занимался исследованием тангутского языка, ученые еще не располагали в достаточной степени

сведениями о языках малых народов тибето-бирманской семьи, поэтому нельзя критиковать его за то, что он не предположил такого явления. Согласно позднейшим исследованиям, № 7 — это личный аффикс «множественного числа», а № 8 — личный аффикс «второго лица единственного числа». Однако, примеры, которые приводит Невский, действительно являются «приказами второму лицу единственного числа/множественному числу». Так что Невский совсем не ошибся в своих наблюдениях. К тому же, с помощью всех предложенных Невским примеров (41)—(44) употребления служебного слова №7 [Невский 1930а: 448] можно убедиться в согласовании личных местоимений «мы» (первое лицо множественного числа) и «вы» (второе лицо множественного числа), так что Невский был всего в двух шагах от представлений современных ученых.

Примеры Невского [Невский 1930а: 448]:

№ 10 в современных исследованиях считается «глагольным префиксом». Однако у ученых до сих пор нет единого мнения о функциях и классификации подобных префиксов. Так что этот префикс можно назвать проблемой и для современных исследователей.

Типы глагольных префиксов в тангутском языке [Нисида 1989 и др.]:

тангутский знак, фонетическая реконструкция					
Префикс 1	Префикс 2				
Заключительная форма	_				

	Префикс 1			рикс 2
Направление	Заключительная форма (или указание направления)		Стрем	иление
вверх	彩	¹'a?-	茂	¹'e:-
вниз	義	¹na:-	龍	² ne:-
сюда	戮	¹ kI:-	雾	¹ke:-
туда	飨	² wI:-	粮	² we:-
внутрь	譿	²da:-	荐	² de:-
наружу	瓢	² rI:r-	櫈	²ryeq'2-

По мнению некоторых исследователей [Кепинг 1985, Gong 2003], $\%^2 dI$:- входит в число префиксов 1.

3. «Тангутская филология» и словари

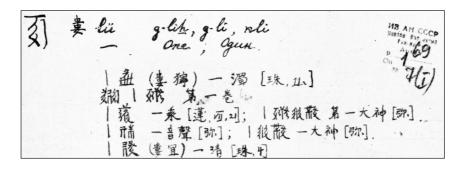
«Тангутская филология» Невского — последнее собрание известных нам результатов исследований Невским тангутского языка. Она имеется во многих библиотеках и в Японии, и знаменита даже среди тех тангутоведов, кто не знаком с русским языком, и активно ими используется.

Она включает в себя и исторические исследования, однако ядро ее составляют объемные фотокопии записей, которые можно назвать большим «Словарем тангутских знаков», он занимает значительную часть одного из томов. Важно и то, что с ее помощью можно ознакомиться и с работами Невского по тангутской фонетике и грамматике.

Ниже я хочу рассмотреть несколько примеров с точки зрения исследования тангутского языка.

В словарной статье на стр. 178 упомянутого труда помещен пример транскрипции с помощью тибетских знаков тангутского знака $| \vec{x} | ^1$ leu «один». В ней абсолютно правильно записаны возможные транскрипции: g-lih, g-li, kli. Жалко, что отчетливо не указан источник, однако это наблюдение таково, что его можно свободно использовать в современных исследованиях транскрипции тангутских знаков тибетскими буквами, что является еще одним подтверждением чрезвычайно высокого уровня дешифровки Невского (рис. 2).

Также есть много поражающих своей точностью указаний и в вопросах грамматики. В словарной статье на стр. 357 помещен знак д сh!: и пример. Вообще, это указательное слово со значением «тот», и на этот грамматический элемент обращают внимание и недавние исследования глагольных фраз в тангутском языке [Нисида

Puc. 2. «Тангутская филология», фрагмент

1989 и др.]. Конкретно он ставится между глагольным префиксом и глагольной основой. Например, форма «отрицательный префикс — chI: — глагол» означает что-то вроде «не делать это». Интересные примеры подобного типа Невский использует еще на раннем этапе исследований тангутского языка.

Пример Невского (ТФ1: 357)

Что касается глагольных префиксов а-, па-, kI-, wI- и др., которые в современных исследованиях считаются выражением «завершенности, желания», то, к сожалению, Невский не выяснил их функций. Структуры глагольных фраз в тангутском языке и особенно функции разного рода префиксов были вынуждены ждать новых исследователей, таких как К. Б. Кепинг (1968, 1971, 1985 и др.). Однако Невский собрал большое количество примеров сочетания «префикс и глагол», и у нескольких префиксов совершенно верно угадал значение «завершенности». Смею предположить, что такая способность к предвидению привела бы Невского к раскрытию функций префиксов, если бы его исследовательская деятельность продолжилась.

Заключение

Как сложились бы исследования тангутского языка и письменности, если бы Невский не встретил свою трагическую кончину? Наверняка он смог бы еще больше расширить лексический состав «Словаря тангутских знаков», включенного в «Тангутскую филологию», и собрать еще больше интересных примеров звуковых соответствий. Несложно вообразить, какой бы это внесло вклад в исследования тангуского языка Софронова (1968), Кепинг (1985), и насколько углубило бы впоследствии содержание «Словаря тангутского языка» Кычанова (2006). Одним словом, то, что его исследования были прерваны, привело к огромному застою в российском и мировом тангутоведении. Поэтому снова хочется выразить чувства глубокой скорби из-за того, что выдающийся ученый ушел, не реализовав и половины своего таланта. С уважением использовать достижения Невского и вести дальнейшие исследования является долгом для нас, современных тангутоведов.

Сокращения

- SD Saddharmapuṇḍarīka сутра (Лотосовая сутра)
- VP Vajracchedikā Prajñāpāramitā сутра (Алмазная сутра)
- ТФ Невский Н. А. Тангутская филология. Кн. 1–2. М., 1960.

Список использованной литературы

- 荒川慎太郎 (Аракава Синтаро). 「夏藏対音資料からみた西夏語の声調」 『言語学研究』第17-18号. 1999. Р. 27-44.
- 荒川慎太郎 (Аракава Синтаро). 『西夏文金剛経の研究』京都大学博士論文. 2002.
- 荒川慎太郎 (Аракава Синтаро). 「西夏語音復元のための各種資料」『歴史と地理』第629号(世界史の研究221): 2009. P. 27–35.
- *Driem G. van, Kepping K. B.* The Tibetan transcriptions of Tangut (Hsi-hsia) ideograms // Linguistics of the Tibeto-Burman Area. 14.1. 1991. P. 117–128.
- Gong Hwang-cherng(龔煌城). Tangut // The Sino-Tibetan Languages / Ed. by G. Thurgood and R. J. LaPolla. London: Routledge, 2003. P. 602–620.
- 生田美智子編. 『資料が語るネフスキー』 箕面: 大阪外国語大学. 2003.
- 加藤九祚. 『天の蛇-ニコライ・ネフスキーの生涯』東京:河出書房新社. 1976.
- 加藤九祚. 『完本 天の蛇ーニコライ・ネフスキーの生涯』東京:河出書房新社. 2011.
- *Кепинг К. Б.* (*Керріпд К. В.*). Категория вида в тангутском языке // Народы Азии и Африки. 1968. № 3. С. 134–139.
- Кепинг К. Б. (Kepping K. B.). A Category of Aspect in Tangut / Transl. with comment. by E. Grinstead // Acta Orientalia. 1971. XXXIII. P. 283–294.
- Кепинг К. Б. (Kepping K. B.). Тангутский язык. Морфология. М.: Наука, 1985.
- Кычанов Е. И. (составитель), *Аракава Синтаро* (сосоставитель). Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь. Киото: Филологические науки, Университет Киото, 2006.
- Невский Н. А. (Nevsky N. А., 聶壓山). 『西藏文字対照西夏文字抄覧』(亜細亜研究第四号), 大阪: 大阪東洋学会. 1926.
- Невский Н. А. (Nevsky N. А., 聶壓山). 「西夏助辭攷略」『内藤博士頌寿記念史学論叢』 (西田直二郎編)東京:弘文堂書房. 1930а.
- *Невский Н. А.* (*Nevsky N. A.*, 聶歴山). Concerning Tangut Dictionaries, 『狩野教授還暦記念支那学論集』東京・京都:弘文堂書房. 1930b.
- Невский Н. А. (Nevsky N. А., 聶壓山). Тангутская филология. Кн. 1–2. М.: Издательство восточной литературы, 1960.
- 西田龍雄. 『西夏語の研究』I, II, 東京:座右宝刊行会. 1964-66.
- 西田龍雄. 「西夏語」『言語学大辞典』中巻, 三省堂. 1989.
- $Coфронов \, M. \, B. \, (Sofronov \, M. \, V.)$. Грамматика тангутского языка. Кн. 1–2. М.: Наука, 1968.
- 王静如. 「西夏文漢藏訳音釈略」『歴史語言研究所集刊』2.2.1930.

- Wolfenden S. N. On the Tibetan transcription of Si-Hia words // Jornal of the Royal Asiatic Society. 1931. Vol. 47. P. 47–52.
- Wolfenden S. N. On the prefixes and consonantal finals of Si-Hia as evidenced by their Chinese and Tibetan transcriptions // Journal of the Royal Asiatic Society. 1934. Vol. 50. P. 745–770.

吉池孝一. 「西夏文字の解読」『KOTONOHA』56号. 2007. P. 11-18.

(Перевод с японского языка В. Щепкина)

Shintarō Arakawa

NIKOLAI NEVSKY'S ACHIEVEMENTS IN TANGUT LANGUAGE RESEARCH

The article summarizes the achievements of Nikolai Nevsky in his research of Tangut (Xi Xia) language, such as elucidation of the structure of rhyme dictionaries of Tangut language, research of Tibet transcriptions to the Tangut ideographs, research of the functional words in Tangut language and his activities in creation of the dictionary of Tangut ideographs.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА (по тексту рукописи № 6501, тангутский фонд, ИВР РАН)

При работе с неизвестной тангутской рукописью, в которой рассказывалось о возникновении тангутского государства, нам встретилось название «Белое Высокое государство» Г. Далее в тексте рукописи встретился ряд смысловых аналогий или аллегорий, которые могли являться еще и объяснением происхождения этого названия. Упоминание этого названия в общем смысловом контексте памятника делало этот текст интересным и особенно ценным, так как, во-первых, был упомянут конкретный исторический факт. Вовторых, потому что вопрос, связанный с выяснением этимологии оригинального названия тангутского государства — «Белое Высокое Великое государство», можно сказать, возник одновременно с самим тангутоведением и остается до настоящего времени одним из наиболее обсуждаемых в этой востоковедной науке. Наряду с вопросом о происхождении этого загадочного названия, существует еще ряд вопросов, имеющих прямое отношение к данной теме, а именно: с каким историческим периодом в развитии тангутского государства связано возникновение этого названия и, соответственно, какое историческое лицо или группа лиц были инициаторами создания и присвоения этого именования тангутскому государству².

Наименование тангутского государства Да Ся (Великое Ся) принадлежит первому тангутскому императору Юань-хао (годы правления 1032–1048). В письме к китайскому императорскому двору,

 $^{^{1}}$ Рукопись инв. 6501 из собрания тангутского фонда ИВР РАН.

 $^{^2}$ Казалось бы, очевидный ответ на этот вопрос — царствующий император — не является бесспорным.

в котором он провозглашал себя «Сыном Неба», Юань-хао писал в частности: «Государство мое названо Великим Ся». Выбор этого наименования отнюдь не случаен. Согласно китайским преданиям, в этом районе (провинция Шэньси) во II-III тысячелетиях до н. э. существовало «полулегендарное владение Ся» [Кычанов 1968. С. 52]. Династия Ся традиционно считалась первой китайской династией, и это название присваивалось некитайскими правителями, создававшими владения на территории Шэньси. Тангуты также являются примером этого заимствования, и Юань-хао, выбирая это название — Великое Ся — для создаваемого им нового государства, претендовал на то, чтобы считаться потомком правивших здесь в древности легендарных династий³. Более того, в тангутских и китайских текстах его родовое имя Вэймин передается в китайской транскрипции как Юй-ми (иногда Юй-ни), или глава рода Юй, что также, возможно, служит указанием на преемственность по отношению к легендарной китайской династии Ся, которую основал Великий Юй. На основании данных тангутских письменных источников полное официальное название тангутского государства выглядит следующим дарство Великого Лета»⁴. Сокращенное название выглядит следую-В научный оборот название «Белое Высокое государство» ввел китайский тангутовед Ван Цзин-жу (王靜如), который обнаружил его в предисловии к тангутскому переводу «Suvarna-prabhāsa-sūtra» и в статье «О названии государства Си Ся» (1932) дал первую версию происхождения этого названия. Эта статья вызвала полемический ответ Невского — статью «О наименовании тангутского государства» (1933), в которой он подробно изложил точку зрения Ван Цзин-жу и предложил свою версию происхождения названия [ТФ. Кн. 1. C. 33-50].

По мнению Ван Цзин-жу слово «長» («высокий») следует понимать не в лексическом значении, а фонетически — «ми», что одновременно является самоназванием тангутского этноса. В качестве усиления своей гипотезы Ван Цзин-жу также указывает на связь между тангутским самоназванием «ми», выраженным другим иероглифом 凝, и тибетским «ті», которое переводится как «человек». Таким образом, Ван Цзин-жу приводит два знака, которые

³ Великий Юй, легендарный правитель первой китайской династии.

 $^{^4}$ «Великое Лето» — буквальный перевод китайского названия древней династии Да Ся.

транскрибируются как ті, из которых один прямо, а другой косвенно указывает на самоназвание тангутов. Это отправная точка его рассуждений. Ван Цзин-жу усматривает прямую связь между произношением идеографа ¾ (mi) в самоназвании тангутов и второго идеографа [(ті) в названии государства. Согласно толкованию Ван Цзин-жу перевод названия тангутского государства выглядит так: «Государство Великого лета Белых ми». Невский возражает против данной трактовки названия и приводит собственный вариант, основанный на следующих аргументах: «Допустим... Ван Цзин-жу прав, что слово ті это название племени, восходящее к понятию человек, но зачем же название собственного племени передавать то одним идеографом..., то другим...? Неужели тангуты, изобретая весьма большое количество идеографов..., не изобрели никакого определенного идеографа для обозначения собственного племени?». В отличие от Ван Цзин-жу он считает, что слово [(ті) употреблено в названии в прямом лексическом значении «высокий», и согласно предложенной им трактовке все сочетание означает «верховья Белой (реки)». Белая река, по его мнению, это река Байшуй (白水) в Сычуани. В пользу своей гипотезы он приводит также следующие доказательства: в VII в. тангуты переселились из Сычуани в Ордос, и, соответственно, этот момент можно считать образованием первого тангутского государства; на юге Си Ся граничило с горами Миньшань, где находятся истоки Байшуй... По мнению Невского, название тангутского государства следует толковать как: «Государство Великого Лета верховьев Белой реки»⁵.

Е. И. Кычанов в своей монографии «Очерки истории тангутского государства» (1968) приводит обе эти версии и считает их «малоубедительными»: «В трактовке Ван Цзин-жу ...вызывает сомнение фонетическое употребление знака «высокий». ...Тангуты ...называли себя ми. Это доказал еще А. И. Иванов⁶. И он же определил, что свое самоназвание тангуты передавали знаком ¾¾7. ...Более того, Н. А. Невский, ...убедительно показал, что знак «высокий» читался

⁵ Подробно об этом см.: ТФ. Кн. 1 С. 34–35.

⁶ А. Й. Иванов (1877–1937) — китаевед, профессор Петербургского университета и сотрудник Азиатского музея, его по праву можно считать основоположником российского тангутоведения. Он первым начал описывать и изучать тангутские книги, привезенные из Хара-Хото. Он же указал на них своему ученику Н. А. Невскому, а также передал ему материалы, полученные в результате работы с коллекцией П. К. Козлова.

⁷ Этот знак (словарь, 2122) читается как mi и означает «тангут», «тангутский».

не 'ті, а 'тв'е»8. Вместе с тем, по его мнению, и трактовка Невского не очень убедительна. Тангутское государство никогда не распространяло своих южных границ до Сычуани. И одна из исходных посылок Н. А. Невского оказалась неточной... Н. А. Невский нашел сочетание слов «белый» и «высокий» в одной тангутской оде... Это послужило ему основанием для интерпретации словосочетания как «верховья Белой» и отождествить его с рекой Байшуй, но тангуты никогда не владели (этими — К. Б.) территориями, ...поскольку является сомнительным отождествление «верховьев Белой» с верховьями реки Байшуй, сомнительной является и сама трактовка непонятного словосочетания ... «верховья Белой (реки)», к тому же непонятно, куда исчезло слово «река» [Кычанов 1968. С. 53]. По мнению самого Е. И. Кычанова слово «белый», «судя по тибетским легендам... употреблялось в качестве этнонима у той группы племен китайско-тибетской границы..., с которой связано происхождение тангутов... Позднее, когда в Си Ся укрепился буддизм, термин «белый» мог связываться с распространением ...культа Майтрейи, с которым ассоциировался белый цвет. ...Второе слово ... употреблялось в прямом значении «высокий»... Именно как «высокий» переведено это слово и в полном китайском переводе наименования тангутского государства, обнаруженного ... в послесловии к сутре «Фо шо шэн да чэн Сань гуй и цзин»... Исходя из изложенного выше, мы предлагаем переводить наименование тангутского государства как «Белое Высокое государство Великого лета» [там же. С. 55]9.

В 1995 г. тангутовед-филолог К. Б. Кепинг обратилась к проблеме, связанной с происхождением названия Си Ся. Она опубликовала статью «Великое государство Белого и Высокого — официальное название тангутского государства». На основе, в первую очередь, выявленных закономерностей тангутской грамматики Кепинг подвергла сомнению предложенные ранее версии перевода названия и предложила свою версию происхождения и перевода названия тангутского государства. В ее текстологическом исследовании использован метод сравнительно-сопоставительной аналогии, материалом для которой послужили примеры из тангутских и китайских текстов. Кепинг считает, что данное название следует переводить: «Великое

 $^{^{8}}$ Согласно реконструкции М. В. Софронова данный знак читается как mbin [словарь, 5396].

⁹ В 1983 г. китайский тангутовед Ли Фань-вэнь опубликовал статью «Си Ся го мин бянь» (Суждения о наименовании государства Си Ся). Эта работа упоминается Е. И. Кычановым в предисловии к переводу памятника «Море значений, установленных святыми» [Кычанов 1997. С. 52].

государство Белого и Высокого». По ее мнению, происхождение названия связано с конкретным географическим местом: «Предложенное мною толкование названия тангутского государства позволило предположительно определить прародину тангутов — гора Белая Высокая Мать, из-под которой... бьют истоки Хуанхэ» [Кепинг 2003. С. 79]. Она также предлагает считать Высоким горы Хэланьшань, а Белым — реку Хуанхэ, усматривая в этих названиях, помимо географических обозначений, скрытый символический смысл: Высокое передает мужское начало, Белое — женское 10. Китайский тангутовед Ши Цзинь-бо считает Белое — Высокое (Бай Гао) названием тангутского государства, увязывает его с названием реки Байхэ. «Бай-Гао — это название реки, места происхождения тангутского народа, оно имеет «прямую связь с происхождением дансянов» [Ши Цзинь-бо 2005. С. 15].

В конце 90-х годов Е. И Кычанов еще раз вернулся к проблеме, связанной с происхождением названия тангутского государства. В предисловии к критическому изданию тангутского памятника «Море значений, установленных святыми» он пишет в связи этой проблемой: «Еще раз повторим, что Белый журавль спустился с белых высот. Хорошо известно, что слова «белый» и «высокий»... вошли в официальное наименование тангутского государства... Они были и являются объектом самых разных истолкований... Ныне с достаточной долей истинности мы можем полагать, что «белое-высокое», «белая высота», «белые высоты» — это указание на место происхождения или всего тангутского народа, или правящей династии... Можно не сомневаться в том, что «белое высокое», говоря несколько упрощенно, «белые высоты» — это обитель предков тангутов, место появления на свет всего тангутского народа... Если не всех..., то правящей династии Нгвеми. Поэтому, как нам представляется, слова «белый» и «высокий» в наименовании тангутского государства ...правильнее

¹⁰ Следует заметить, что критика названия государства на основании сформулированных правил тангутского синтаксиса представляется в настоящий момент несколько преждевременной и не столь категоричной. Существующая сейчас тангутская грамматика является лишь версией грамматики, основанной по преимуществу на работе с корпусом вполне определенных текстов, а именно — переводов с китайского языка. Этого материала явно недостаточно для полной реконструкции тангутской грамматики. Наш опыт работы с оригинальными тангутскими текстами позволяет говорить о наличии в них грамматических конструкций, которые не соответствуют сформулированным правилам. Здесь возможен целый ряд вопросов, имеющих отношение к возможному выделению нормативного тангутского письменного языка, уровнем развитости самого языка в устной и письменной речи, и, наконец, уровнем и степенью владения письменной речью тангутами.

всего переводить как «белое высокое», а наименование государства — как Великое государство Ся [потомков выходцев с] Белого Высокого. «Белое-высокое» являлось указанием на божественное происхождение народа (династии)... [Кычанов 1997. С. 53–54]. Позднее, не отступая от своей версии, он также напишет: «Видимо, белые высоты, вершины, с которых сошли предки тангутов, полагались и местом рождения рек... вообще. ...Возможно, это был и какой-то мифический сюжет, который мы... из-за отсутствия информации не в состоянии понять» [Кычанов 2008. С. 554].

Именно здесь мы обратимся к упомянутому в начале статьи памятнику — ритуальному астрологическому тексту, который содержит в себе изложение мифа, имеющего непосредственное отношение к рассматриваемой здесь теме. В нем описывается, возможно, императорский астрологический ритуал, который напрямую связан с мифическим происхождением тангутского «Белого Высокого государства» и правящей династии, основавшей его. Возможно, этот ритуал являлся построением «астральной» мандалы (мандалы почитания планетарных божеств), но так как в тексте отсутствует начало и конец, то в точности невозможно охарактеризовать его сюжет, структуру и жанровую принадлежность. Контекст же дает основание для целого ряда предположений Вэтой статье мы ограничимся тем, что приведем несколько фрагментов текста с упоминанием эпитета «белый», которые могут служить косвенным указанием на этимологию метафорического названия тангутского государства:

«...Глава рода Юй снизошел /с неба/ —

Так /небесное начало/ рода, династии/ было положено...

... На Юге, внутри Джамбудвипы 12 Белое Высокое государство императоров Вэй Мин /находится/

В вышине — звезда Солнце, чей облик белого цвета...

Великих планет Солнца и Луны божества — благородные мужи, /чей/ облик являет белый свет среди тьмы.

¹¹ Все эти аспекты, а также ряд других есть предмет отдельного текстологического исследования.

¹²Согласно индийской мифологии один из четырех материков (двипа), окружающих гору Меру, каждый из которых омывается океаном. Материк Джамбудвипа находился с южной стороны Меру и традиционно отождествлялся с Индией. Мифологические воззрения индуизма, воспринятые буддийской традицией, претерпели своеобразные изменения в мифологических воззрениях каждого народа в отдельности. Джамбудвипа, видимо, воспринимался тангутами как некая священная земля, обитать на которой, соответственно, также являлось признаком сакральности и превосходства правящей династии.

...Создана обитель, где живут потомки одетых в белые одежды: скотоводы, землепашцы, торговцы...

...Небо великих белых правителей создало и послало нам...

Создали вино, /дали/ белое одеяние...

На Юге внутри Джамбудвипы — Белого Высокого государства /Ван/ повелитель

С высоты /небес/ Ритуал /Ли/ получил/.

Род Юй, /который/ имеет Небесное происхождение, возник. Государюзащитнику кланяемся.

Немедленно появился на облачном троне сидящий Мбу /основатель/ рода Юй-ми... Земля без имени /возникла/ — праведная чистая обитель /рода/». (тангутский фонд, инв. 6501)

Эти строки взяты из разных частей текста памятника, однако они объединены смысловой целостностью, которую описали бы следующим образом: текст данного памятника совершенно ясно утверждает небесное, божественное происхождение правящего рода Юй-ми (Вэймин, Нгвеми), глава которого в присутствии духов планет и духов первопредков сошел с небес («белых высот»), чтобы основать на священном материке Джамбудвипа «чистую обитель», где поселились изначально «одетые в белые одежды» предки, основатели династии, а затем жили их потомки («скотоводы, землепашцы, торговцы...»). Белый свет небесных созвездий и планет, как неоднократно подчеркивается в тексте, сопровождал или влиял на акт творения. Зооморфный прародитель дансянов Мбэ, «Белый журавль», он же мифический первопредок тангутов, «отец черноголовых» Мбу наблюдал с небесных высот в окружении духов планет за возникновением «великого государства Белых Высот». Таким образом, содержание памятника совпадает с уже известными мифами и подтверждает предание в главном — в изначальном небесном происхождении правящего клана тангутов, а значит и всего народа, а соответственно и государства, в названии которого и содержится ясное, на наш взгляд, указание на это небесное начало — «Белое Высокое». Несомненно, что мы не можем категорично настаивать на этом толковании, но, в действительности, не следует ждать от этих текстов четких указаний и разъяснений относительно всех сопоставлений, которые были очевидны для авторов и современников этих текстов. Вряд ли мы обнаружим исторические сочинения периода Си Ся, где будет написано: «Белое Высокое государство называется так, потому что...». В принципе такого рода разъяснения свойственны скорее европейской научной традиции, которая, изучая совершенно другую культуру, пытается делать выводы, основываясь на обнаруженных

аналогиях. Как справедливо замечает в этой связи Е. И. Кычанов, «эти слова были понятны тем, кто знал тангутскую мифологию и тангутские предания» [Кычанов 2008. С. 553].

В связи со всем вышесказанным правомерен и такой вопрос: к какому именно периоду относится возникновение названия, переводимого «Белое Высокое государство»? Если предположить, что это название возникло или было введено после принятия Юань-хао титула императора и существовало параллельно с официальным названием Да Ся (Великое Ся), то многие вопросы, связанные с этимологией, отпадут. Прямым доказательством может быть только письменный источник, в котором был бы зафиксирован этот факт. В качестве косвенного доказательства следует учесть, что создание письменности произошло в период правления Юань-хао. Следовательно, все тангутские письменные источники датируются периодом после XI в. И в этих известных на сегодняшний день источниках тангутское государство называется, как правило, «Белое Высокое великое государство» («Великое государство Белого и Высокого»). Более того, в тексте рукописи содержатся упоминания об изобретении письменности, а также ряде государственных и общественных реформ, которые осуществил, согласно историческим источникам, Юань-хао. Таким образом, можно высказать в качестве предварительной гипотезы, что это название созданного Юаньхао тангутского независимого государства. Провозгласив себя «сыном Неба», императором, он, стремясь обосновать сакральность своей власти и всех своих действий, дал название государству, которое указывает на эту сакральность — на небесное происхождение и государства и правящего рода. Во всяком случае, текст данного памятника подтверждает именно эту версию происхождения названия

Библиография

Кепинг К. Б. Последние статьи и документы. СПб., 2003.

Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.

Кычанов Е. И. История тангутского государства. СПб., 2008.

Море значений, установленных святыми: Факсимиле ксилографа / Изд. текста, предисл., пер. с танг., коммент. и прилож. Е. И. Кычанова. СПб., 1997.

Невский Н. А. Тангутская филология. Кн. 1-2. М.,1960.

Словарь тангутского (Си Ся) языка / Сост. Е. И. Кычанов. Киото, 2006.

Софронов М. В. Грамматика тангутского языка: в 2 кн. М., 1968.

Ши Цзинь-бо. Си Ся шэхуй (Общество Си Ся). Т. 1. Шанхай, 2005.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965.

Kirill Bogdanov

ABOUT THE ORIGINS OF THE NAME OF XI XIA STATE (based on the manuscript 6501, Tangut fund, IOM RAS)

This article is a short description of Tangut manuscript from IOM RAS collection (P. K. Kozlov collection). This text (as many others from this great library) has never been under scrupulous research. The form and appearance of this book — (type binding, size) — testify in favor of Tangut authentic text (so it is not translation from Chinese or Tibetan languages). It is fragment of ritual and mythological text, which contains the evidence, concerned the origin of Tangut state and its ruling dynasty. The main significant characteristic trait of this text content is the new version explaining the origin of Tangut state name — White High state. It's one of the key disputable problems in Tangut studies.

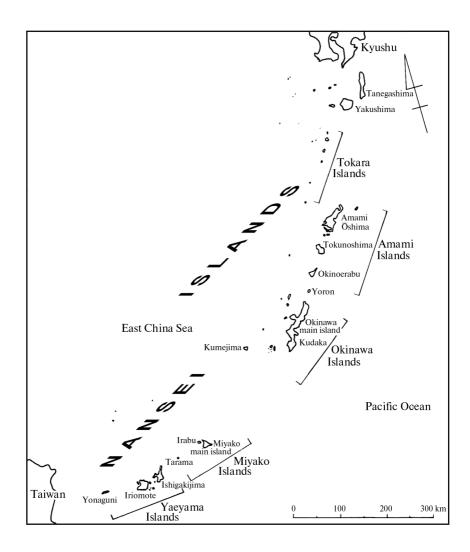
РАЗДЕЛ 5. Н. А. НЕВСКИЙ И РЮКЮ

Раздел «Н. А. Невский и Рюкю» открывается тремя специальными лекциями, прочитанными на «Невских чтениях» видными японскими учеными — уроженцами Окинавы (Т. Цуха, К. Каримата, С. Каримата). Лекции посвящены научным областям, в которых работал Невский, — этнографии, фольклору и языку Рюкю. В совокупности они представляют собой введение в науку о Рюкю/Окинаве и являются первым шагом к возрождению рюкюанистики в России, основы которой были заложены Н. А. Невским.

Основным предметом изучения Невского-рюкюаниста были о-ва Мияко. В статье М. Танака дается новый ответ на вопрос, почему ученый обратился именно к этим островам. Статьи Е. Бакшеева и А. Ярош посвящены главному труду в наследии Н. А. Невского по Рюкю — «Матерьялам для изучения говора островов Мияко» (из архива ИВР РАН).

В статьях \bar{P} . Кароли, Э. Дженкинса и Ж. Баженовой рассматриваются различные аспекты истории и культуры Рюкю.

Е. С. Бакшеев

Рюкю (острова Нансэй) (автор карты Е. Бакшеев)

К ВОЗРОЖДЕНИЮ РЮКЮАНИСТИКИ В РОССИИ: СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЛЕКЦИИ ПО КУЛЬТУРЕ РЮКЮ

Цуха Такаси (津波高志)

ДВЕ КУЛЬТУРЫ ОСТРОВНОЙ ДУГИ РЮКЮ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КУЛЬТУРАХ ОКИНАВЫ И АМАМИ

І. Введение

Цель настоящего доклада — познакомить российских исследователей с Рюкю в самых общих чертах с тем, чтобы понять географическое положение, историческое развитие и культуру островов Мияко, исследованиями которых занимался Н. А. Невский. Прежде всего хотелось бы пояснить географическое положение островной дуги Рюкю.

Японские исследователи называют «островной дугой Рюкю» (琉球弧) цепь островов, которая как гигантский лук протянулась к востоку от Китая между о. Кюсю (Япония) и Тайванем (см. рис. 1). Однако название «островная дуга Рюкю» имеет два смысла — широкое и узкое. В широком смысле «островная дуга Рюкю» — это название для всех островов от о. Танэгасима (種子島) на севере до о. Ёнагуни (与那国島) на юге. С другой стороны, в узком смысле название «островная дуга Рюкю» относится к четырем группам островов: острова Амами (奄美諸島), острова Окинава (沖縄諸島), острова Мияко и острова Яэяма (八重山諸島)¹. «Островная дуга Рюкю» (в узком смысле) совпадает с бывшими владениями королевства Рюкю (琉球王国); в настоящем докладе этот термин употребляется

¹ Это точка зрения японских ученых-рюкюанистов. Официально в Японии острова между Кюсю и Тайванем называются «островами *Нансэй* (букв. «Юго-западные острова», *Нансэй сёто:*). В них входят островные группы: Сацунан (О:суми, Токара и Амами), Рюкю (Окинава, Мияко и Яэяма) и Дайто:. Подробнее см.: Географическая справка // Бакшеев Е. С. Наследие Н. А. Невского по культуре Рюкю (Окинавы) и его изучение в России и Японии: достижения, проблемы, перспективы // Ориентализм / Оксидентализм: Языки культур и языки их описания. М.: Совпадение, 2012. С. 365–366 (*примеч. пер.*).

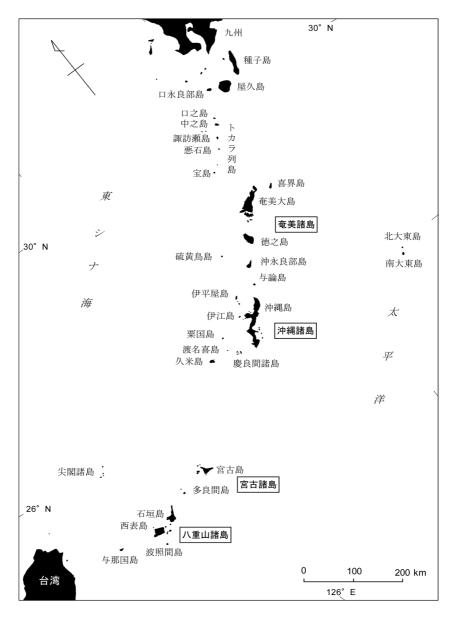

Рис. 1. Карта островной дуги Рюкю

в таком узком смысле. Расстояние от о. Амами-О:сима (奄美大島) до о. Ёнагуни составляет около 800 км.

Через островную дугу Рюкю между о. Ёрон (与論島) и о. Окинава (沖縄島) проходит граница между префектурами Японии. О-ва Амами от о. Ёрон на север входят в префектуру Кагосима, а группа островов Окинава, состоящая из главного острова Окинава и соседних островов, и южные группы Мияко и Яэяма составляют отдельную префектуру Окинава. Чтобы понять культуру Рюкю, необходимо знать исторический фон, на котором возникла эта граница между префектурами.

До XII в. острова «островной дуги Рюкю» пребывали в доисторической эпохе; культурная преемственность по всей территории дуги не наблюдается. Группы островов Амами и Окинава находились под влиянием северной культуры региона Кюсю, а острова Мияко и Яэяма испытывали влияние южной культуры региона Филиппин. Острова дуги Рюкю были политически объединены только в XV в., а именно в 1429 г., королевством Рюкю (琉球王国). Королевство Рюкю вступило в систему вассально-даннических отношений (саппо: 冊封) с Китаем и процветало как торговое государство. Однако в 1609 г. оно подверглось нападению со стороны княжества Сацума (薩摩藩) с о. Кюсю. В результате о-ва Амами к северу от о. Ёрон были отторгнуты от королевства Рюкю и подпали под прямое господство княжества Сацума. С другой стороны, прочие территории королевства Рюкю попали под непрямое господство княжества Сацума с формальным сохранением королевства Рюкю.

В 1871 г. правительство Японии эпохи Мэйдзи включило о-ва Амами в префектуру Кагосима, а из других территорий в следующем 1872 г. создало княжество Рюкю (琉球藩). В 1879 г. правительство Японии упразднило княжество Рюкю и создало префектуру Окинава (沖縄県).

В 1945 г. после поражения Японии в войне, острова дуги Рюкю от о-вов Амами до о-вов Яэяма оказались под контролем армии США. В 1953 г. о-ва Амами были возвращены в префектуру Кагосима, а острова от группы Окинава до Яэяма в 1972 г. были возвращены Японии и вновь сформировали префектуру Окинава.

II. Культура Амами и культура Окинавы

Различия в системе господства (прямое и непрямое господство княжества Сацума) и территориально-административные различия начиная с эпохи Мэйдзи разделяли Амами (острова) и Окинаву (префектуру Окинава) почти 400 лет, за исключением восьми лет

американской оккупации после Второй мировой войны. За это время в присущей им общей рюкюской культуре возникли большие различия.

Так, на Амами, которые в течение 400 лет находились в непосредственном соприкосновении с японской культурой Сацума-Кагосима, отмечается заметная культурная трансформация («аккультурация») (文化変容 acculturation). Там сформировалась собственная культура Амами, которая не является ни культурой Окинавы, ни культурой Кагосимы. Другими словами, сейчас на островах дуги Рюкю сосуществуют культура Окинавы и культура Амами.

Я хочу на простых конкретных примерах — традиционная борьба сумо и методы погребения — рассмотреть общее и особенное в культурах Окинавы и Амами. Я намерен показать, какая конкретно культурная трансформация («аккультурация») возникла на Амами и какие отличия от Окинавы она породила.

Типы традиционной борьбы *сумо* на Рюкю и их трансформация

1) Амами и Япония: татиай-сумо (立ち会い相撲)

На Амами в настоящее время практикуется так называемое татиай-сумо (рис. 2, 3), которое получило распространение в результате контакта с японской культурой Сацума. В Японии широко практикуется именно этот тип сумо. При этом типе сумо соперники готовятся к схватке из положения, когда они находятся на некотором расстоянии и не касаются друг друга. Схватка начинается с одновременного рывка обоих борцов навстречу друг другу и столкновения («татиай»). При столкновении применяются приемы для осуществления эффективной тактики спарринга («кумитэ»).

2) Традиционный Рюкю: куми-сумо (組み相撲) Ранее в традиционном Рюкю — и на Амами, и на Окинаве — практиковалось так называемое куми-сумо (рис. 4-6). При этом типе сумо соперники готовятся к схватке из контактного положения. Применяется техника борьбы, когда они с самого начала держат друг друга за пояса.

3) Сумо на Амами и Окинаве в наши дни

На Амами под влиянием Сацума произошел переход от традиционного для Рюкю куми-сумо к общеяпонскому татиай-сумо, причем заимствованный тип борьбы полностью вытеснил исконный (см. цв. вкл., ил. 5). С другой стороны, на Окинаве после ее воссоединения с Японией также был воспринят общеяпонский тип сумо, но исконный куми-сумо продолжает существовать; таким образом на Окинаве

Рис. 2. Сумо Амами (тип татиай-сумо). Соперники перед началом схватки

Рис. 3. Сумо Амами (тип татиай-сумо). Начало схватки

Рис. 4. Сумо Окинавы (тип куми-сумо). Соперники перед началом схватки

Рис. 5. Сумо Окинавы (тип куми-сумо). Финал схватки

Рис. б. Сумо Окинавы (тип куми-сумо). Проведение приема

в настоящее время сосуществуют оба типа сумо. Схватки исконного куми-сумо до сих пор широко проводятся на Окинаве во время традиционных праздников.

Методы погребения на Окинаве и Амами: от «воздушного» захоронения к ингумации и кремации

В наши дня стандартная могила на Амами по внешнему виду почти такая же, как и по всей территории основной Японии (рис. 7, 8). С другой стороны, на Окинаве родовая гробница (монтю:бака 門中墓), которая принадлежит патрилинейному роду (父系出自集団) и называется «панцирь черепахи», по внешнему виду полностью отличается от семейной гробницы (рис. 9; цв. вкл., ил. 6).

Различия во внешнем виде гробниц на Амами, и на Окинаве в наши дни имеют своим истоком различия в культурной трансформации в этих регионах.

1) «Воздушное» захоронение — метод захоронения, при котором тело не погребается в земле.

Ранее и на Амами, и на Окинаве существовал метод «воздушного» захоронения (фу:со: 風葬), которое сопровождалось «обмыванием

Puc. 7. Современная стандартная могила на Амами

костей» и перезахоронением (сэнкоцу кайсо: 洗骨改葬) (рис. 10, 11). Другими словами, для Амами и для Окинавы была характерна особая культура обращения с телом усопшего, в которой останки не погребаются в земле.

2) Изменения методов захоронения на Амами.

На Амами «воздушное» захоронение под влиянием культуры Сацума-Кагосима сменилось ингумацией — погребением в земле (土葬), и внешняя форма могил также неизбежно поменялась. Далее, в 1970-х годах из Японии была заимствована кремация (火葬), и внешняя форма могил вновь изменилась и приняла вид, распространенный в наше время по всей территории основной Японии.

3) Изменения методов захоронения на Окинаве.

Ранее на Окинаве ингумация не проводилась. Могилы с «воздушным» захоронением претерпели изменения, но существуют

Puc. 8. Тип современной стандартной могилы, распространенной по всей Японии

Рис. 9. Современная семейная гробница на Окинаве

Рис. 10. Гробница для «воздушного» захоронения (вид снаружи)

 $Puc.\ 11.\$ Гробница для «воздушного» захоронения (вид внутри). После «обмывания костей» (*сэнкоцу*)

до настоящего времени. В 60-х годах XX в. из Японии была внедрена кремация, но внешняя форма могил не так уж сильно изменилась.

III. Заключение: Две культуры островной дуги Рюкю

Культура подвержена постоянным изменениям. Но в зависимости от исторических условий характер этих изменений у единой прежде культуры может быть разный. На Амами из-за длительных непосредственных контактов с японской культурой Сацума-Кагосима произошла заметная культурная трансформация («аккультурация»). На Окинаве также произошли изменения, но, как видно на примере сумо и формы гробниц, эти изменения иного характера, чем на Амами. Нынешнее положение таково, что некогда общая культура Рюкю разделилась на культуру Амами и культуру Окинавы.

Наряду с этим необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в доисторическую эпоху острова Мияко и Яэяма находились под влиянием южной культуры региона Филиппин. Другими словами, хотя в текущий момент культура дуги Рюкю разделена на культуру Амами и культуру Окинавы, то в доисторическую эпоху культурная граница пролегала между островами Мияко и островами Яэяма. То есть на островной дуге Рюкю тогда тоже было две культуры, но в ином, чем сейчас смысле. Эти два региона (острова Мияко и острова Яэяма) обрели общую культуру Окинава благодаря объединению в рамках королевства Рюкю.

Чтобы понять культуру островов Мияко, исследованиями которых занимался Н. А. Невский, необходимо видеть общую фундаментальную картину и помнить о двух культурах островной дуги Рюкю — в прошлом и настоящем. Только на этой основе можно определить более частные характеристики и рассчитывать приблизиться к научному наследию самого Невского.

Литература

Хигаси Адзиа-но матихо корю-но како то гэндзай (Прошлое и настоящее межрегиональных связей в Восточной Азии) / Под ред. Цуха Такаси. Токио: Сайрюся, 2012.

Цуха Такаси. Окинава кара мита Амами-но бунка хэнъё (Аккультурация на Амами — Взгляд с Окинавы). Токио: Дайитисёбо, 2012.

(Перевод с японского языка Е. Бакшеева)

Takashi Tsuha

TWO CULTURES IN THE RYUKYU ISLAND ARC — THE COMMON AND THE DIFFERENT IN THE CULTURES OF OKINAWA AND AMAMI

The Ryukyu Island Arc extends from the Amami Islands to the Yaeyama Islands. In the 15th century, the Ryukyu Kingdom encompassed the entire archipelago. Before that, there were two general culture areas, the border being between the Okinawa islands and the Miyako islands. Now, the major division is between Amami islands and Okinawa islands as a result of armed aggression by Satsuma-han about four-hundred years ago. When we examine N.Nevsky's account of the Miyako islands, these facts should be considered.

Каримата Кэйити (狩俣恵一)

ОЧЕРК УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА РЮКЮ

I. Введение

Рюкюские языки родственны японскому языку и подразделяются на язык Амами (奄美語), язык Кунигами (国頭語), язык Окинава (沖縄語), язык Мияко (宮古語), язык Яэяма (八重山語) и язык Ёнагуни (与那国語). Таким образом, рюкюские языки охватывают следующие культурные зоны: острова Амами (язык Амами), острова Окинава (язык Кунигами и язык Окинава), острова Мияко (язык Мияко), острова Яэяма (язык Яэяма и язык Ёнагуни).

Как единое государство королевство Рюкю было основано в XV в. с центром на о. Окинава и находилось в вассально-даннических отношениях (сакухо:/canno: 冊封) с Китаем. В начале XVII в. оно подверглось агрессии со стороны японского княжества Сацума. С того времени о-ва Амами оказались в подчинении княжества Сацума (сейчас они входят к префектуру Кагосима). Кроме того, княжество Сацума осуществляло фактическое управление островами Окинава, островами Мияко и островами Яэяма. При этом оно допустило сохранение вассально-даннических отношений королевства Рюкю с Китаем.

Затем королевство Рюкю в 1879 г. стало префектурой Окинава японского государства, в 1950 г. — «Подопечной территорией» США, с 1972 г. — вновь префектурой Окинава. Другими словами, королевство Рюкю будучи политически под контролем и Китая, и Японии, сохранило свою государственность. Рюкюское устное народное творчество, как и рюкюские языки, находится в родственных отношениях с японским устным народным творчеством.

Рюкюское устное народное творчество включает три жанра: песенное творчество (歌謡), театр (芸能) и прозаическую литературу (説話). На Рюкю у дворянства и крестьян устное творчество несколько различалось. То ли из-за того, что такие отличия были невелики,

то ли из-за того, что культуру Рюкю рассматривали как культуру одного из регионов Японии, прежние исследования выделяли в рюкоском устном творчестве три жанра (песни, театр и литература), но игнорировали культурные различия в сословном обществе Рюкю. Однако это были различия не только между придворными ритуальными песнями *оморо* и региональными обрядовыми песнями, или между дворянскими песнями *рю:ка* и крестьянскими повествовательными песнями, но и явные различия между придворным и народным театром, между государственными и народными мифами.

Устное творчество дворянства записывалось и передавалось, в частности, в виде сборника придворных ритуальных песен «Оморо-со:си» (『おもろさうし』), сборника песен рю:ка «Рю:ка хякко:» (『琉歌 百控』)¹, сборника драм куми-одори «Кумиодори-сю:» (『組踊集』); была также создана нотная запись «кун-кун-си» для записи музыки, исполняемой на сансине.

По части нотной записи, песни дворянства, для аккомпанемента которых использовался, в основном, *сансин*, и крестьянские песни, которые исполнялись в сопровождении хлопков в ладоши или под барабанный бой, также отличались. Почти всё творчество крестьянства передавалось изустно, и было записано на бумаге только в новое время.

Итак, между дворянством и крестьянством имелось различие в и способах бытования и передачи устного творчества. Ниже рассмотрим рюкюское устное творчество с этой точки зрения.

- І. Песенное творчество Рюкю.
- 1) Народные песни крестьянства.
- А. «Песни-переклички», «или песни-диалоги» малой поэтической формы (исполняются без аккомпанемента инструментов).
- В. Песни крупной формы (исполняются хором, например, в сопровождении хлопков руками и малого барабана).
- С. Повествовательные песни («песни-сказания») (исполняются хором, например, в сопровождении хлопков в ладоши и малого барабана).
 - 2) Песенное творчество дворянства.
- А. Песни *оморо* (ритуальные песни королевского двора Рюкю, исполнялись без аккомпанемента инструментов).
- В. Песни рю:ка (песни малой поэтической формы с размером 8-8-8-6, исполняются соло).

 $^{^{1}}$ «Рю:ка хякко:» — старейший сборник песен рю:ка, составлен в 1795–1802 гг., содержит 601 песню (*примеч. пер.*).

- С. *Фуси-ута* (песни в стиле *фуси*) (в эпоху королевства Рюкю исполнялись, в основном, дворянством о-вов Яэяма).
- D. Сима-ута («песни островов») (песни для сансина островов Амами).
 - II. Театральное искусство Рюкю.
- 1) Фольклорный театр крестьянства (обычно называют «мураодори»— «деревенскими плясками»).
- 2) Коммерческий театр с 1879 г. (обычно называют «Окинава сибай» «Окинавскими представлениями»).
 - 3) Придворное театральное искусство дворянства.
 - А. Классические танцы Рюкю.
- В. Драма куми-одори (музыкальная драма с пением, диалогом и музыкой).
 - III. Устная прозаическая литература Рюкю.
 - 1) Народная прозаическая литература крестьянства.
- А. «Истории о происхождении», или «рассказы о возникновении»: в качестве «историй о происхождении», кроме мифов и легенд Рюкю, также рассказывали японские сказки и другие истории.
- В. Сказания о «радостях и печалях»: старинные рассказы («сказки»), былички и др.
- 2) Прозаическая литература дворянского общества Рюкю: мифы и легенды королевского двора Рюкю.

Кроме упомянутых трех жанров рюкюского устного творчества, также бытовали магические тексты («заклинания» 咒詞) жриц, близких к королевскому двору, и народных «шаманок»; форма этих текстов часто была близка народным заговорам (咒詞) и «священным песням» (神歌).

II. Песни Рюкю

1) Народные песни крестьянства

Народные песни (民間歌謡) крестьянства подразделяются на песни малой и крупной поэтических форм. «Песни-переклички» малой формы, а также заклинания (呪言), или заговоры (唱えの言葉), вроде «кускэ:» (яп. «кусо кураэ») и «кувабара», как считается, дали начало всем песням малой поэтической формы Рюкю, например песням тубара:ма², которые пели на о-вах Яэяма, и песням рю:ка с размером 8-8-8-6. Полагают, что песни «вопросов и ответов»

² Исследователи называют их «любовными песнями» (примеч. пер.).

(«песни-диалоги») изначально относились к малой поэтической форме, но из-за удлинения вопросов и ответов их форма укрупнилась.

Далее, песни нагарэ (ナガレ) о-вов Амами, песни умуй куэ:на (ウムイ・クェーナ) о-вов Окинава, песни нири а:гу (ニーリ・アーゲ) о-вов Мияко, песни аё: (アョー) о-вов Яэяма и другие песни крупной поэтической формы тесно связаны с магическими текстами крупной формы, которые возглашали жрицы норо и шаманки юта. Кроме того, среди повествовательных песен крупной формы много таких, в которых поется о жизненных трагедиях и любви.

А. «Песни-переклички» (呼びかけ歌), или «песни-диалоги» (問答歌謡) малой поэтической формы (исполняются без аккомпанемента инструментов).

«Песни-переклички» обращаются к явлениям природы, животным и растениям или приказывают им. Примером может служить детская песенка (варабэ-ута) «Светлячок» («Хотару»). Она похожа на такие японские детские песенки, как «Эй, светлячок, прилетай!» («Хо! Хо! Хотару кой!»).

В песне «Светлячок» поется:

«Светлячок, светлячок, выпей в кабачке водицы!» (рюкюс. «дзин дзин сакая ну мидзи кувати»).

«Прилетай, светлячок, улетай, светлячок, светлячок!» (рюкюс. «утири ё: дзин дзин агари ё: дзин дзин»).

В «песнях-перекличках», или «песнях-диалогах» каждому вопросу соответствует ответ, т. е. призыву (呼びかけ) соответствует «отклик», поэтому их еще называют «песнями-отликами» (「応答歌」). Примером может служить «старинная песня *тубара:ма*» (「昔トゥバラーマ」).

В первых двух строфах песни женщина обращается к мужчине с вопросом: «Почему ты вчера вечером не вышел из дому?». 3—4-я строфы — это ответ мужчины: «Шел дождь, и ветер дул — вот и не вышел». В 5—6-й строфах женщина вновь обращается к мужчине: «Дождь идет — возьми зонт, ветер дует — надень накидку и гэта, и выходи!». В 7—8-й строфах в ответ на это мужчина возмущенно оправдывается: «Какой тут зонт, когда такой ливень! Какие тут накидка и гэта, когда такой ураган!».

В. Песни крупной формы (исполняются хором, например, в сопровождении хлопков в ладоши и малого барабана).

Среди песен крупной формы много обрядовых песен, которые исполнялись коллективно в местах проведения официальных церемоний. В некоторых из них широко используется параллелизм слов и строк (対語・対句) и подробно поется о производственном процессе. Вот песня аё: крупной формы — «Песня при посадке риса» (рюкюс. «Ини га тани аё:», яп. 「稲が種子アョー」).

Эта песня с 1-й по 6-ю строку поется в медленном темпе, а с 7-й по 27-ю — в быстром. Ее содержание — если разделить песню на пять смысловых блоков — таково.

- (1) После сева будет благодатный дождь, взойдут ростки. Чтобы они росли как шерсть у собаки или кошки, вырвем сорняки. В летнюю пору они вытянутся как мискант *сусуки* или «трава силы».
- (2) Выйдет великий колос, завяжется крепкое как камень зерно. Придет урожайная пора с благодатной погодой.
- (3) Женщины понесут собранное просо, поставив [кули] на голову. Мужчины понесут собранное просо, взвалив [кули] на спину.
- (4) Каждый дом заполнится собранным урожаем, большие амбары переполнятся. А из остатков сварим священное питье *о-мики* и поднесем богам. Прежде всего, пригласим жриц, а за ними замужних тетушек и сестер-хранительниц (*онари-гами*) и отведаем праздничного вина. Будем с наслаждением вкушать вино из пиал, а священное питье *о-мики* из двуручных чаш.
- (5) Вот о таком урожае истово помолимся. Чтобы всё, о чем молились, чего желали, исполнилось!

С. Повествовательные песни (物語歌謡) (исполняются хором, например, в сопровождении хлопков в ладоши и малого барабана)

Во многих повествовательные песнях поется о происшествиях и слухах, которые стали предметом обсуждения в деревенском мирке; они исполнялись на рабочих местах или в банкетных залах. После 1879 г. *сансин* и приемы игры на нем быстро распространились в народе; при этом многие повествовательные песни стали исполняться как народные.

«Асадоя *юнта*»³ — типичная повествовательная песня. В то время на о. Такэтоми вновь назначенные чиновники приезжали с о. Исигаки. Они приезжали без семей и искали хорошенькую девушку в качестве временной «местной жены». Среди жителей острова также было много таких, кто хотел сделать свою дочь «местной женой»

 $^{^3}$ «Асадоя» — неофициальное название дома, откуда была родом красавица Куяма. *Юнта* — песенный жанр о-вов Яэяма (*примеч. пер.*).

чиновника, поскольку в таком случае они освобождались от подушного налога и получали вознаграждение.

И когда прибывает вновь назначенный чиновник, на острове поднимаются пересуды, чья же дочь станет его временной женой. И вдруг неожиданно, под устремленными на нее всеобщими взорами, красавица Куяма отказывается от такого предложения. А причина этого в том, что она уже дала свое согласие начальнику этого чиновника. И тогда этот чиновник, чтобы отомстить Куяме и не уступить своему начальнику, отправился на поиски красавицы в соседнее селение Накасудзи и сговорился со случайно встреченной им по пути девушкой по имени Исукэма. Таково содержание песни «Асадоя юнта».

2) Песенное творчество дворянства

А. *Оморо* (ритуальные песни королевского двора Рюкю, исполнялись без аккомпанемента инструментов).

Песни *оморо* (才モロ) записаны в антологии «священных песен» «Оморо-со:си» (в 22 томах), которая составлялась при королевском дворе Рюкю в три приема. Первый том был составлен в 1531 г., второй — в 1613 г., тома с 4-го по 22-й — в 1623 г. Полагают, что было два стиля исполнения *оморо*: (1) группа жриц пела *оморо* хором, танцуя; (2) мужчины из рода Ания, придворные чиновники «по делам *оморо*», исполняли соло; до нашего времени сохранилась только традиция исполнения рода Ания.

Придворные чиновники «по делам *оморо*» из рода Ания пели *оморо* очень протяжно, поэтому понять смысл стихов нелегко. Песня *оморо* «Аорияхэ га фуси» которая исполнялась во время праздника колошения риса (稲穂祭り) («Оморо-со:си» 5:11; 22:1). Если расшифровать ее текст, то содержание таково.

Первая строфа: «По приказу Амамикё [божества-творца Рюкю], жрица, спустись на этот великий остров. Государь, правь до скончания веков!».

Вторая строфа: «По приказу Синэрикё [божества-творца Рюкю], жрица, спустись на этот великий остров».

⁴ «Аорияхэ га фуси» значит «Песня [жрицы] Аорияхэ». Аорияхэ (иначе: Афурияэ, или Аорияэ) — титул Верховной жрицы «королевства» Хокудзан (до 1416 г.), а затем — региона Кунигами (северная часть о-ва Окинава) в едином королевстве Рюкю. После создания в королевстве Рюкю иерархической системы жриц она заняла в ней второе место после Кикоэ о:гими — Верховной жрицы королевства Рюкю (примеч. пер.).

4-я и 5-я строфы: «Жрица, вручи государю цветущие колосья риса, но не вручай колоса со ржавчиной. Вручи государю верхушки колосьев риса, но не вручай колоса со ржавчиной».

Другими словами, эта *оморо* — обрядовая песня, которая молит о здоровом росте риса и о богатом урожае.

В. *Рю:ка* (песня малой поэтической формы с размером 8-8-8-6, исполняется соло).

Рю:ка (琉歌 «рюкюская песня») получила свое название по аналогии с классической формой японской поэзии вака («японская песня»). Дворянство Рюкю дало такое название рюкюским песням с размером 8-8-8-6 (30 слогов) по образцу вака с размером 5-7-5-7-7 (31 слог). Различие еще и в том, что вака утратила свою музыкальную и природу и не поется, а декламируется, то время как большинство рю:ка — это «рю:ка для пения», а «рю:ка для чтения» — это всего лишь подражание вака. Кроме того, «рю:ка для пения» исполняются под аккомпанемент сансина, а также флейты, кото, барабана, кокю: 5 и других инструментов.

«Песня о могучем быке» («Кутибуси») показывает специфический литературный стиль *рю:ка*. В ней поется: «вечная сосна (8 слогов), «никогда не меняется» (8 слогов), «но когда приходит весна» (8 слогов), «еще больше зеленеет» (6 слогов). Несмотря на название, в песне нет ни слова о быке; ее смысл таков: «Весной даже сосна зеленеет и становится краше».

С. Φ *уси-ута* (песни в стиле ϕ *уси*) (в эпоху королевства Рюкю исполнялись, в основном, дворянством о-вов Яэяма).

Фуси-ута (フシ歌) исполняются под аккомпанемент сансина, а также флейты, кото, барабана, кокю: и других инструментов. Они берут свое начало из повествовательных песен, которые сохранялись — как уже говорилось — в крестьянской среде о-вов Яэяма. Другими словами, повествовательные песни крестьянства, которые пелись в сопровождении хлопков в ладоши и боя барабана, стали исполняться дворянами о-вов Яэяма под аккомпанемент сансина и других инструментов. А нотная запись «кун-кун-си» (工工四) для музыки сансина при аккомпанементе фуси-ута, была усвоена от дворян главного острова Окинава.

D. *Сима-ута* (песни для *сансина* о-вов Амами).

Особенность *сима-ута* (島唄), песен для *сансина* о-вов Амами, в том, что они поются фальцетом. Поэтому на *сансине* о-вов Амами, который несколько отличается от *сансина* о-вов Окинава, играют

 $^{^{5}}$ Кокю: — японский струнный смычковый музыкальный инструмент (*примеч. пер.*).

в высокой тональности. Кроме того, на Амами для *сансина* не используется нотная запись «кун-кун-си» и с ним не выступают в ансамбле. Раньше *сима-ута* обычно исполняли соло.

На о-вах Амами есть повествовательные песни крупной поэтической формы и песни малой формы типа *рю:ка* с размером 8-8-8-6.

III. Театральное искусство Рюкю

В состав театрального искусства Рюкю входят «фольклорный театр» (「民俗芸能」) и «придворный театр» (「宮廷芸能」), а также с 1879 г., после возникновения префектуры Окинава, «коммерческий театр» (「商業芸能」).

Кроме того, после исчезновения королевского двора придворное театральное искусство было канонизировано и пошло по пути классического театра.

По сравнению с классической музыкой, о которой речь шла выше, песни, которые жили в народе — повествовательные песни крупной формы, песни рю:ка, сима-ута о-вов Амами, фуси-ута о-вов Яэяма — поются в сопровождении сансина и называются «народными песнями» (「民語」). Сансин, который пришел из Китая, стал инструментом, под который исполняются песни Рюкю, и сильно изменился.

1) Региональный фольклорный театр (обычно называют «деревенскими плясками» — «мура-одори» 「村踊り」).

К фольклорному театру относятся: танцы (под открытым небом) как культовое действо, а также танцы, комические сценки («кёгэн»), драма куми-одори и т. д. (на временной сцене) как увеселение. Представления развлекательного характера, исполняемые во время общинных («деревенских») праздников, испытали влияние придворного театрального искусства, а также с 1879 г. вошли в программу коммерческого театрального искусства «Окинава сибай» («Окинавских представлений»).

2) Коммерческий театр с 1879 г. (обычно называют «Окинава сибай» 「沖縄芝居」 — «Окинавскими представлениями»).

В коммерческом театре, родившемся после 1879 г., исполнялись оригинальные придворные танцы (宮廷舞踊) и драма куми-одори, но публика ходила плохо, и пришлось создавать новые жанры. Так были созданы «смешанные танцы», или «танцы разного рода» (雑踊り), «пьеса на окинавском диалекте» (沖縄方言劇), «окинавская опера» (沖縄歌劇) и др. Кроме того, среди актеров коммерческого театра

были и такие, кто не только создавал новые театральные жанры, но и стремился канонизировать придворное театральное искусство.

3) Придворное театральное искусство дворянства.

Церемония вступления на престол королей Рюкю проводилась в присутствии послов (冊封使) китайского императора; при этом исполнялись рюкюская музыка и театральные номера. Кроме того, рюкюские официальные миссии в княжество Сацума и ко двору японского правительства бакуфу демонстрировали придворное театральное искусство, что играло важную роль. После исчезновения королевства Рюкю в 1879 г. придворное театральное искусство — классические танцы Рюкю и драма куми-одори — было канонизировано как классическое. При этом «смешанные танцы», «пьеса на окинавском диалекте», «окинавская опера» и другие развлекательные театральные жанры получили большое распространение.

Классическая рюкюская драма *куми-одори* в 1972 г., а классические танцы Рюкю в 2011 г. были признаны «Важным нематериальным культурным достоянием» Японии.

А. Классические танцы Рюкю (琉球舞踊).

Классический танец Рюкю «Касэкакэ» (рюкюс. «Касики» 「枷掛け」) родился из придворного танца. Обычно классические танцы Рюкю исполняются под композицию из одной-трех мелодий. У этого танца композиция из двух мелодий — «Фиси буси» («Коралловая отмель») и «Ситисяку буси» («Семь сяку»).

Рис. 1. Сцена из классического танца Рюкю «Касэкакэ»

Ее содержание таково: героиня песни поет о своем чувстве, которым она поглощена: «Сотку для любимого прекрасную ткань». В руках она держит пяльцы и шпульку; это танец, который прибегает к наглядности.

В. Драма *куми-одори* (музыкальная драма с пением, диалогом и музыкой)

Сообщается, что драма куми-одори (組踊)⁶ была создана в 1719 г. Тамагуску Тёкун⁷ на основе событий из истории Рюкю с элементами японского театра ногаку, кукольного театра нингё дзёрури (бунраку), кабуки и др. Она исполняется под аккомпанемент сансина, флейты, кото, барабана, кокю: и других инструментов; движения сходны с классическим рюкюским танцем; повествование развивается благодаря диалогу. Драма куми-одори — это театр, который был специально предназначен для официальных приемов (歓待芸能) послов китайского императора; роли исполняли рюкюские дворяне.

В последнее время это театральное искусство развивает Общество сохранения традиционной драмы *куми-одори*. Кроме того, *куми-одори* исполняются как представления местного фольклорного театра, иначе как «деревенские пляски» (*мура-одори*), но сценические движения здесь отличны. Одна из самых известных пьес — «Сюсин каниири» («Любовь и колокол» 「執心鐘入」)⁸ (см. цв. вкл., ил. 7).

Литература

Каримата Кэйити. Гэйно-но гэнфукэй (Театр и его изначальный облик). Токио: Мидзуки сёбо, 1998.

Каримата Кэйити. Нанто каё-но кэнкю (Исследования песен Южных островов). Токио: Мидзуки сёбо, 1999.

Каримата Кэйити. Окинава-ни окэру киндайка то дэнто гэйно (Модернизация и традиционный театр на Окинаве) // Аспекты Восточноазиатской культурной зоны. Часть 3. Модернизация и традиционный театр. Международный университет Окинавы, Институт изучения культуры Южных островов, 2008.

(Перевод с японского языка Е. Бакшеева)

⁶ «Куми-одори» буквально значит «составленные танцы» — в смысле «танцы, соединенные единым сюжетом». Все исполнители в куми-одори, как и в классических танцах Рюкю, были мужчинами (примеч. пер.).

⁷ Тамагуску Тёкун (1684–1734) — чиновник королевского двора Рюкю (примеч. пер.).

 $^{^8}$ Сюжет этой пьесы заимствован из пьес *ногаку* «Додзёдзи» и *кабуки* «Мусумэ Додзёдзи» (*примеч. пер.*).

Keiichi Karimata

AN OUTLINE OF RYUKYUAN ORAL LITERATURE

The oral literature of the Ryūkyūs exhibits a basic dividing line between the noble caste and the peasantry. Both social groups transmitted literature orally but the nobility depended on written records. Ryukyuan oral literature comprises three genres: songs, theatre and prose. In the first case, there was a difference between the courtly *omoro* songs and ritual songs of the provinces, between *ryūka* songs of the noble caste and the epic songs of the peasantry. In the second and third cases, there was a vivid difference between court theatre and folk theater, between state myths and folk myths. The oral literature of the nobility was also transmitted in a written form, as was the case with the *Omoro Sōshi*, while the oral literature of the peasantry was recorded only in modern times. That also provides a contrast between the oral literature of the nobility and that of the peasantry.

Karimata Shigehisa (狩俣繫久)

RYUKYUAN LANGUAGES AND N. NEVSKY'S RESEARCH ON THE MIYAKO LANGUAGE

The placement of Ryukyuan languages

"Ryukyuan languages" is a general term referring to the languages spoken at the Ryukyu Archipelago, which stretches as an arch between Japan and Taiwan upon the eastern seas of the Asian continent. As sister languages to the mainland Japanese, Ryukyuan languages have split from the Proto-Japonic language, being the only languages with a proven genetic relationship with the mainland Japanese. The Ryukyu Archipelago, which is the area where Ryukyuan languages are spoken, covers the historically largest area of the Ryukyu Kingdom, which lasted from 1406 to 1879. Ryukyu Islands, including the Amami Islands, possess common qualities not only linguistically, but also in all the other cultural areas, such as folklore and art.

In 1607, Ryukyu Kingdom was invaded by the Satsuma clan, and since then the Amamis had been placed directly under Satsuma's control. Nowadays the Amami Islands belong administratively to the Kagoshima Prefecture, while the islands of Okinawa, Miyako and Yaeyama form the Okinawa Prefecture.

In 1879, the Ryukyu Kingdom was annexed by Japan and became a part of Japan as the Okinawa Prefecture. In the process of modernization, the usage of Japanese language became indispensable, and so it was imposed upon the inhabitants of the islands. Speaking Ryukyuan was uncalled for and avoided. Many of the inhabitants are either bilingual or Japanese monolingual. Therefore the number of Ryukyuan native speakers keeps on diminishing.

With its roughly 1 million 460 thousand people, the population of the Ryukyus stands for only a little more than one percent of the total Japanese population. However, the population of fluent Ryukyuan speakers is even

more scarce, and it is limited to the people over 50, 60 years of age. Ryukyuan languages are minority languages in Japan, and at the same time they are endangered languages whose further existence is threatened. The differences between Ryukyuan languages and Japanese are significant, and the Japanese from outside the Ryukyus cannot understand these languages at all.

The area of the Ryukyus does not even exceed one percent of the total area of Japan. However, the distance from the Ryukyus' northernmost extreme, the Kikai Island, to their southernmost extreme, the Yonaguni Island, amounts for as many as 900 kilometers. If we placed the northernmost Kikai Island around the city of Sendai in the Miyagi Prefecture, then the city of Naha in Okinawa would be found around the Matsumoto city in the Nagano Prefecture, the Miyako Island would be somewhere between the cities of Kyoto and Osaka, and the westernmost Yonaguni Island would be placed on the borderline of Okayama and Hiroshima Prefectures. Hence, linguistic differences among the sub-varieties of Ryukyuan languages, the languages spoken on forty-seven inhabited islands spread all across a marine area whose length rivals the total length of the Honshu Island, are large. Not only the inhabitants of Kikai and Yonaguni, but also inhabitants of Miyako and Okinawa, Yonaguni and Ishigaki, Amami Ōshima and Okinawa find it impossible to communicate unless they use standard Japanese in their conversations. Ryukyuan languages are divided into six groups which can hardly be thought of as mutually intelligible.

Sub-classification of Ryukyuan languages

Ryukyuan languages can be classified into two groups in accordance with their phonemic and morphosyntactic characteristics, namely into the Northern Ryukyuan and Southern Ryukyuan group. As the Northern Ryukyuan and Southern Ryukyuan-speaking areas are separated by a 350-kilometer long marine area with no islands whatsoever, differences between the languages of these groups are remarkable.

Northern Ryukyuan group can further be divided into three following subgroups: Northern Amami, Southern Amami-Northern Okinawa, and Southern Okinawa. Southern Ryukyuan group can also be divided into three subgroups: Miyako, Yaeyama and Yonaguni. The Miyako language is spoken at the islands of Miyako, Irabu, Ikema, Kurima and Ōgami. Regarding the world's endangered languages, within the area of Japan UNESCO recognizes — apart from the Ainu language — Yaeyama and Yonaguni languages as "seriously endangered", and Northern Amami, Southern Amami-Northern Okinawa, Southern Okinawa and Miyako

languages as well as the Hachijō language of the Tokyo Metropolitan Prefecture as "definitely endangered".

Vowels of the Ryukyuan languages

The Ryukyuan language whose system consists of the fewest vowels is the Yonaguni language of the westernmost outskirt of the Ryukyus. This language basically does not discriminate between short and long vowels, and so it has a three-vowel system of /a/,¹ /i/ and /u/. On the other hand, the richest in vowels is the eleven-vowel Sani dialect of the Northern Amami language, a dialect spoken at the Ryukyus' northernmost Amami Ōshima island. Northern Amami dialects other than Sani have 7 vowels, Southern Amami-Northern Okinawa and Southern Okinawa languages have 5 vowels, Miyako language has 6 of them and Yaeyama language has 7. All of these, ranging from the Yonaguni three-vowel to the Sani eleven-vowel system, had settled upon various Ryukyuan islands after having split from Proto-Japonic, where they underwent changes peculiar to every separate subgroup variation of Ryukyuan.

Vowels in the Miyako language

In the Miyako language, due to the strong airflow which caused vowel raising, while producing the vowel /i/ the highest part of the tongue is pushed even further forward, which creates constriction between the blade of the tongue and the alveoli. When this happens, after voiced plosives /b/ and /g/ the vowel /i/ changes into syllabic /z/, and after voiceless plosives /p/ and /k/ into syllabic /s/. In the Shimozato dialect one may find such examples as *pstu* 'a man' (<* *pito*), *ksmu* 'liver' (< *kimo*), *tabz* 'journey' (< *tabi*), or *mugz* 'wheat' (< *mugi*).

Syllabic /s/ and /z/, which have been transformed from /i/, in turn alter the sounds which they precede: the liquid /r/ and half-vowel /w/ into fricative /s/ and /z/, and /j/ into /e/. It can be seen in examples from the Shimozato dialect: pssuma 'daytime' (*< piruma), tskseu 'a moonlit night' (** tsukijo), zzu 'fish' (*< iwo), tabzza 'journey (+ topic marker)' (*< tabiwa).

In the dialect of the \bar{O} gami Island there are six vowels: /i/, /a/, /o/, /u/, /u/ and $/\epsilon/$. The vowel /u/ corresponds to the syllabic /z/ in other dialects — it is a sound that occurred as a consequence of the weakening of

¹ Translator's note: Separate sound symbols have been marked with a slash // to distinguish them from the rest of the text. It does not necessarily mean that the given symbol refers to a phoneme, although usually that is actually the case.

the airflow, due to which the place of articulation was moved backwards and thus the friction disappeared. Also, in other Miyako dialects there occur syllables consisting of a palatalized consonant followed by the vowel /a/, as in *pjaku* 'a hundred' or *mjaku* 'Miyako', whereas in Ōgami dialects such syllables are pronounced as in *pɛku* or *mɛ:ku*.

Consonants in the Ryukyuan languages

There are regular correspondences between Ryukyuan and Japanese consonants. The consonant /p/, which had existed in Proto-Japonic, in Japanese changed into /h/, having undergone fricativization and delabialization. On the other hand, the Northern Okinawa, Miyako and Yaeyama languages have kept some archaic features, such as maintaining the /p/ consonant. Examples are as in the Onna dialect of the northern part of the Okinawa island: pa: 'blade' [< ha], pasami: 'scissors' [< hasami], p'idzai 'left' [< hidari], p'uk'ui 'dust' [< hokori], puei: 'star' [< hoei], as in the Shimozato dialect of the Miyako language: pama 'beach' [< hama], pstu 'a man' [< hito], puni 'bone' [< hone], or as in the Ishigaki dialect of the Yaeyama language: patsika 'the twentieth day (of the month)' [< hatsuka], pin 'garlic' [< hiru] or po:gi 'broom' [< ho:ki].

As for the characteristics common to the entire Southern Ryukyuan language group, the alternation of approximant /w/ into plosive /b/ is one of them, compare *wara > bara 'straw', *wono > bunu 'axe'.

Consonants of the Miyako language

In the Miyako language, plosives /p/, /b/, /t/, /d/, /k/, /g/ and approximants /j/, /w/ may only appear as a syllable onset, whereas nasals /m/, /n/ and fricatives /f/, /v/, /s/, /z/, being moraic consonants which can constitute a mora by themselves, do not share this limitation. Instead, they may appear at any position of the word: word-initially, word-medially or word-finally, as in the following Shimozato dialect examples: *mta* 'ground', *mim* 'ear', *nnama* 'now', *kan* 'crab', *fta* 'lid', *ifsa* 'war', *jaf* 'disaster', *vda* 'fat', *janavts* 'foul-mouthed', *kuv* 'seaweed', *sta* 'below', *sas* 'to pierce', *mus* 'insect', *zzu* 'a fish', *maz* 'rice'. As it can be seen below, the sounds /s/ and /z/ may appear after /p/, /b/, /k/ or /g/ and take on the function of a syllabic nucleus just like a vowel would: *pstu* 'a man', *saks* 'front, before', *mugz* 'wheat', *tabz* 'journey'.

Moraic /m/, /n/ and /s/ emerged after the /i/ and /u/ vowels of syllables -mi, -ni, -mu, -nu were lost, as in Shimozato *kami > kam 'god', *kani > kan 'crab', *inu > in 'dog', *muɛ-i > mus 'insect', *usu > us 'mortar'. Moraic /f/ appeared when /u/ following /p/ or /k/ first turned into a labio-dental

approximant and then assimilated with the preceding consonant, following the development path of ku > kv > f and pu > pv > f. Shimozato dialect provides examples such as *kumo > fmu 'a cloud', *pune > fni 'a boat'. Moraic /v/ came into existence due to a similar process involving voiced /b/ and /g/ consonants: gu > gv > g and bu > bv > v, as in Shimozato dialect lexemes *janagutei > janavts 'foul-mouthed', *pabu > pav 'snake'.

Moraic /f/, /v/, /s/ make the following /r/ and /j/ sounds undergo fricativization, as in *makura > maffa 'pillow', *abura > avva 'oil', or *tsukijo > tskscu 'moonlit night'. Moreover, when the word-final nasals /m/ or /n/ is followed by the topic-marker clitic wa, the clitic's initial /w/ undergoes complete assimilation and becomes accordingly /m/ or /n/, like in expressions mimma 'as for ears' or kanna 'as for crabs'. Similarly, if the clitic follows a noun with a final fricative /f/, /v/, /s/ or /z/, /w/ assimilates with the word-final consonant, as in jaffa 'as for disasters', kuvva 'as for seaweed', mussa 'as for insects' or tuzza 'as for birds'.

In the Miyako language there exist the following long consonants: /m:/, /n:/, /f:/, /v/, /s:/, /z:/. Since they construct a two-moraic syllable on their own, they already can constitute a lexeme, such as m: 'sweet potato', n: 'yeah, right (an informal reply)', v: 'to sell', f: 'a comb', s: 'nest', z: 'to scold'. Also, /f:/, /s:/ and /z:/ may follow after plosives /k/, /g/, /p/ or /b/ and function as a consonantal syllabic nucleus for the plosive onset, compare ps: 'day', bz: 'to sit', kf: 'to produce, to create'.

The Ōgami dialect has only ten consonants: /p/, /t/, /k/, /s/, /f/, /v/, /m/, /n/, /r/ and /j/, which makes it the dialect with the smallest number of consonants out of all Ryukyuan language varieties. From the comparison with adjacent dialects, one can infer that all of the Ōgami /b/, /d/, /g/ and /dz/ sounds underwent autonomic devoicing, resulting in the loss of the voicing opposition in case of the plosives. The only pair of phonemes which has retained the voiced — voiceless opposition are the labio-dental fricatives /f/ and /v/

Grammar of Ryukyuan languages

Being genetically related to mainland Japanese, Ryukyuan languages share with it a lot of common features also regarding their grammar. In Ryukyuan languages there exist lexical categories such as nouns, verbs, adjectives and adverbs, as well as functional categories such as the copula, conjunctions, interjections etc., both identical with Japanese. Nouns in the subject function are placed in the sentence-initial position, while predicative verbs and adjectives are sentence-final. Adverbs are placed

before verbs or adjectives that they modify. Sentences with a noun predicate put the noun together with the copula. The word order of phrases which constitute a sentence as well as inflection categories are also the same as in case of Japanese.

Verbs

Like in mainland Japanese, verbs in Ryukyuan languages inflect for grammatical categories such as time, mood, aspect, affirmation/negation, voice etc. In order to express their function and position in the sentence, verbs inflect in accordance with the system of the following inflectional forms: finite, attributive, connective and conditional. Languages of the Northern Ryukyuan group, especially the Southern Okinawa language, possess a separate morphological category of politeness, which puts plain expressions in grammatical opposition against polite expressions. However, in the Miyako language no such verbal category exists.

Non-past verbal form in the Miyako language is homophonic for the finite, attributive and connective function. Let us see examples with a verbal equivalent to the mainland Japanese connective form *kaki* 'to write'.

```
    karja: tigamju:mai kaks. 'He writes a letter.' [finite]
    tigamju: kaks psto: uran. 'Nobody writes a letter.' [attributive]
    tigamju: kaksgatsna nakju:ta:. 'He was crying while writing the letter.'
    [connective]
```

Verbal euphony

In the Japanese language of the Heian period, euphonic changes known as the *ombin* took place in the verbal stems. This sort of euphony was also observed in Ryukyuan languages. *Ombin* is defined as the kind of circumstances when the stem-final consonant of a strong inflection verb (strong inflection verbs have a consonantal stem ending) along with the suffix undergo phonemic changes, which result in an alternation of the stem.

If the stem-final consonant is /b/ or /m/, the consonant is dropped along with the head /i/ vowel of the connective -iti suffix, and the /t/ from the suffix becomes voiced, resulting in a -di form. Examples include *nu-di* < *noNde* < *nom-ite* 'drinking', or *ira-di* < *eraNde* < *erab-ite* 'choosing'.

If the stem-final consonant is r, the stem-final consonant and the suffix head vowel are dropped, as in the example: tu-ti < toQte < tor-ite 'taking'.

In case the stem-final consonant is /w/, it merges with the suffix vowel to create an u-*ombin* kind of euphony, and only then disappear. Compare wara-ti < waraute < wara-ite 'laughing'.

If the stem-final consonant is /k/, /s/ or /g/, apart from the the consonant and the suffix-initial vowel being dropped, the suffix-initial consonant /t/ undergoes palatalization, changing into /te/. Compare: da-tei < da-itee < dak-itee 'embracing', wata-tei < wata-itee < watac-ite 'passing', ku-dzi < ko-idze < kog-ite 'rowing', etc.

However, in case of the Miyako language things look different. For example, the past form of the verbs is constructed as in *numtaz* 'drank', *jubztaz* 'called', *kakstaz* 'wrote', *kugztaz* 'rowed', *ukustaz* 'woke', *matstas* 'waited', i.e. the connective verbal stem is followed by the past tense suffix -taz. In other words, for the past tense of the Miyako verbs there occurred no *ombin* euphony, retaining the archaic Japanese features.

Also, no such euphony took place for the Yaeyama and Yonaguni languages. Considering all of the Japonic languages and dialects, *ombin* probably did not occur only in the Southern Ryukyuan languages.

Nikolai A. Nevsky (1892–1937) was the first person ever to have properly recorded the Miyako language using phonetic symbols.

The work accomplished by Nevsky can be in general divided into three genres. The first genre comprises Nevsky's research and papers related to the folklore and oral literature of the Miyako islands, which were collected in the work titled Tsuki to fushi ("The moon and immortality", published in 1971 by Tōyō Bunko). The second genre includes oral literature in the Miyako language, such as songs, stories, proverbs, riddles etc., collected and recorded by Nevsky. Many of them had been arranged and edited, and published in Russia in 1978 under the title of "Oral literature of the Miyako islands"² with Lydia Gromkovskaya as the editorin-chief. This work's Japanese translation was published in 1998 by Sunagoya Shobō under the title of Miyako no fōkuroa ("Folklore of the Miyakos") as a result of the team translation by Shigehisa Karimata, Yukiko Tokuyama, Yoriko Takaesu, Masami Tamaki, Masa Hamakawa and Takako Hasekura.³ The third genre are the handwritten notes left by Nevsky with an attached title of the "Materials for studying the lexicon of the Miyako islands". The 1192-page thick contents are arranged alphabetically, with entries from various Miyako language variations transcribed with "Russian-style" phonetic symbols (ロシア式の音声記号). As for the meaning descriptions, for some entries they were written in Russian

² Translator's note: original title Фольклор островов Мияко.

³ Editor's note: see Nevsky 1998.

⁴ Editor's note: in the abstract of this paper the author wrote: "He (Nevsky) accurately transcribed pronunciation of the Miyako vocabulary into International Phonetic Alphabet (IPA) ...".

only, for others it is a Japanese text with a mixed kanji-kana script, and for yet other entries both Russian and Japanese meaning explanations have been provided. It is a combined Ryukyuan-Japanese and Ryukyuan-Russian dictionary.

These handwritten notes were photocopied and published in 2005 in a two-volume edition by the Hirara City Educational Committee under the title of *Nikorai A. Nefusukii Miyako hōgen nōto fukushabon* ("Nikolai A. Nevsky, notes on the Miyako dialects, photocopy", below referred to as *Miyako hōgen nōto*). There are some parts within this edition that have been poorly copied or are missing, perhaps due to the fact that the photocopy was made from a microfilm once presented to the Waseda University Library. Still, owing to this publication Nevsky's materials have become easily accessible, and so its meaning for the Miyako-related research is significant.

Miyako hōgen nōto provides as entries 5482 lexemes from various variations of the Miyako language. Furthermore, it might also be that some lexemes not featured separately as entries could be found in the example sentences. Also, entries with no meaning explication or containing just the toponyms have not been included in the aforementioned number, which means that the total sum of Miyako lexemes collected by Nevsky is larger. Besides, as I will explain in more detail below, lexemes from Ryukyuan languages other than Miyako are also featured in this dictionary, which makes it easy to imagine that the actual number of Ryukyuan lexemes recorded in this source is about two times bigger.

a	_	419	entries	b	—	240	entries	d	_	- 73	entries
3	—	115	entries	f	—	183	entries	g	_	- 84	entries
h		12	entries	i		211	entries	j	_	- 316	entries
k		565	entries	1		6	entries	m		- 616	entries
n	—	418	entries	ŋ	—	39	entries	0	_	- 21	entries
p	—	456	entries	r	—	23	entries	S	_	- 568	entries
t		415	entries	c		24	entries	u	_	- 96	entries
c	—	159	entries	u	—	340	entries	V	_	- 19	entries
W		31	entries	7		33	entries				

A noteworthy characteristic of the Miyako language materials compiled by Nevsky is that they were endorsed with the author's knowledge of the linguistics. One manifestation of such endorsement is the phonetic symbol notation applied in the dictionary. Phonetic and phonemic characteristics of the Miyako language exceed the framework of Japanese, and more than that, they display some interesting phenomena even in the worldwide scale. For example, in the Miyako language exist moraic fricatives f, v, s, z, moraic nasals m, n and moraic liquid r.

In the Miyako language there are not only moraic consonants, but also consonants which combine with different consonants to function as syllabic nucleus in the same way that vowels do.

Nevsky transcribed syllabic /s/ either as -s-, like in the word *pstu* 'a man', or as -sī-, with an upper-indexed -s- noted to the left of -ī- .Likewise, syllabic /z/ was transcribed by Nevsky as -zī-.

Words which contain such moraic or syllabic consonants cannot be expressed with the syllabic characters of the *kana* syllabaries. It is only nowadays, when the Miyako phonemics have been explained and its characteristics have become well known, that the written Miyako words can hardly be deciphered incorrectly even if they are put down in *kana*. However, thanks to the fact that Nevsky recorded Miyako language back in the Taishō-era using "Russian-style" phonetic symbols, we can thoroughly examine the phonemic features of the Miyako language varieties of that time and compare it in a detailed way with the current, 90-years later sub-units of the Miyako language.

Another characteristic of Nevsky's Miyako language materials is that they take note of what region exactly exactly the given lexeme was collected at. This is especially clear in case of the *Miyako hōgen nōto*. There are a lot of lexemes marked with an annotation of Ps (Hirara), Ta (Tarama), or Sarah (Sarahama). Annotations which also appear in the dictionary, albeit less frequently, include Ik (Ikema), Nisib (Nishihara), Kaz (Karimata), Sïmasī (Shimajiri), Nubari (Nobaru), Upura (Ōura), Ui (Uechi), Min (Minna), Irav (Irabu), Fumn (Kuninaka), and other. Lexemes common throughout all of the Miyako islands are marked with a "Com" annotation, and lexemes recorded as examples of the Miyako traditional song language are marked as "Poet".

In Nevsky's dictionary there also appear lexemes from non-Miyako Ryukyuan varieties: sub-units of the Yaeyama language, annotated for example as Ya (Yaeyama), Ishi/ \checkmark \gt (Ishigaki), Hate/ \land \gt (Hateruma), Iri/ \checkmark \lor (Iriomote), Kuro/ \circlearrowleft \sqcap (Kuro), sub-units of the Okinawa languages, such as Rk (Ryukyu, perhaps Naha?), Nago/ \dotplus \rightrightarrows (Nago), Ito/ \checkmark \dotplus (Itoman), Kade/ \nexists \rightleftarrows (Kadena), Wnna (Onna), Na:ći'sin (Nakijin), Mwtubu (Motobu), Kusi (Kushi), Ie (Ie), and sub-units of the Amami languages, such as Naze/ \dotplus \rightleftarrows (Naze), Koni/ \rightrightarrows \rightleftharpoons (Koniya), Yoro/ \rightrightarrows \sqcap

⁵ Detailed information on Miyako phonemics can be found in Karimata 2002, Karimata 2007. Moreover, on the subject of transcribing the Miyako language from the point of view of intergenerational transmission, see Karimata 2011.

(Yoron), Oki/オキ (Okinoerabu), Toku/トク (Tokuno), Kika/キカ (Kikai), Sumi/スミ (Sumiyō). It can be inferred that Nevsky had gathered this data back in Tokyo or on the board of a ship while on his way to the Miyakos and back. Annotations like Jap (Japanese) or Ainu (Ainu language) can also be observed, as well as examples from some mainland dialects, such as 佐賀 (Saga), 肥後 (Higo).

para (Com) 柱。 [(Ja) para:, (na:cizin) (mutubu) p'aja. (Rk) ha: ija. (Jap) hasira.

(ainu) para. 天井の横木. (キカ) (エラ) faja. (ヨナ) Faja. (ナゴ) (ヤラ) fa:ja:.

(ヨナ) fira:. (ヤラ)(S)(n)(イト) ha:ja (ナセ) ハラ. (トク) har'a. (イス)(コニ)(スミ)(サネ) har'a:. (ナゴ)(イエ) paja:. (クロ) para. (イシ) para:. (コハ)(ハテ) pãra.

Nevsky's "Notes on the Miyako dialects" contain basic vocabulary such as words for body parts or natural phenomena, but also lexemes from traditional Miyako songs. Information on contemporary customs or lexemes related to public functions, names of official posts etc., are also included.

kina (Ps)(Ta) 杓子。匙。汁ヲ吸ミ取ルニ用フ。多クハ古マカリ (makaz/makal)ヲ用ヒタリ[(國仲)]。

fulla: (Sa) 番所ノ中ノ便所。本家(uikaja:)ノ東角ノ後ニアル。一間角の萱葺ニテ與人、目差ノミ使用シタリ。筆者以下ハコレニ接続セル豚ヲ入レタル雪隠ヲ使用セシ也。

sidu (Sa)勢頭。sidugamaトモ称シ、織女(pataimur'a)ノ手傳ヲナス 女。

If an entry is accompanied only by its lexical Japanese equivalent, this does not amount for a detailed meaning description. However, there are also lexemes with a detailed meaning description in Russian, as well as words whose meaning is explained in Russian only. Therefore, a translation from Russian would be something called for.

Traditional songs collected in *Miyako fōkuroa* have been published along with their Russian translation. Likewise, in the *Miyako hōgen nōto* Miyako lexemes are explained in Russian as in a Miyako-Russian dictionary. Owing to the Russian translation, the meaning features otherwise invisible in, say, Ryukyuan-Japanese or Ryukyuan-English dictionaries, become revealed. Or perhaps this is the merit of the fact that to Nevsky Russian was his mother tongue.

Nouns in Russians are differentiated according to the category of the number, just like nouns in English, and so they can take on either singular or plural form. Unlike English, however, Russian nouns are also equipped with the category of gender, which means that all nouns as categorized as masculine, feminine or neutral. Proper names of people, or names of official posts are always either masculine or feminine, as well as either singular or plural. Therefore, a proper name or a profession name in the Miyako language cannot be translated into Russian unless one knows if the name refers to a man or a woman. It may be assumed that Nevsky wanted to know if the names or official posts mentioned in traditional songs were masculine or feminine, and if they were singular and plural, and so he asked his informants about such details. This means that it would be worthwhile to focus on a more careful analysis of Nevsky's Russian translations of the Miyako language materials.

Miyako hōgen nōto contain likewise the meaning descriptions in Russian. Thus, it can be expected that such discrimination for gender and number of nouns such as the aforementioned proper names or official posts names is also included in there. However, unfortunately, Miyako hōgen nōto have not been transcribed and processed for printing yet. And for the transcription to be made possible, Nevsky's handwritten Russian notation needs to be deciphered. Proceeding with the transcription and translation of the Miyako hōgen nōto into Japanese would be desirable.

References

Nevsky. ニコライ・A・ネフスキー著 『宮古のフォークロア』 リヂヤ・グロムコフスカヤ編 狩俣繁久他共訳 東京:砂小屋書房. 1998.

Karimata. 狩俣繁久著「琉球語宮古諸方言の形容詞についてのおぼえがきー城辺町保良方言の形容詞の活用を中心に-」, 『消滅に瀕した琉球語に関する琉球研究』. 2002 (Mar.). P. 44-69.

Karimata. 狩俣繁久著 「宮古保良方言の条件形」, 『南島文化 』 2007 (Mar.). (29). P. 41–62.

Karimata. 狩俣繁久著「音韻研究と方言指導から宮古方言の表記法を考える」パトリック・ハインリッヒ、下地理則(編)『琉球諸語記録保存の基礎』東京:東京外国語大学アジア・アフリカ言語文化研究所. 2011.

(Translated from Japanese by A. Jarosz)

Сигэхиса Каримата

РЮКЮСКИЕ ЯЗЫКИ И РАБОТЫ Н. НЕВСКОГО ПО ЯЗЫКУ МИЯКО

Термином «рюкюские языки» обозначается целое множество языков и диалектов, которые используются на территории архипелага Рюкю, вытянувшегося на 900 км, и непонятны не только жителям «основной» Японии, но зачастую и друг другу. Шесть признанных ЮНЕСКО рюкюских языков имеют значительно разнящиеся фонемные, морфосинтаксические и лексические особенности. В то же время эти языки находятся под серьезной угрозой исчезновения, а их изучение и запись являются неотложными задачами. В этом смысле труды Н. А. Невского по языку Мияко, в особенности его мияко-японско-русский словарь, обладают особой ценностью.

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ И МИЯКО

Танака Мидзуэ (田中水絵)

ПОЧЕМУ НЕВСКИЙ ОТПРАВИЛСЯ НА ОСТРОВА МИЯКО? НОВЫЙ ВЗГЛЯД ИСХОДЯ ИЗ РАБОТ Е. Д. ПОЛИВАНОВА И НЕИЗВЕСТНОЙ СТАТЬИ А. ВИРТА

Префектура Окинава находится на крайнем юго-западе Японии. В старину, с XIV в. здесь существовало Королевство Рюкю, но в 1879 г. японским правительством Мэйдзи оно было преобразовано в «префектуру Окинава». В 300 километрах на юго-запад от главного острова Окинава находятся острова группы Мияко. В 1905 г. во время русско-японской войны Балтийский флот России проходил недалеко от них, и все острова Мияко пришли в страшное волнение.

А позже, через 17 лет, в 1922 г. на это раз один русский прибыл на Мияко, и это опять взволновало жителей островов. На беглом японском языке приезжий назвался «Николаем Невским» и сказал, что он изучает древний язык Мияко. В архипелаге Рюкю много островов. Почему же Невский выбрал Мияко? — удивлялись местные жители.

В наше время уже известно, что для понимания происхождения японского языка из всех диалектов Рюкю важны именно диалекты Мияко (сейчас также говорят «язык Мияко»). Но тогда не только местные жители, но и японские ученые не обращали внимание на их значение.

Что же привело Невского на острова Мияко в подобных обстоятельствах? Все исследователи жизни и деятельности Невского задавались этим вопросом, и каждый из них отвечал на него по-своему. Проследив процесс научных поисков Невского, я хотела бы представить новый взгляд на эту проблему на основании неизвестных источников.

Прежде чем обратиться к исследованиям Невского по Мияко, рассмотрим, каким было время, когда у него возник интерес к Окинаве и что послужило стимулом к этому. В 1915 г. Невский приехал в Токио на стажировку; он изучал древние верования и религии

Японии, главным образом синтоизм. Однако в 1917 г., когда его стажировка уже заканчивалась, в России произошла революция, и он не смог вернуться на родину.

Затем в июне 1919 г. Невский отправился к месту своего нового назначения в качестве преподавателя русского языка в г. Отару на самый северный остров Японии — Хоккайдо. В октябре того же года Невский написал письмо историку Хигасионна Кандзюн, выходцу с Окинавы, живущему в Токио. В нем Невский просил его: «Не можете ли Вы продолжить Ваши лекции по Конко кэнсю хотя бы письменно?». «Конко кэнсю» — это единственный словарь древнерюкоского языка, составленный в 1711 г. Теперь понятно, что Невский уже в Токио изучал древнерюкюский язык. Невский познакомился со словарем «Конко кэнсю» около 1917 г. Он читал в библиотеке в Токио много книг; среди них — «Древний Рюкю» («Ко-рюкю»), опубликованную в 1911 г. Автор — Иха Фую. А второе издание этой книги (1916 г.) в приложении содержало словарь «Конко кэнсю». В этой книге Рюкю представляется — этнографически и лингвистически — «естественным музеем древностей», где сохраняется древняя культура Японии. В ней есть интересное линвистическое наблюдение над тем, что в некоторых регионах Рюкю, включая острова Мияко, сохраняется старый звук р.

Для Невского изучение древнерюкюского языка и исследования, которые он вел до того — изучение синтоизма и других верований древней Японии — находились в общем русле, ведущем к одной и той же цели. Он определил цель своих исследований как «поиск исходных пунктов зарождения мифов» в своем «отчете о занятиях в Японии», представленном университету в 1916 г. Невский в свое время воспринял у своего учителя, этнографа Л. Я. Штернберга, что наиболее важными для этнографа областями являются религиозные верования и социальные отношения и что для глубокого понимания того или иного народа необходимо основательное знание его языка.

За три года, которые Невский прожил в Отару, он изучал культ Осирасама, божества из северо-восточной Японии, и фольклор айнов Хоккайдо. Кроме того, на каникулах он отправился в Токио и учился диалекту Мияко у уроженца этого острова. Есть две версии о времени и сроках этого обучения: летом 1919 г. в течение примерно одного месяца и около недели в декабре 1921 г. Я думаю, что велика вероятность обеих встреч. Уиунтин говорит, что слышал, как «русский искал уроженца Мияко» и «не мог понять, почему назван именно уроженец Мияко». Тут опять встает тот же вопрос, а именно: хотя в архипелаге Рюкю много островов, почему же именно Мияко?

Упомянутая книга Иха Фую «Древний Рюкю» побуждала к изучению Окинавы. А в 1921 г. глава японской этнографии Янагида Кунио впервые посетил Окинаву, но он не уделил особого внимания Мияко. В своем выступлении 1925 г. он сказал, что «острова Мияко — научная целина». В общем, в то время в Японии, похоже, не было материалов, которые бы сфокусировали исследования Невского на Мияко

И тогда я стала искать зарубежные материалы. Так я добралась до статьи старшего товарища Невского по университетским годам Е. Д. Поливанова «Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков». Поливанов посетил Японию в 1914 и 1915 гг. (или в 1916 г.), собирал материалы по диалектам нескольких районов о. Хонсю, но никогда не был на Окинаве. К тому же, эта статья написана в 1914 г. до его поездки в Японию. Однако в этой статье Поливанов приводит несколько примеров из диалекта Мияко, дает лингвистический анализ и говорит о его особенностях. Но откуда же Поливанов получил сведения о диалекте Мияко?

Поливанов называет два источника его знакомства с рюкюским языком. Первый из них — это работа известного английского ученого Бэзила Чемберлена, опубликованная в 1895 году «Essay in Aid of Grammar and Dictionary of the Luchuan Language». О ней Поливанов писал: «Книга содержит подробную морфологию говора Сюри». Сюри, город на главном острове Окинава, был столицей королевства Рюкю.

Вторым источником стала небольшая статья немца Альбрехта Вирта «Neue Liu-kiu Mundarten», опубликованная в 1900 г. в журнале «Zeitschrift für afrikanische und oceanische Sprachen». Об этой статье Поливанов писал: «Она ценна для меня тем, что познакомила меня с другими рюкюскими диалектами». Одним из этих «других рюкюских диалектов» был диалект Мияко. Как же Вирт собрал примеры диалекта Мияко? Побывал ли он на Мияко?

Я искала работы Вирта, но в Японии найти ничего не смогла. Имя Вирта не значится в академических изданиях. В 1925 г. Иха Фую написал эссе «Единственный в Германии исследователь Рюкю», но этим немцем был Эдмунд Симон, приезжавший на Окинаву в 1910 г. Однако в книге Симона «Королевство Рюкю», изданной в Германии в 1913 г., приводится название статьи Вирта — из чего следует, что в Германии эта работа должна быть. Я обратилась в Боннский университет и получила эту статью.

Кратко изложу начало статьи Вирта «Neue Liu-kiu Mundarten». «В 1897 году я посетил Формозу (Тайвань) с целью сбора материалов

для изучения малайских языков. Вернувшись в Японию, я подумал: "А нельзя ли обнаружить следы малайских языков и на малоизвестных островах Рюкю?", и примерно за полмесяца объездил Окинаву и Амами. Образцы диалектов островов Яэяма и Мияко я собрал в Сюри на о. Окинава от учеников средней школы, уроженцев этих островов». Итак, Вирт не был на островах Мияко. Он собрал примеры их диалекта от школьников — уроженцев этих островов. На островах Мияко средней школы не было, поэтому ученики оттуда жили в общежитии на о. Окинава и учились в средней школе в Сюри.

Кстати сказать, Иха Фую, автор упоминавшейся книги «Древний Рюкю», тоже учился в то время в средней школе Сюри. Однако в 1896 г. — за год до приезда Вирта — Иха Фую ушел из школы Сюри и уехал в Токио. Одна из причин его ухода — то, что в школе навязывался «язык Ямато», то есть токийский диалект японского языка. После японо-китайской войны для усиления государства правительство Японии планировало унификацию языка и идеологии. В школах Окинавы обязательное обучение на японском языке стало вводиться около 1900 г. Поэтому когда туда приезжал Вирт, многие ученики средних школ еще говорили на родном диалекте. Кроме того Вирт собрал образцы диалектов в северной и южной частях главного острова Окинава, а затем — на острове Амами-Осима (преф. Кагосима). Потом он уехал в Токио.

Суммируем последующие события по его работам. «В Токио я познакомился с выдающейся работой Чемберлена о рюкюском языке. Я понял, что больше половины собранных мной данных — непригодны. К тому же я не говорил по-японски. Поэтому новые материалы, полученные мной в ходе полевых исследований, я не мог соотнести с японским языком ни в грамматическом, ни в фонетическом плане. В такой ситуации лучшим выходом стало изложение полученных фактов, а также и оценок и гипотез за пределами Японии». Полученные факты, то есть собранные образцы рюкюских диалектов, Вирт свел в таблицу с переводом на немецкий язык.

Диалекты транскрибированы не «Международным фонетическим алфавитом», а обычной латиницей и собственной системой Вирта с комментариями. (Например, знак ú обозначает звук, средний между і, и и ö и сходен со звуком шведского языка u. А знак δ обозначает очень слабый английский звук th).

В таблицу Вирта я добавила соответствующие примеры из «Материалов для изучения говора островов Мияко» Невского. Давайте сравним. В таблицу внесены 53 слова диалекта островов Яэяма, 53 слова северной части главного острова Окинава, 110 слов южной части

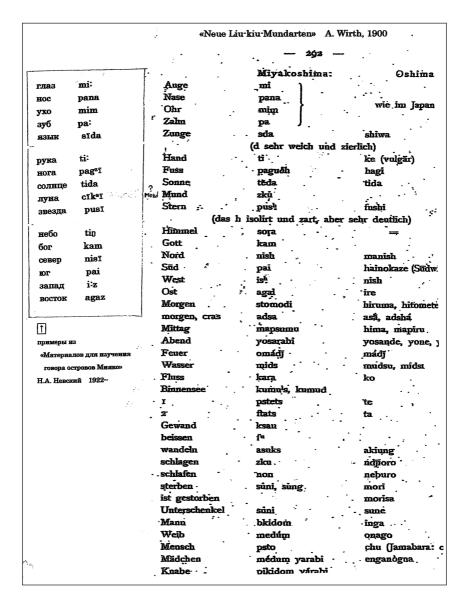

Рис. 1. Таблица А. Вирта

главного острова Окинава, 133 слова острова Амами-Осима и 143 слова диалекта Мияко. Количество примеров диалекта Мияко самое большое; есть и запись: «Весьма своеобразный диалект Мияко...».

Вирт первым записал значительное количество примеров рюкюских диалектов, особенно диалекта Мияко. Но, как писал сам Вирт, он не владел японским языком, поэтому не смог подготовить научную работу по лингвистике. Наверно поэтому и в Японии, и в России на его статью не обратили внимания, и он был забыт. Но статью Вирта заметил Поливанов; он уделил особое внимание диалекту Мияко и провел его лингвистический анализ. Поливанова считают гением; наверно и в сборе данных он обладал выдающимися способностями. Поливанов — как и Иха Фую — обратил внимание на то, что в диалекте Мияко сохраняется старый звук p (из строки «ха» в таблице «годзюон» японского языка). Например, «нос» по-японски «hana», а на диалекте Мияко — «ра». Поливанов пришел к выводу, что «Наиболее консервативным является говор Міјакојіта, где p сохранилось».

Лингвист Мураяма Ситиро, который в 1976 году перевел статью Поливанова на японский язык, высоко оценил ее: «Можно сказать, что серьезное сравнительное исследование японского и рюкюского языков началось со статьи Поливанова 1914 г. Гипотеза Чемберлена о "трех гласных звуках в рюкюском языке" была опровергнута Поливановым за 16 лет до работы Иха Фую "Система гласных в рюкюском языке и закон палатализации" 1930 г.».

Невский получил отдельный оттиск этой статьи от самого Поливанова. Это удостоверил лингвист Ёсимати Ёсио. Он изучал русский язык у Невского в Киотоском университете. Он получил от Невского копию этой статьи и впервые в 1934 году опубликовал ее перевод на японском языке. В «Предисловии от переводчика» он пишет: «На обложке статьи красными чернилами написано "Дорогому Николаю Александровичу Невскому на добрую память от автора. Е. Поливанов. Декабря 1917 (или 1914 — автор)". Чернила выцвели, поэтому непонятно — 1914 г. или 1917 г. Так или иначе, стало ясно, что самое позднее в декабре 1917 г. Невский уже имел в своем распоряжении эту статью».

Особенность диалекта Мияко, на которую указано в статье Поливанова, — особенно фраза: «Наиболее консервативным является говор Міјакојіта, где p сохранилось» — несомненно вдохновила Невского, который определил цель своих исследований как «поиск исходных пунктов зарождения мифов».

Когда Невский в 1919 г. стал работать в училище в Отару, у него

Когда Невский в 1919 г. стал работать в училище в Отару, у него появилось приличное жалованье и достаточно времени для занятий наукой. Во время каникул он ездил в Токио, где учил диалект Мияко. Затем весной 1922 г. он перешел на работу в университет в Осака

и вскоре, весной того же года, прямиком направился на острова Мияко. Он блестяще повторял за жителями островов фразы на диалекте, что их поражало. Н. А. Невский побывал на Мияко также в 1926 г. и 1928 г.

Возвращаясь из первой экспедиции на Мияко, в Наха на главном остров Окинава Невский встретился с Иха Фую. Они подружились, и в 1926 г. вместе ездили в Киото. Согласно упоминавшемуся ранее Ёсимати Ёсио, переводчику статьи Поливанова, Иха Фую тоже получил от Невского оттиск этой статьи. Иха Фую долго искал того, кто мог перевести статью. В июне 1929 г. он отправил Невскому открытку с Гавайи. В ней написано: «В следующем году я намерен поехать в Россию. Сообщите мне адрес профессора Поливанова» (эта открытка хранится в фонде Невского в библиотеке Тэнри. Она до сих пор не опубликована. Но этой осенью она будет выставлена для обозрения). В итоге поездка Иха Фую в Россию не состоялась, и он не смог встретиться с Поливановым. Но в 1930 г. Иха опубликовал статью «Система гласных в рюкюском языке и закон палатализации» и в ней рассказал об исследованиях Невского и Поливанова. А возвратившийся в 1929 г. на родину Невский продолжал исследования по Мияко. В статье «О фонеме р» он ссылался на статью Иха «О звуке Р» и на несколько работ Поливанова и упоминал их в примечаниях к статье.

Невский был первым, кто побывал на островах Мияко и собрал огромное количество ценных этнографических и лингвистических материалов. Его исследования Мияко опирались на помощь местных жителей и глубокое знание древних японских текстов. Невский, занимавшийся такими исследованиями, почитается японцами. И его исследования высоко ценятся и в России.

Но мы должны помнить и тех, кто привел Невского на Мияко: это Штернберг, Иха Фую, Хигасионна Кандзюн, Уиунтин (Инамура) Кэмпу и, наконец, Поливанов и Вирт. Я намерена продолжать изучение их взаимоотношений с Невским по неопубликованным документам, которые до сих пор покоятся в России, Японии, Германии и других странах, — чтобы еще лучше осветить научное творчество Невского

Литература

Танака Мидзуэ. 田中水絵「N. ネフスキーの宮古研究の道程 ——論文「宮古における病封じ」を中心に」(Пути изучения Н. Невским Мияко. О его статье «Лечение болезней на Мияко») [перевод статьи на японский язык] // 『沖縄文化』 («Культура Окинавы»). 2006. № 100.

Танака Мидзуэ. 田中水絵 「論文 <音素 P 考>に探るネフスキーの宮古研究の道程」 (Поиск путей изучения Н. Невским Мияко в его статье «О фонеме р») [перевод статьи на японский язык] // 『沖縄学』 («Окинавоведение»). 2007. № 10.

* * *

Н. А. Невский и люди, имеющие отношение к его исследованиям (хронологическая таблица)

1879		Княжество (до 1872 — Королевство) Рюкю преобразовано в префектуру Окинава
1892	Невский	родился
1894–1895		Японо-китайская война
1895	B. H. Chamberlain	«Essay in Aid of a Grammar and Dictionary of the Luchuan Language»
1897	A. Wirth	поездка по главному острову Окинава и острову Амами-Осима
1900	A. Wirth	статья «Neue Liu-kiu Mundarten»
1904-1905		Русско-японская война
1911	Иха Фую	книга «古琉球» («Ко-Рюкю», «Древний Рюкю»)
1913	E. Simon	После поездки в 1911–1913 гг. по о. Окинава публикует книгу «Рюкю-коку» («Королевство Рюкю»)
1914	Е. Д. Поливанов	статья «Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков»; поездка по Японии
1915	Невский	прибытие в Токио на стажировку, исследование синтоизма
1915–1916?	Поливанов	поездка по Японии
1917		Революция в России
	Невский	изучение словаря «混効験集» («Конко кэн-сю»)
1919	Невский	переезд в г. Отару, изучение (в Токио) диалекта Мияко у уроженца Мияко, исследование культа Осирасама и айнского фольклора
1921	Невский	изучение (в Токио) диалекта Мияко у уроженца Мияко
1922	Невский	переезд в г. Осака, 1-я поездка по островам Мияко, встреча с Иха Фую в г. Наха
1925	Невский	начало исследования тангутского языка
1926	Невский	2-я поездка по островам Мияко
1928	Невский	3-я поездка по островам Мияко

1929	Иха Фую	посылает открытку Невскому (спрашивает адрес Поливанова)
	Невский	возвращение в СССР
1930	Иха Фую	«琉球語の母音組織と口蓋化の法則» «Система гласных в рюкюском языке и закон палатализации»
1931	Поливанов	статья «Историко-фонетический очерк япон- ского консонантизма»
1934	Ёсимати Ёсио	«日琉比較音韻論» (перевод статьи Поливанова)
1937	Невский	Умер в г. Ленинграде

(Перевод с японского языка Е. Бакшеева)

Mizue Tanaka

WHY NEVSKY AIMED AT THE MIYAKO ISLANDS? A NEW APPROACH BASED ON E. POLIVANOV'S WORK AND UNKNOWN ARTICLE BY A. WIRTH

The paper reports on the very roots of N. Nevsky's interest in Miyako Islands, especially concerning the influence of the Russian linguist Evgeny D. Polivanov (1891–1938) and the German researcher Albrecht Wirth (1866–1936).

Wirth was the first who recorded in 1897 a considerable number of words from the different Ryukyuan languages, especially from Miyako ("Neue Liu-kiu Mundarten" // Zeitschrift für afrikanische und oceanische Sprachen/1900 Berlin). Polivanov quoted these Miyakoan examples and wrote that "Miyakoan language is the most conservative which preserves (ancient) phoneme p" ("Essay in the Comparative Phonetics of Japanese and Ryukyuan languages" 1914).

One can hypothesize that this phrase and Wirth's Miyakoan vocabulary led Nevsky to Miyako.

Н. А. НЕВСКИЙ — РЮКЮАНИСТ И ЕГО «МАТЕРЬЯЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОВОРА ОСТРОВОВ МИЯКО» 1

Н. А. Невский как исследователь языка и культуры Рюкю

Для мировой науки до сих пор сохраняют значение работы Н. А. Невского по тангутоведению, айноведению, языку *цоу*, рюкюанистике (культура и язык Рюкю/Окинавы).

Сейчас на о-вах Рюкю сфера бытования местных языков и фольклора неуклонно сужается; язык и традиционная культура этого региона, родственные японским, находятся на грани исчезновения; рюкюские языки внесены в «Красную книгу» ЮНЕСКО. Таким образом, значение работы русского ученого неизмеримо возросло; наследие Н. А. Невского по языку и культуре Рюкю является важным достоянием российской и мировой науки (рис. 1).

Невский побывал на о-вах Мияко (юг преф. Окинава) в 1922, 1926 и 1928 гг., когда этот регион еще не подвергся японскому влиянию и сохранял свой язык и культуру (рис. 2, 3). Он собрал уникальные материалы по языку, фольклору, этнографии и культуре Рюкю (см. лит.: 2; 2а; 4; 5; 10; 10а; 11; 12). Их особая ценность в том, что Невский, обладая лингвистическим даром, записал образцы диалектов и фольклорные тексты с точностью, в то время недоступной японским исследователям.

При этом наследие Невского-рюкюаниста недостаточно изучено в России и Японии и малоизвестно на Западе. Многие его работы по языку и культуре Рюкю не изданы или изданы в неудовлетворительном виде. На родине ученого школа рюкюанистики не сложилась; место

 $^{^1}$ Материалы для данной статьи были частично собраны во время исследований на о-вах Мияко благодаря гранту Японского фонда за 2011–2012 гг.

Рис. 1. Памятная стела «Николаю А. Невскому — основоположнику исследований на Мияко» (о-в Мияко, Хирара) (фото автора)

и значение исследований Невского по языку и культуре Рюкю в его научном наследии все еще недооцениваются.

В своих статьях я рассматривал вопрос, почему Невский занялся исследованиями Рюкю и о-вов Мияко (см. 2; 2a; 4; 5; 11). Здесь я только подчеркну, что одна из причин того, что Невский обратился к именно к о-вам Мияко, одного из трех географо-культурных регионов Рюкю² — язык и культура этих островов не были изучены. Другим важным фактором было понимание им архаичности языка Мияко.

Так, великий японский этнограф Янагида Кунио, к кругу которого принадлежал Невский, также считал, что язык и культура о-вов Мияко — древнейшие на Рюкю. Сам же Невский уже в 30-х годах XX в. писал о «массе фонетических архаизмов в говорах Мияко»³, но «всю систему в целом должно признать более развитой, чем какойлибо японский диалект, взятый в отдельности» (21. С. 433).

² Официально «острова Рюкю» состоят из трех групп островов — Окинава, Мияко и Яэяма — и составляют префектуру Окинава с центром г. Наха. Другое толкование см. у Т. Цуха в этом сборнике.

³ Невский отмечал «разделение говоров Мияко по фонетическим признакам на пять диалектов» (21. С. 431). На Мияко жители соседних селений иногда с трудом понимают друг друга, если говорят на своем родном диалекте (наблюдения автора).

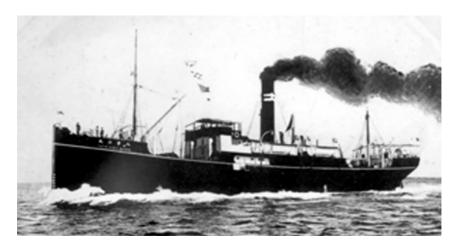

Рис. 2. Судно «Яэяма-мару», на котором Н. А. Невский добирался из г. Наха (о-в Окинава) на о-ва Мияко

Рис. 3. О-в Мияко, каким его мог видеть Н. А. Невский (о-в Мияко, селение Каримата. Фото 1923 г. из Дома собраний с. Каримата)

Ранние работы Невского отражают синкретическое состояние японской науки начала XX в. — период становления национальной этнографии, которая начиналась как краеведение (郷土研究 $\kappa \ddot{e}$: ∂o $\kappa \ni h \kappa \kappa \ddot{o}$:), фольклористика и диалектология, в частности Рюкю⁴. Он внес заметный вклад в становление этих научных отраслей в Японии. Так, Н. А. Невский, возможно, был тем ученым, который — вместе с Орестом Плетнером — познакомил японских лингвистов с т. н. «Международным фонетическим алфавитом», позволившим осуществлять точную запись транскрипции языка⁵.

При этом Невского, вслед за Янагида, прежде всего интересовала не собственно культура Рюкю, а истоки культуры Японии. Невский стремился объяснить происхождение и первоначальный смысл японских обычаев и верований путем их сопоставления с этнографическим материалом, собранным на Мияко⁶ (см. рис. 4, 5).

Изучение Невским языка Мияко после возвращения на Родину

С начала 20-х до начала 30-х годов XX в. произошел переход Невского как исследователя от раннего этнографического периода к позднему — лингвистическому. Так, сам Невский пишет в первом (неопубликованном) варианте работы «Представление о радуге как небесной змее» 1922 г.: «За неимением специальной общелингвистической подготовки я не могу причислить себя к лингвистам...» (18. С. 8–9; ср. 19). Но в 1932 г., уже в СССР⁷, он сообщает С. Ф. Ольденбургу: «Мои интересы по преимуществу лингвистические» (16. С. 182–183).

Как пишет В. М. Алпатов, «Накануне ареста Н. А. Невский начинал широкомасштабную работу по японскому языкознанию» (1. С. 387). В. М. Алпатов также отмечает, что материалы по языку Мияко он взял с собой в Ленинград и продолжал им заниматься, особенно в последние годы жизни (1. С. 386). В 30-е годы он подготовил несколько работ по языку Мияко (см. 20; 21).

⁴ По современной оценке, диалектология в Японии достигла высоких стандартов только с началом изучения языка Рюкю. О-ва Рюкю и Амами были и до сих пор остаются этнографической и лингвистической лабораторией для японских и зарубежных исследователей.

⁵ Плетнер Орест Викторович (1892–1970) — японовед, жил в Японии.

 $^{^6}$ Например, он сравнивает обычай Мияко «ночное гадание» ju:ra/ju:ura (夜占; читается «ю:ра/ю:ура») с древнеяпонским ju:ge:toi («ю:гэ:тои»; видимо, 夕占問い) (23, Т.1. С. 308).

 $^{^{7}}$ Ученый вернулся СССР в 1929 г.

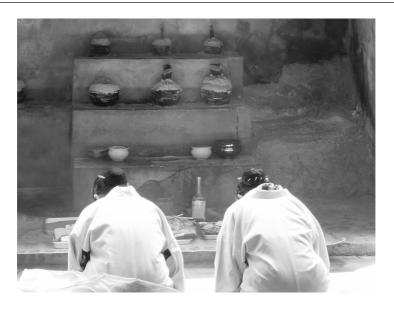

Рис. 4. Моление жриц перед алтарем святилища Нууси утаки (о. Ирабу, о-ва Мияко). В записях Невского сохранилась легенда об основании этого святилища (фото автора)

В ежегодных планах работы Невского (на 1932 г., 1935 г. 1937 г.) значится изучение «говоров островов Мияко» (см. 1. С. 386). В 1932 г. он планировал новую командировку в Японию с посещением Мияко⁸. Он так мотивировал ее необходимость: «1) для разрешения многих

спорных вопросов, связанных с изучением говоров Мияко, обследование которых поставлено мною в качестве главного пункта в моей программе плана на 1932 год, для приобретения новых лингвистических материалов по этим говорам; 2) для организации на островах Рюкю агентуры по доставке в Ленинград материалов по изучению говоров в связи с расширением работы на охват всех рюкюских диалектов» (16. С. 182).

Puc. 5. Круглые деревянные чаши и «рогатые» (двуручные) ритуальные чаши *цунодзара* со священным напитком мики (о-ва Мияко). (фото автора)

⁸ Эта командировка не состоялась.

В основе работ Невского всегда были данные, полученные им в ходе полевых исследований; их он рассматривал с привлечением широкого круга источников. Невский-рюкюанист был прежде всего исследователем Мияко. Материалы по культуре и языку Мияко (его еще называют «диалекты Рюкю») занимают наибольший объем в составе японоведческой части Фонда Невского в ИВР РАН.

«Матерьялы для изучения говора островов Мияко»

«Матерьялы для изучения говора островов Мияко» (далее: «Матерьялы») — главный труд в наследии Н. Невского-рюкюаниста. Над ним ученый работал, начиная с 1923 г. 9 — после его первой поездки летом 1922 г. на о-ва Мияко, — и вплоть до его гибели в 1937 г. Формально это неопубликованный и даже незаконченный рукописный черновик мияко-японо-русского словаря (ок. 6000 словарных статей, 1200 стр.). По сути же, это энциклопедия языка и народной культуры не только о-вов Мияко, но всех о-вов Рюкю, а также Японии (см. рис. 6, 7).

Их оригинал хранится в составе наследия Невского в Архиве востоковедов ИВР РАН (С.-Петербург) (фонд 69, опись 2, ед. хр. 163). Эта работа состоит из 11 тетрадей, обложки которых пронумерованы римскими цифрами (от I до XI)¹⁰. Внутри тетрадей нумерация сплошная от 1 до 596, но пронумерованы не страницы, а развороты (таким образом, общее количество страниц $1192 = 596 \times 2$)¹¹. Записи сделаны чернилами разного цвета и карандашом в разное время.

Названия тетрадей отличаются: «Матерьялы для изучения говора островов Мияко». 1. Словарь», «Говор островов Мияко. 1. Словарь», «Матерьялы по говорам островов Мияко. 1. Словарь», «Матерьялы для исследования диалектов Мияко. 1. Словарь». Из вариантов названий можно заключить:

- (а) Перед нами работа, которая, по замыслу Невского, изначально состояла из двух частей. Ранее в статьях, упоминающих эту работу, формула «[Часть] 1. Словарь» опускалась.
- (б) 11 тетрадей это только первая часть этой работы Невского, собственно словарь. Я считаю, что вторая часть это «грамматическая часть» 12, очерк языка Мияко, который пока не обнаружен.

 $^{^9}$ В письме от 20.08.1923 г. к Такаги Сэйити Невский пишет, что он «приступил к составлению словаря [языка] Мияко» (12а, 177).

 $^{^{10}}$ Эти т. н. «университетские тетради» (大学ノート), линованные тетради формата В5 — приобретены ученым в Японии в начале 1920-х гг.

¹¹ Нумерация сделана карандашом в правом верхнем углу страницы справа, возможно, не самим Невским.

¹² Такая запись Невского имеется в «Матерьялах» (23, Т. 1. С. 469, статья -maz).

(в) У Невского речь идет о нескольких «говорах» или «диалектах» о-вов Мияко.

Итак, за этой работой Невского, видимо, следует закрепить название — по тетради N
ightharpoonup I — «Матерьялы для изучения говора 13 островов Мияко. [Часть] 1. Словарь» (в современном звучании «Материалы…»). Другие названия, которые используют зарубежные исследователи, вторичны или неточны 14.

По Каримата Сигэхиса, этот труд насчитывает 1192 страницы¹⁵ и 5482 словарных статьи. Однако все эти подсчеты весьма приблизительны. Дело в том, что почти у всех из 11 тетрадей две или три стороны обложек также исписаны словарными статьями¹⁶. Другими словами, фактически есть еще около 20–30 неучтенных «страниц» словаря, которые не пронумерованы и не вошли ни в микрофильм ИВР, ни в факсимиле г. Хирара.

Далее, кроме 11 тетрадей в ИВР есть еще комплект из 546 карточек, которые названы, видимо, теми, кто их описывал, «Язык Рюкю. Материалы к Рюкюско-русскому словарю» (ф. 69, оп. 2, ед. хр. 218). Наш анализ этих карточек показал, что они отражают один из этапов работы Невского над словарем языка Мияко. Очередность словарных статей, форма, их структура и содержание в них сходны со словарем из 11 тетрадей, но они не такие полные. При этом в них имеются новые данные, которые отсутствуют в тетрадях.

Кроме того, там же есть и другие рукописи Невского с данными по языку Мияко: например, «Матерьялы для изучения рюкюских диалектов» (ф. 69, оп. 2, ед. хр. 175; 41 с. +4 с.) и «Дневник поездки на острова Мияко с записями фольклорно-этнографического характера» (ф. 69, оп. 2, ед. хр. 206; 55 с.).

Большую часть своего научного архива, в частности по Рюкю, Невский вывез в СССР, но часть его осталась в Японии. Так, в фонде Невского в библиотеке Университета Тэнри есть неопубликованные рукописи по языку Мияко. Во-первых, это две тетради¹⁷ (каждая по 91 стр.), которые являются, по моему мнению, ранними вариантами «Матерьялов» из С.-Петербурга: очередность словарных статей, их структура и содержание у них сходны. Различие в том, что в Тэнри

¹³ Или «говоров». В работах Невского также есть термин «язык Мияко» (20, 284).

¹⁴ Так, 『宮古方言ノート』 («Записи по диалекту Мияко».), или как переводят на английский язык, «Notes on the Miyako dialects» — это название копии, данное издателем.

 $^{^{15}}$ Понятно, откуда взялась эта цифра: 596 стр. х 2. В факсимильном издании мэрии г. Хирара (о. Мияко) 1177 стр. (670 + 507 с.) (см. 23).

¹⁶ Очевидно, что эта скоропись — позднейшие записи ученого.

¹⁷ Есть еще отдельные листы.

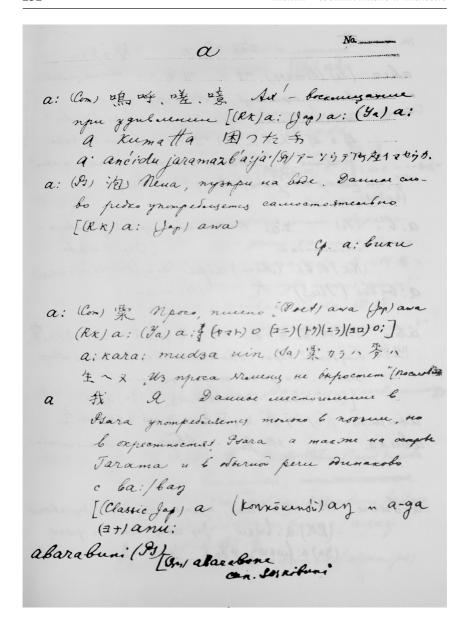

Рис. 6. Первая страница «Матерьялов для изучения говора островов Мияко» (Факсимильное издание мэрии г. Хирара, 2005 г.)

[mooked muku, 3 ms"+ basa-sa
тіки-30: (В) [4] (Като старуюг) [(ва) тики-зам
majur (2) the Brook to h. Week mader
murumy ci (B) OS brai depebeces mm'a: un arasata tumus n uruna uouej' avociotis uodes (beny nubuny busanny dels) passegneur no depebri.
muxu-cici (Ja) 花緒が結婚當日=花椒,泉町 寛家へ歸ル途中、友人等=胴上ゲサレルコト。
us true relego bleet charles) en mobile
mul (sa) 木, 枝を取れるしまた。 木, 実を取る(こと)
- 532 -

Рис. 7. Словарные статьи о браке и свадьбе из «Матерьялов для изучения говора островов Мияко» (Факсимильное издание 2005 г. Т. 1. С. 532)

вместо русского перевода — английский. Ясно, что Невский, не рассчитывая в то время вернуться на родину, работал над мияко-японо-английским словарем.

В описи оставшегося в Японии архива Невского, сделанной в книжном магазине Исикава, значится «Словарь языка Мияко (Рюкю)» объемом в 136 страниц; по-моему, это еще один ранний вариант «Матерьялов» (хранится в библиотеке Осакского университета). В описи также указаны 700 «словарных карточек» (см. 12а. С. 55, 209).

Итак, с учетом лакун в «Матерьялах» все упомянутые источники, а также фольклорные тексты с комментариями ученого и его статьи — как опубликованные 18, так и рукописи — должны быть учтены при подготовке на базе «Матерьялов» полноценного словаря языка Мияко Н. А. Невского.

О подготовке «Матерьялов» к изданию

Рукопись «Матерьялов» Невского пока не издана и не изучена¹⁹. Еще в 1991 г. в дар Университету Васэда (Япония) был передан микрофильм рукописи «Матерьялов» Невского, но как полноценный словарь они так и не были изданы.

В 2005 г. мэрией г. Хирара (о. Мияко) отпечатано факсимиле «Матерьялов» (фотокопия с микрофильма из ИВР РАН) под названием «Мияко хо:гэн но:то» (『宮古方言ノート』, «Записи по диалекту Мияко». — см. 23)²⁰. Это факсимильное издание, безусловно, облегчило работу специалистам и стимулировало интерес к этому труду Невского и к его наследию по Рюкю в целом. Но в таком факсимильном издании могут разобраться только немногие лингвисты и этнографы, поскольку требуется знание японского и русского языков, языка и культуры Мияко.

Текст «Матерьялов» труден для понимания из-за особой фонетической транскрипции языка («Международный фонетический алфавит», International Phonetic Alphabet, IPA; далее: МФА), мелкой скорописи (на русском языке и латинице), сокращений, специфической терминологии (топонимы, теонимы и т. д.) и нуждается в расшифровке. Из-за проблем с дешифровкой этой рукописи и сложности ее

¹⁸ Например, [15].

¹⁹ Ее краткое описание дал А. М. Кабанов (13. С. 265).

²⁰ Качество печати здесь не очень высокое, и некоторые места не читаются. Среди тех, кто выпускал это факсимиле, не было ни лингвистов, ни русистов, поэтому в нем также немало явных ошибок: перепутаны знаки «з» и «z» (Т. 1), нарушена очередность статей (Т. 2, статьи на «с» и «u»), помещены неквалифицированные комментарии к фонетическим знакам, используемым Невским (Т. 1. Оглавление).

содержания они до сих пор не появились в Японии в виде полноценного академического издания.

Автор данной статьи, проводивший в течение десяти лет исследования на о-вах Мияко, уже около семи лет занимается изучением, расшифровкой и подготовкой «Матерьялов» к изданию. В процессе этой работы я объединил свои усилия с Такахаси Тосидзо (高橋俊三), профессором-лингвистом Международного университета Окинавы. Мы провели основную работу по расшифровке и транслитерации этой рукописи; теперь словарь находится на стадии подготовки к изданию.

При этом я исходил из того, что «Матерьялы» — это общее наследие русского и японского народов, и опубликованный словарь должен быть понятен и русскому, и японскому читателю. Для этого там, где нет перевода, я делаю перевод японского текста на русский язык, и наоборот (см. Приложение). Русскому читателю мною уже представлены фрагменты «Матерьялов» по этнографии и фольклору (см. 2а; 6; 7); японская общественность ознакомлена с результатами этой работы на конференциях (см. 8; 9; 10).

Для подготовки качественного издания мною в 2012 г. разработан международный проект с участием японских специалистов, который планируется завершить к 125-летию со дня рождения Н. А. Невского²¹.

О структуре и содержании «Матерьялов»

Для фонетической записи языка и фольклора Мияко и Рюкю Невский использовал две особые системы обозначений. Одна — это фонетическая транскрипция МФА (латиница с одним только кириллическим знаком 3). Вторая — на основе кириллицы (с примесью латиницы и сконструированных Невским знаков)²² — это видимо, собственное изобретение Невского. Невский в основном использовал МФА, как понятный его коллегам — японским ученым. Например, из текстов, сведенных позднее в «Фольклор островов Мияко», на оригинальной «кириллической» транскрипции записано только три песни аяго (см.16; 22)²³.

²¹ Такой проект может включать относительно компактный «Словарь языка Мияко» и более объемный энциклопедический словарь языка и культуры Мияко.

 $^{^{22}}$ Для записи айнского фольклора Невский использовал третью — свою самую ранною систему фонетической транскрипции на основе кириллицы (с малой примесью латиницы).

²³ В библиотеке Университета Тэнри есть ранний неопубликованный рукописный текст Невского (на 4 листах): восемь песен Мияко в жанре *то:гани*, записанных «кириллической» транскрипцией.

Словарные статьи в «Матерьялах» расположены по порядку МФА (очевидно, это вариант МФА начала XX в.): $\bf a \ b \ d \ s \ f \ g \ h \ i \ j \ k \ l \ m \ n \ n \ g \ p \ r \ s \ t \ c \ u \ v \ w$. Все лексемы (слова на языках Мияко, Рюкю и японском стандартном), словосочетания, термины, имена собственные, записаны МФА. Но эта нотация также непроста для прочтения. Здесь я покажу только один пример транслитерации Н. А. Невским языка Рюкю 24 с помощью МФА (см. табл. 1).

Заглавное слово в словарных статьях «Матерьялов» всегда записано МФА. Дается его японский и русский переводы, но часто они отсутствуют; лакуны соседствуют с обширными комментариями (иногда объемом до двух страниц). В своих статьях и комментариях к фольклорным текстам Невский часто использовал сведения из «Матерьялов». Таким образом, возможна реконструкция «Матерьялов» посредством привлечения других работ ученого.

В «Матерьялах» приводится несколько — иногда до двух десятков — вариантов произношения заглавного слова в различных регионах Мияко, Рюкю и Японии²⁵ (см. Приложение). До сих пор достоверно не известно, какие острова Рюкю, кроме о. Окинава и группы Мияко, Невский посетил. По моим данным, из-за тайфуна ему не удалось провести исследования на о. Исигаки и других островах из группы Яэяма, куда он собирался в первый и второй приезд на Мияко (подробнее см. 5). Данные по языку Яэяма он получал от информаторов-уроженцев этих островов, встреченных на Мияко, а также из материалов других ученых, например, Мияра То:со:. Данные по языку Амами и языку Окинава ученый собирал методом опроса пассажиров на борту судна, когда оно шло из Японии на о. Окинава и обратно. Также встречается лексика из классических произведений Рюкю и Японии.

В «Матерьялах» часто приводятся примеры употребления лексемы в разговорной речи или фольклорных текстах (песнях, легендах, заклинаниях) о-вов Мияко. В последнем случае Невский дает только фрагмент фольклорного текста без его названия и перевода²⁶. Тогда перед редактором словаря встает проблема: дать только транскрипцию таких текстов, или же установить название и другие их характеристики (где и при каких условиях бытовал этот текст) и сделать перевод.

 $^{^{24}\,\}mathrm{Cm}$. Также в этом сборнике статью A. Ярош о лингвистических аспектах «Матерьялов».

 $^{^{25}}$ Регионы, к которым принадлежат лексемы, обозначены латиницей (точнее, МФА) сокращенно (об этом см. в статьях С. Каримата и А. Ярош).

²⁶ По таким примерам мне удалось восстановить до сих пор неизвестный текст фонетической транскрипции Невским «Предания [о лунном] Акаря-ззагама» на языке Мияко (яп. «Цуки-но Акаря-ззагама-но ханаси») (см. 8; 9; 10).

	Таблица	1
Транслитерация Н. А. Невским языка Рюкю		

Δ)	Патинская	транслитерация	gnoucvoso	goulva i	no cuemomo	Vanhönua

_ : ;	1 ,					
я (уа)	ю (yu)	ë (yo)				
дзя (ja)	дзю (ju)	дзё (јо)				
(Б) Транслитерация Н. А. Невским языка Рюкю через МФА						
я (ja)	ю (ju)	ë (jo)				
дзя (з'а)	дзю (з <i>'</i> u)	дзё (з'о)				

По содержанию весь корпус словаря, заслуживающего название «энциклопедического», можно условно разбить по темам: лингвистическая, этнографическая, фольклористическая, социально-историческая, топонимическая и др. Особенно обширен корпус терминов фольклористического и этнографического характера, что дает богатый материал для исследователей культуры Мияко, Рюкю и Японии. Этнографические статьи охватывают материальную (хозяйство, быт, пища)²⁷, художественную и духовную культуру (картину мира, нравы, обычаи, обряды, праздники, культы, поверия, предрассудки, народные знания), природную среду (флора, фауна, природные явления), социальную организацию (родство, брак, роды, детство) и пр. По мнению С. Каримата, русский ученый сознательно записывал лексику, которая уже была старой во времена Невского. В самом деле, в словарных статьях из помет часто встречаются, «древнее», «старинное» и «роет.» («поэтическое»).

Заключение

Как считают японские ученые, издание «Матерьялов» в виде словаря языка Мияко давно насущно необходимо. Оно также позволит:

- 1. Ввести в международный научный оборот большой массив ценных лингвистических, фольклористических и этнографических данных по Рюкю и Японии.
- 2. Перевести на русский язык неизвестные в России японоязычные работы Невского и подготовить аутентичное издание его трудов по культуре Рюкю с полноценными комментариями 28 .
- 3. Изучить наследие Н. А. Невского по рюкюанистике во всей его полноте и показать, что его ценность сопоставима с достижениями ученого в тангутоведении.

²⁷ Местами встречаются даже рисунки Невского, изображающие предметы быта (напр., 23. Т. 2. С. 416).

²⁸ Использование «Матерьялов» при подготовке публикаций статей ученого и образцов фольклора Мияко необходимо для адекватного понимания этих текстов и точной передачи звучания языка Мияко, например топонимов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Словарные статьи о браке и свадьбе из «Матерьялов для изучения говора островов Мияко»²⁹

Перевод с русского на японский и с японского на русский (в скобках []) и комментарии Е. Бакшеева.

- 1:577 **naka-p^sïtu** / naka-b^zïtu (Ps) (Sa) (Ta) 仲人。媒介。 Посредник, сват (Jap) nako:do < naka-bito
- 1:411 **kuimunu** (Ps.poet) 乞者の意。仲人。Букв. «человек просьб» сват Syn. nakab^zïtu
- 1:411 kuip^sïtu (Ps) 仲人。 Syn. kuimunu
- 1:531 **muku (Ps)** 婿。Зять (Jap) mωko (Rk) mωkω/mω:kω (今帰仁) mωφω (Ya) muku (Yonaguni) mugu
- 1:532 muku-3'o: (Ps) 【婿代】 <婿の側の仲人> (Sa) muku-3au
- 1:300 **jumi-** (Com) 嫁。新婦。子婦。Невестка, молодуха, жена сына (Rk) jωmi (Satsuma) jomi (Jap) jome (Ya) jomi
- 1:300 jumi-3'o: (Ps) 【嫁代】 <嫁の側の仲人> (Sa) jumi-3au
- 1:499 **miz-muku** (Ps) 新婿。花婿。Жених (Sa) mïz-muku (Sarah) mi:muku (Rk) mi:mωkω (Ta) mïz-muku (Ishi. Hate) mïmuku (Kuro. Ara) mi:mugu (Jap) ni: «новый» + mωko «зять»
- 1:500 **miz'z'umi** (Ps) 新嫁。花嫁。 Невеста (Sa) mïz'z'umi (Sarah) mi:jumi (Rk) mi:jωmi (Jap) ni: «новая» + jome «невестка» (Ishi. Hate) mï:jumi (Yona) mi:tumi (Kuro. Ara) mijumi

²⁹ См. также: 9; 10; 12. С. 104–108; 14; 17.

- 2:349–50 **tuŋgara** (Ps) (Sïmasï) (Kaz) 友達。平良にて女の友達を云う。 < группа «друзей» и «подруг» (каждый пол отдельно) > 女同志の同年なるをはtuŋgaraと云う。。。 [(Tajima)]³⁰
 - (Sa) (Sarah) tuŋkara (Jap) tomo-gara
 - (Ta) tumgara (Konkōkenśū)³¹ ともから tumugara (Omoro XIII)³²
- 1:350 tuŋkaraja: (Sarah) < «дом друзей» > 【「友達の家」】
- 1:609 **ni:bicī** (Sa) (Irav) 根引。結婚。婚礼。沖縄からの輸入語。 固有語はssagiなり。 Брак, свадьба. Слово, заимствованное с островов собственно Рю:кю:; местное название брака ssagi.
 - (Rk) ni:bici (Jap) ne-biki (イト) ni:biki (トク) nï:ki (クロ) ni:piki (ナゴ) ni:wiki: (イス)(コニ) nubiki-ju:ωε
- 2:156 **sasagi** (Ps) 結婚。婚礼。Брак, свадьба (Sa) ssagi (Ta) s'as'agi (*Konkōkenśū*) みささげ mi-sasagi みつぎ物の事 подношение, лань
- 2:331 **tuзï** (Ps) (Sa)(Sarah) 妻。「刀自」。Жена 女房。 (Jap) toз'i «госпожа», «madame»
- 2:332 tuзїmaзї (Sarah) женитьба 【結婚】
- 2:332 **tuɜïbutu** (Ps) (Sa) 「妻(ト)夫」の意。夫婦。Жена и муж, супруги
 - (Ya) tuзïbutu (Jap) toз'i «madame» + otto «муж»
- 2:144 sak^sïdumi (tuзї), sak^sïtuзї (Ps) 前妻。【Первая жена】
- 2:332 sak^sïuja:ni (Ps) 【前妻】Первая жена
- 2:442 **uja:ni** (Ps)「親姉」の意。士族の娘。乞女。 «Родительская сестра (старшая)» = дочь человека благородного сословия; барышня; жена (преимущ[ественно] благород[ного сословия])» 【妻 (士族)】

³⁰ Из материалов одного из первых японских рюкюанистов Тадзима Рисабуро:, который в 1890-х гг. собирал фольклор на о-вах Мияко.

³¹ Рюкюско-японский словарь придворной лексики королевства Рюкю «Конко: кэнсю:» (『混効験集』, 1711 г.).

 $^{^{32}}$ Антология придворных ритуальных песен Рюкю «Оморо-со:си» (1531–1623 гг.). Т. XIII.

- 2:332 tusïm'u:tura (Ps) Супруги, муж и жена 【夫婦、夫と妻】
- 1:545 **m'u:tu** (Ps) (Ui) (Sa)(Sarah) 夫婦。 Муж и жена; супруги, супружеская чета
- (Rk) mi:to «муж», «супруги» (Ya) m'u:tu (Jap) m'o:to «муж и жена»

(Satsuma) mito/ meto/ m'ωtu (今帰仁) m'u:tu (佐賀) m'u:tu m'u:tu <*mi: // (Јар) me «женщина», «семья» + butu // (Јар) wotto «муж»

- 1:545 **m'u:tura** (Ps) (Ta) 夫婦。 Муж и жена; супруги Syn. m'u:tu m'u:tu // (Jap) m'o:to «супруги» + га // (Jap) га плюральный суффикс
- 1:437 **ma3ï** (Sarah) 1) coire <Lat.>【交接・求婚・婚交の意】 2) motomeru<求める> CM. mag^zï
- 1:182 **funag 『i** (Ps) くなぐ。【交接する。】 (Sarah) (Sa) funasï
- 1:288 jubai (Ps) 妾 (めかけ) 【Любовница <女に対する言葉>】.
- 1:288 **jubaibutu** (Ps) Любовник (в песнях также jubai-tunu) 【愛人 (唄は jubai-tunuとも呼ばれる) <男に対する言葉>】.
- 1:288 **ju·baz**³³ (Ps) 夜這。 Тайное посещение мужчиной женщины ночью
- (Rk) ju:be:「妾」(Jap) jobai (Ya) jubai jubaipusï Комета 婚星 • 流星
- 1:532 **тикитис** (Ps) Обычай деревень mm'a:vn, araзatu, tumuz и игика носить молодых людей (вступивших в незаконную связь) раздетыми по деревне. 【婚外交渉をした若者たちを裸で村を運んで回るmm'a:vn(宮国)、arasatu(新里)、tumuz(友利)やuruka(砂川)という村の習慣。】
- 1:541 **mutagi** (Ps) Обычай похищения жены при вторичном браке 【再婚の際に妻の誘拐の習慣】

³³ Одной точкой обозначается полудолгий гласный звук.

- 2:163 **sa:z** 連れる。[приводить кого-нибудь с собой] (Ya) sa:rwn mïz'z'um'u sa:z-ga 花嫁ヲ出迎ヒニ) «... (иду) за невестой»
- 1:54 ara-idasï (Sarah) 外出 (そとだし)ノ意。若者ガ好キナ女トともがら家 (tuŋkaraja:) ニテ始メテー緒ニ寝ルト、翌日若者ノ友達等ガ事実ヲ村民ニ知ラセ歩ク。之ヲaraidasïト云フ。ソレガ有ッテカラ其ノ若キ男女ガ公ニ夫婦トシテ認メラレル。 Букв. «вынесение наружу». Оповещение жителей деревни товарищами молодого человека о том, что последний провел ночь вместе с такой-то девушкой в tuŋkaraja:. После этого оповещения молодые люди официально признаются мужем и женой. ara «наружу» + idasï (Jap) «выставлять»] См. tuŋkaraja:
- 1:376 katai (Ps) (Sa) 姻族。 родственник со стороны жены
- 1:376 **kataic'a** (Sa) 姻族出合。 【сговоры, встреча с родственниками со стороны жены】
- 2:56 расї-закі (Ps) 婚礼 [(宮良当壮)] ³⁴ 【брак, свадьба】
- 2:56 расїзакітих (Ps) [(続日本紀) 35 sakітиті] Когда сговоры кончились, родственники обеих сторон собираются и пьют вино, принесенное родственниками жениха. 【結婚の取り決め (「姻族出合」・結納) が終ったあとで両側の親戚が集まって、婿の親戚が持って来た酒を飲む。】
- 1:532 **muku-cïcï** (Sa) 花婿が結婚当日に花嫁の家より実家へ帰る途中、友人等に胴上げされること。 Качание жениха (возвращающегося из дома невесты в день свадьбы) его товарищами на перекрестках
- 1:463 **ma:su-mi3ï** (Ps) 塩水。Соленая вода. Ею окропляют голову входящей в дом жениха невесты, а также при возвращении с похорон. 塩水。 【花婿の家に入る花嫁の頭、または、葬式から帰る人の頭に塩水を振りかける。】

 $^{^{34}}$ Из материалов Мияра То:со: (1893–1964), известного рюкюаниста-диалектолога.

³⁵ Из японской хроники «Сёку нихонги» («Продолжение анналов Японии», 797 г.).

Источники и литература

- 1. Алпатов В. М. Работы Н. А. Невского по японскому языку // На стеклах вечности: Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии / Сост. Л. Л. Громковская (Петербургское востоковедение; далее: ПВ. Вып. 8). СПб., 1996.
- Бакшеев Е. С. Проблемы изучения научного наследия Н. А. Невского по культуре Рюкю/Окинавы в России и в Японии // Сборник РГГУ «История и культура Японии». М., 2011.
- 2а. Бакшеев Е. С. Наследие Н. А. Невского по культуре Рюкю (Окинавы) и его изучение в России и Японии: достижения, проблемы, перспективы // Ориентализм / Оксидентализм: Языки культур и языки их описания. М.: Совпадение, 2012. С. 344–371.
- 3. *Бакшеев Е. С.* Изучение Н. А. Невским языка и культуры Рюкю // Японоведение сегодня (общество, культура, язык): к 120-летию со дня рождения Н. А. Невского (1892–1937). В 2 т. Т. 1. СПб., 2012. С. 10–17 (Issues Of Japanology = Вопросы японоведения. № 4).
- 4. *Бакшеев Е. С.* Русский человек на островах Бессмертия // Восточная коллекция. Осень 2012. С. 41–57.
- 5. *Бакшеев Е. С.* Н. А. Невский исследователь культуры Окинавы (части 1–3) // http://www.ru-jp.org/baksheev12.htm, http://www.ru-jp.org/baksheev13.htm, http://www.ru-jp.org/baksheev14.htm.
- 6. Бакшеев Е. С. Обычаи, культы и поверия о-вов Мияко, Окинава (по «Матерьялам для изучения говора островов Мияко» Н. А. Невского). Вып. 1–6. http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1472~http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1481. 2010–2012.
- 7. Бакшеев Е. С. В поисках «Богини из Ниима»: по следам легенды «Почему перестали рождаться красавицы» Из наследия Н. А. Невского по культуре Окинавы (I) // http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1475, http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1476.
- 8. *Бакшеев Е. С.* О подготовке к публикации «Матерьялов для изучения говора островов Мияко» Н. А. Невского. Доклад на симпозиуме Ryukyuan Heritage Language Society 3.03.2012. Токио: Национальный институт японского языка, 2012 (на яп. яз.).
- 9. Бакшеев E. C. NEVSKY on MIYAKO: Unpublished Materials on Ryukyuan Ethnology, Folklore and Language // Доклад на «The Nikolai Nevsky Jubilee Panel». Симпозиум «Okinawan Studies Until Now, Okinawan Studies From Now On». Токио: Ун-т Васэда, 29.03.2012 (на яп. яз.); см. http://okinawasympo.files.wordpress.com/2011/12/panel-3.pdf; http://kanji-life.livejournal.com/24819.html
- 10. *Бакшеев Е. С.* Этнографические исследования Н. А. Невского на о-вах Мияко // Доклад на заседании Этнографического общества Окинавы. Сюри, Окинава, 26.05.2012 (на яп. яз.).

- 10а. Бакшеев Е. С. Исследования Николаем Невским фольклора островов Мияко // Сборник докладов 2-го симпозиума Центра по изучению культуры и фольклора Мияко «История и фольклор». Окинава, г. Миякодзима, 2008 (на яп. яз.).
- 11. Бакшеев Е. С. 「ニコライ・ネフスキーと沖縄・宮古島」(Николай Невский и острова Мияко, Окинава) // 『ドラマチック・ロシア in Japan 文化と史跡の探訪』(Драматическая Россия в Японии). Токио: Рассиан артс Инк., 2010.
- 12. Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978 (Русские востоковеды и путешественники).
- 12a. Икута Митико. 生田美智子編『資料が物語るネフスキー』 (Невский: Звучат документы). Осака: Осакский университет, 2003.
- Кабанов А. М. Неопубликованные материалы Н. А. Невского по этнографии островов Рюкю // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994.
- 14. *Невский Н*. 「宮古島の結婚と祭礼」(抄録)(«Брак и культы о. Мияко»; краткое изложение). 『地球』 («Гео»). 15.02.1924 г. Т. 1. N 3.
- 15. *Невский Н.* フスキー著・岡正雄編 (Ока Масао, ред.). 『月と不死』 («Луна и бессмертие»). Токио: Хэйбонся, 1971.
- Невский Н. А. Фольклор островов Мияко / Сост. Л. Л. Громковская. М., 1978.
- 17. *Невский Н. А.* Брак [на Мияко]. Рукопись. Библиотека Университета Тэнри. Тэнри, Япония.
- 18. Невский Н. А. Представление о радуге как небесной змее. Рукопись. Библиотека Университета Тэнри. Тэнри, Япония.
- 19. Невский Н. А. Представления о радуге как о небесной змее // ПВ. Вып. 8. 1996.
- 20. *Невский Н. А.* Общие сведения о географическом положении, официальном статусе и языке Мияко // ПВ. Вып. 8. 1996.
- Невский Н. А. Основные положения к докладу «Фонетика Мияко в японскорюкюской фонетической системе» // ПВ. Вып. 8. 1996.
- 22. Невский Н. А. ニコライ・A・ネフスキー著・狩俣繁久共訳『宮古のフォークロア』 (Фольклор островов Мияко) / Пер. Каримата Сигэхиса и др. Токио: Сунагоя сёбо, 1998.
- 23. *Невский Н. А.* [«Матерьялы для изучения говора островов Мияко»]. 『宮古 方言ノート』 («Заметки по диалекту Мияко»). Факсимильное издание. Мэрия г. Хирара, о. Мияко. 2005. Т. 1–2.

Evgeny Baksheev

NIKOLAI NEVSKY AS A RYŪKYŪANIST AND HIS MATERIALS FOR THE STUDY OF THE MIYAKO ISLANDS DIALECT

Nevsky's most important work in Ryūkyūan studies, *Materials for the Study of the Miyako Islands Dialect* (also known as *Notes on the Miyako dialects*), is a unique encyclopedia of the Miyako and of other Ryūkyūan languages and folklore (originally it also included a "Grammatical section"). This voluminous manuscript is still incomprehensible to the general research community. For a number of years (in 2011–12 as a Japan Foundation fellow) the author pursued research on and transcription and translation of that work. He reports on his recent launch of an international project to publish an edited and annotated version of the same work.

The author describes the manuscript housed at the IOM RAS (St. Petersburg) and the other related materials from Russian and Japanese archives. He argues that any scholarly edition should include major related data. He also illustrates an example of a section of the glossary, that on marriage institutions and ceremonies, taken from the manuscript.

NIKOLAI NEVSKY'S NOTES ON THE MIYAKO DIALECTS AS A RYŪKYŪAN COMPARATIVE LINGUISTICS RESEARCH TOOL

1. Introduction

This paper is devoted to one of Nikolai Nevsky's most outstanding achievements, meaning his trilingual Miyako-Japanese-Russian dictionary manuscript from the 1920s. I would like to focus on a component of the said dictionary which I consider to be of the utmost research value, namely the general Japonic lexical database that was lavishly featured by Nevsky in the manuscript. By means of exemplification and quotations from the dictionary, which is currently in the process of deciphering and editing by yours truly, it will be argued that the data gathered in this source could be effectively utilized in the comparative study of Ryūkyūan ethnolects, and perhaps even prove helpful with reconstructing some proto-Ryūkyūan or proto-Japonic lexical forms.

During his fourteen-year-long stay in Japan, Nevsky had visited the Miyakos three times: in 1922, 1926 and 1928. It was supposedly a part of his larger research program set out to embrace Japan's peripheral cultures and in so doing, to discover the key to the cultural and linguistic ancestry of the Japanese people(s); his earlier studies of the Ainu and 1927 expedition to examine the language and lifestyle of a Taiwan's (then a part of the Japanese Empire) indigenous people called Tsou seem to belong to the same research line. Aside from gathering the data on the Miyako ways of life, customs, rites, beliefs etc. (he wrote and published a few articles on these topics), and apart from collecting and scrutinizing traditional Miyako oral literature (along with translating some of the songs into standard Japanese, Russian or both, and writing commentaries upon

them¹), Nevsky got engaged into an attempt of compiling an extensive Miyako-language wordlist. What would eventually have become a twovolume facsimile published in 2005 by the Hirara City Educational Committee under the title of Miyako hōgen nōto (宮古方言ノート) started off as a handwritten collection of ten daigaku-nōto format notebooks, roughly a hundred and twenty pages each. The entries in the manuscript are arranged in an alphabetic-like order (albeit it is more of a mixed Roman-Cyrillic order than an application of one particular alphabetic system) and there are also some signs in the contents of the manuscript indicating that Nevsky actually meant for it to be a future publication. However, the level of editing does not exceed an only tentative phase, and so Miyako hōgen nōto — or Notes on the Miyako dialects, as I choose to translate the title into English, remain in their vaguely arranged, hardly legible handwritten form until this very day. In order to compensate for this situation, this author decided to process digitally the contents of Nevsky's Notes, a pursuit which bears numerous fruits as far as the knowledge on the Miyakos and the Ryūkyūs in general is concerned, one of which being the aforementioned comparative linguistics data.

An average entry in the *Notes* looks like the example below (pointy brackets have been added by this author and include her English approximation of the original contents),

with the abbreviation (Ps) meaning 'Hirara', which indicates that the given lexeme was used in the area of the Hirara city (Hirara-chō or 平良町 in Nevsky's times), or that it belonged to the Hirara sub-variation of the Miyako language. This kind of geographical abbreviations was extensively applied by Nevsky throughout the whole manuscript, which made it possible to identify the precise regional origin of the recorded lexemes, and which, moreover, enabled Nevsky to display in the form of an optional commentary a wide range of non-Miyako lexemes considered to be cognates of the given entry. Thus, the above example in its complete version actually consists of the following data:

¹ Nevsky's research on the Miyako oral traditions can be found in the following volumes: Oka 1971, Nevsky 1998, or the Russian original of the latter edited by Gromkovskaya in 1978.

$$(イト)$$
 kain $(ナゴ)$ kajin $(イエ)$ kajun $(⊐ハ)$ k' \tilde{a} raun $(ナセ)$ $(イシ)$ karun $(スミ)$ $(トク)$ kar'un $(アラ)$ k' \tilde{a} run $(イシ)$ ko: \mathfrak{g}]².

The bracketed abbreviations used by Nevsky can be interpreted in the subsequent way:

- a) (Jap) stands for 'Standard Japanese' (of Nevsky's times, i.e. Taishō/early Shōwa era);
- b) (Ya) means either 'general Yaeyama' or 'unspecified Yaeyama', which supposedly indicates that either the given lexeme was used and/or understood throughout the whole Yaeyama island cluster, or that was is not exactly known which particular island or settlement of the Yaeyamas the given lexeme originated from;
- c) $(\not D \square)$ means Kuro, $(\square \land \land)$ means Kohama, $(\overrightarrow{\land})$ means Ishigaki and (\nearrow) means Aragusuku, all of which are the Yaeyama island cluster islands;
- d) $(\mathcal{D}\mathcal{F})$ means Kadena, $(\mathcal{A}\mathcal{F})$ means Itoman, $(\mathcal{F}\mathcal{I})$ means Nago, i.e. cities of the Okinawa main island; $(\mathcal{A}\mathcal{I})$ is the island Ie of the Okinawa island cluster;
- e) (キカ) is the island Kikai, (トク) is the island Tokuno, (ナセ) is the city of Naze and (スミ) is the Sumiyō settlement of the Amami Ōshima, all of which belong to the Amami island cluster.

A majority of entries in the *Notes on the Miyako dialects* seems to be likewise equipped in synchronic comparative data. Furthermore, in some entries Nevsky suggested the probable ancestors of the given

² Phonetic symbols applied by Nevsky which differ from the modern IPA guidelines (cp. IPA 1999) are thought to be best interpreted as follows.

Apostrophe <'> indicates palatalization with all consonants but for the alveolar fricatives and affricates.

Acute accent <> mark placed directly over either an alveolar fricative or an affricate consonant indicates its palatalization, cp. <\$>, <6>. When placed over a vowel, it indicates its slight narrowing, cp. <6>.

Grave accent <'> mark placed beside a consonant indicates its aspiration, cp. <k'>. When directly over a vowel, it indicates its slight lowering, cp. <è>, <ù>.

Cyryllic character <3> indicates voiced alveolar fricative which differs from its other allophone, indicated with the "normal" <z> character, in its distributional and phonotactical characteristics; contrary to <3>, <z> is moraic, may be syllabic, geminated, and occurs after voiced plosives and in the word-final position. Perhaps in the modern IPA notation the two could be distinguished in such a way that <3> would be marked as [z], and <z> would be marked as <z>, with the lowering diacritic directly below the sound symbol and reflecting this allophone's reported 'greater lip aperture' (Uemura 2003: 46). This proposal, however, needs further investigation before it can be applied to the description of the Miyako phonetics.

lexeme, displaying its possible cognates as found in some Old-Japanese or Old-Ryūkyūan sources, such as the *Man'yōshū*, *Omorosōshi* or *Konkōkenshū*. The quality and amount of such information stored in the *Notes* calls for its extensive application to the comparative study of Ryūkyūan languages, from the synchronic — meaning their description as they were back in the 1920s — as well as the diachronic point of view. In this paper I will focus on two aspects of comparative Ryūkyūan linguistics towards which the *Notes* could be utilized in this respect. One will pertain to verbal endings found in various Ryūkyūan languages as opposed to their mainland Japanese counterparts, and I will make an attempt to draw the regularities in the phonetic changes noticeable among the languages of interest. The other will trace the phonetic whereabouts of a certain vowel peculiar to the Miyako phonemic system, significantly ambiguous in its descriptions to be found so far in the literature on the subject.

Note: in order to discriminate between phonetics and writing conventions, while speech sounds are indicated by standard square brackets, such as [i], particular script characters, their sound value notwithstanding, will appear in pointy brackets, for example <i>.

2. Correspondences in verbal endings

The following analysis will pertain to the phonologically final parts of non-past finite verbal forms, rather than to verbal endings in the morphological meaning of this term. In other words, the discussion will be focused on those parts of verbs which may sound different depending on the language variation they are used in, regardless of whether they form an actual ending or a stem of a verb from the morphosyntactic point of view.

The point of reference in all cases presented below will be standard Japanese non-past finite verbal forms and their ending syllables. In case of all verbs and ethnolects, if not indicated differently, the transcription will be identical to the one used by Nevsky in the manuscript of *Notes on the Miyako dialects*.

2.1. SJ -rw verbs

Japanese -rui verbs, whether they belong to the consonant or vowel inflection type, alter their forms in the Ryūkyūs in the way seen below.

SJ	Miyako	Irabu/ Tarama	Yaeyama	Okinawa	meaning
ageru/ aŋeru	agiz	agil	agirun	agijun	'to lift sth up'
dekiru	diki:z	dikil	diki:ruŋ/ diki:ŋ	52	'to be made, to be ready'
odoru (Old Japanese wodoru/ wotoru)	buduz	budul	buduruŋ	wwdwjwŋ	'to dance'

Table 2.1

Thus, the -rui syllable is taken place by -z on the Miyako main island, -l⁴ in Irabu and Tarama language variations, -run/-ruin in Yaeyama and -juin in Okinawa.

2.2. SJ -sw verbs

Standard Japanese -sw verbs in Miyako language end in the syllable -sï ([ï] indicates a slightly centralized front vowel — "more central than its counterpart in the Tōhōku dialects and less central than the parallel vowel in the Amamis", to borrow Nevsky's own words,⁵ see further discussion in section 3), -sïŋ in Yaeyama-Ryūkyūan and -śwŋ or -swŋ in Okinawa-Ryūkyūan.

SJ Okinawa Miyako Yaeyama meaning 'to show, arawaśwn arawasu ara:sï ara:siŋ to express' 'to put awasu a:si a:sin a:śwŋ together' 'to feed, kwwasw fa:sïŋ kwa:sun fa:sį to make sb eat'

Table 2.2

2.3. SJ -mw

When Standard Japanese word-final syllable of a verb is -mu, Mi-yako-Ryūkyūan verbs are recorded by Nevsky with the word-final -m, while Yaeyama verbs end with -muŋ and Okinawa verbs with -muŋ.⁶

³ An Okinawan cognate of this verb was not found in the Notes.

⁴Reportedly a retroflex lateral approximant []]. Cp. Nevsky 1998: 8.

⁵Oka, 1971: 94.

⁶ The back-close vowel for Okinawan ethnolects usually seems to be indicated as unrounded [w], while in case of Yaeyama ethnolects notation differs from lexeme to lexeme.

fumu

mm

to tread upon'

Miyako SJOkinawa Yaeyama meaning Ikema other 'to knit, to plait' атш am amun amun kumu fum fumun kumun 'to draw (water)' mm'to stomp, fũm fumun kumun (Nago)

Table 2.3

2.4. SJ -kw

In case of Standard Japanese verbs with final syllable -kuu, most of the Miyako language variations seem to replace the final -ku with -ksi, while in the Sawada ethnolect (perhaps representative of the Irabu island as a whole, but this hypothesis is yet to be confirmed) the final syllable may be -fu(:) or -ci (the reason for whose discrepancy needs to be further investigated), -kun in Yaeyama and -ćuun in Okinawa.

SJMiyako-Sawada Miyako-other Yaeyama Okinawa meaning azksi/ alksi aragun arwkw alfu: atćun 'to walk' (Tarama) (Ishigaki) 'to fry' jaku jak^sï jakun jaćun jaci kakun/kak^sï haćuŋ kakıu kak^sï kacï 'to write' (Ishigaki) (Ie) naćun naksï 'to cry' nakw nafu nakun (Yoron)56

Table 2.4

2.5. Other

Although so far there has not been enough examples of multiple Ryūkyūan language variations for other Standard Japanese verbal endings counterparts, with those few that actually are recorded (those are obviously Miyako-Ryūkyūan verbs for the most part) one can hypothesize about the inter-Ryūkyūan regularities and the resulting verbs which were not directly included by Nevsky in the Notes.

Perhaps the rounded or unrounded realization of this vowel in the Yaeyamas of 1920s was related primarily to some kind of idiolect allophony.

⁷ For this lexeme no general Okinawan equivalent has been given, however, the proposed ending seems to be shared in the southern Amami language variations, such as Yoron or Okinoerabu.

(macu — maci 'to wait')

```
2.5.1 Standard Japanese -ow = Miyako -u:
(ikow — juku: 'to rest')
2.5.2 Standard Japanese -aw = Miyako -o:, Sawada -au<sup>8</sup>
(araw/ aro: — aro: — arau 'to wash')
2.5.3 Standard Japanese -gw/ -nw = Miyako -g<sup>z</sup>i; suggested ending for Yaeama -gun, Okinawa -swn.
(aogw — aug<sup>z</sup>i 'to look up', isogw — isug<sup>z</sup>i 'to hurry')
2.5.4 Standard Japanese -nw = Miyako -niz.
(śinw — sïniz 'to die'; albeit presumably derived from the attributive form of the Old Japanese verb, i.e. śinwrw — *sïnwz — sïniz)
2.5.5 Standard Japanese -cw = Miyako -cï.
```

3. Comparing vowel distribution: the <ï> vowel case

This section will be focused upon distributional qualities of one particular Miyako vowel, whose description so far has provided much controversy and ambiguity in the field of Miyako phonetics. This vowel has been called a central close vowel (Hokama 1977, Hayashi 2010), an apical close front vowel (Uemura 2003), or a close back unrounded vowel (Pellard 2010, albeit referring to the Ōgami-Miyako variation). There seems to be no common agreement among researchers when it comes to naming and interpreting this sound; Karimata (2011) suggests that the main discrepancy stems from differing points of view, as those who argue about the 'centralness' of the vowel lean upon the auditory bases, while the 'apical front' party form their assessment on the articulatory grounds.⁹

Nevsky used the symbol <i> for indicating this vowel, which even today could be interpreted as a 'front vowel more central than [i] and less central than [i]'; on the other hand, bearing in mind the times when Nevsky compiled his dictionary and the phonetic symbols which were in use during the day, one should also consider the significant probability that by writing <i> Nevsky simply meant the sound that today would be marked by the symbol [i]. The latter hypothesis is further supported by the fact that Nevsky himself referred to this sound as a 'mixed vowel', as opposed to front and back vowels. However, as it was mentioned previously, Nevsky defined this [i] sound as an intermediate one between the Tōhōku 'modi-

⁸ That said, the 2.5.1 and 2.5.2 categories may also overlap, cp. SJ *warau/waro*: versus Tarama *baru*: 'to laugh'.

⁹ Karimata 2011: 196–197.

fied [i]' and the Amami Ōshima [i] (he used exactly this symbol for denoting the Amami sound), identifying the latter with the Russian <ы> vowel. 10 All in all, it seems that Nevsky considered the Miyako <i> sound a near-front close vowel.

Distributional facts about the vowel [i] (author decides stick to this phonemic symbol as the reference to this vowel for the rest of this paper) are roughly the following:

- when after fricatives and affricates, it retains its "default", close-central quality (cp. *mɜï-gi* 'ugly' in Hirara, Sawada and Sarahama, *kafuci* 'vegetable garden' in Hirara);
- when after voiceless plosives, due to the strong airflow characteristic of the Miyako language, a voiceless alveolar friction occurs between a consonant and the vowel; Nevsky marks this phenomenon with an upper index $\langle s \rangle$ character (cp. $k^s \ddot{i} mu$ 'liver' in Hirara);
- similarly, when after voiced plosives, a voiced alveolar friction occurs, marked by Nevsky with the upper index $\langle z \rangle$ character (cp. $irab^z\ddot{i}$ 'to choose' in Hirara);
- when on its own as a single-sound syllable nucleus, the vowel loses its vocalic quality and becomes syllabic [z] (cp. *futa:z* 'two people' in Hirara and Uechi);
- finally, in some language variations (Tarama, Irabu) and in some contexts, this vowel may occur after the bilabial nasal (cp. *miz* 'new' in Tarama and Sawada, *imiz* 'taboo' in Sawada).

Given the correspondences between the distribution of this vowel and the parallel usage of other vowels in Standard/ Old Japanese, as well as the inter-Miyako and inter-Ryukyuan correspondences shown in Nevsky's dictionary, the following hypotheses can be brought forward.

a) In some cases, as it is with verbal endings, the Miyako [i] corresponds with the Standard Japanese [w], as in *arawasu* — *ara:si* or *kaku* — *kak^si*. However, in different cases [i] sometimes happens to act as an equivalent to the mainland Japanese [i], such as *mukaśi* — *mkasi* 'the past'.

From the so far gathered data it can be inferred that where there is [i] in Japanese, in Miyako [\ddot{i}] appears to counter the [i]-related palatalization. This assumption finds its proof in pairs of words such as $i\dot{s}i - is\ddot{i}$ 'a stone', $ha\dot{s}i - pas\ddot{i}$ 'a bridge', $ja\dot{s}iki - ja:s\ddot{i}k\ddot{s}\ddot{i}$ 'a residence', $i\dot{c}i - ic\ddot{i}$ 'one', $ci\dot{t}i - ci\dot{t}i$ 'one', $ci\dot{t}i - ci\dot{t}i$ 'a man'.

On the other hand, when palatalization of a consonant in mainland Japanese is not related to the subsequent occurrence of [i], i.e. if the palatalized consonant is followed by [w] or [a], its Miyako equivalent

¹⁰ Oka 1971: 94.

remains palatalized, while the vowel either remains the same (if it is open) or undergoes raising (if it is close); cp. Miyako $im\acute{s}a$ 'fisherman' explained by Nevsky by Old Japanese morphemes umi 'the sea' $+ \acute{s}i$ 'doing' + ja 'someone', i.e. $umi + \acute{s}ja$, Sawada $g\grave{u}\acute{s}i$ — Japanese $go\acute{s}u$ 'ritual wine'.

- b) If the aforementioned assumptions do not apply even though all the necessary phonemic conditions have been met, it might suggest that these "not-applying" words were quite recent loanwords borrowed directly from mainland Japanese the way they sounded, rather than being distant descendants to some Proto-Japonic lexical form shared by the ancestors of the present-day Miyako and Japanese speakers.
- c) The vowel-derived [z] phoneme appears often in the word-final position after an actual vowel, thus preventing a V + ï type diphtongization. This explains how Standard Japanese -ru verbs in Miyako end in -z (in Tarama and Irabu variations it is -l); -r- collapses by either disappearing completely or merging into the preceding vowel and consequently lengthening it, while the final -u changes into -ï and in turn into -z. Interestingly enough, Niinaga (2011: 42) mentions a peculiar phenomenon from the Yuwan variation of Amami-Ryūkyūan, called by him the "flap deletion rule", in accordance with which [r] is always deleted should it appear before palatalization-provoking sounds, such as [i]. If one assumes that a similar rule (such as flap deletion before close vowels) applies to the Miyako language variations, the aforementioned phonemical evolution would be somehow explained. (However, in case of Irabu and Tarama one would have to consider "flap lateralization" rather than "flap deletion", palatalization blocking processes notwithstanding.)

A few entries in Nevsky's *Notes* provide suggestions as to what the possible evolution from [i] to [z] may have looked like. First there could have been a slight voiced friction between another vowel and the subsequent [i] which prevented the dyphtongization, as seen in Hirara lexemes *mi:pytu*^zi' 'blinding', *buna*^zibiki^zi' 'brothers and sisters', *mi*^ziginai 'a new household'. It seems very probable that such words were a retention of an earlier phonetical development stage, which resulted in complete replacement of the word-final [i] by the moraic [z].

d) The -mï- syllabic combination in Tarama and Irabu ethnolects could have originated because of the bilabial quality of the nasal [m], due to which there appeared a friction similar to that after [b]. However, perhaps because of the sonorant quality of [m], the friction may have eventually disappeared with only the basic vowel left after [m] — or rather, switched places so that it found itself after the vowel, as in Tarama *mïs-cī* 'three'

¹¹ Niinaga 2011: 36-37, 42.

or Sawada $m\ddot{z}\dot{z}umi$ 'a bride'. In the *Notes* there are a few words recorded with both realizations shown as possible, like Sawada $im^z\ddot{z}/im\ddot{z}$ 'taboo', which may be thought of as confirming this evolution pattern. One could also consider this nasal + [$\ddot{1}$] combination as a hint for possible genetic affinity of Tarama and/or Irabu ethnolects with the Yaeyama-Ryūkyūan language, where such [m] + [$\ddot{1}$] combinations seem to appear on the regular and frequent basis.

4. Endnote

The issues discussed in this paper are by far no attempt to provide a complex nor systematic presentation of all possible ways to apply Nevsky's *Notes* into the field of comparative and diachronic Ryūkyūan linguistics. My intention was rather to estimate the possibilities stored in that 90-year-old manuscript by showing just a few aspects concerning the research in the said field, to answering whose questions the *Notes* may provide some significant and worthwhile clues.

There should be some emphasis put on the fact that not only was Nevsky probably the very first scholar ever to have put down the Miyako language in phonetic symbols instead of *kana* syllabaries, but also that his records, be it Miyako or any other ethnolect, provide an image of the Ryūkyūan languages from the era when they were still in a frequent everyday use, spoken by all generations and not as altered by the influence of Standard Japanese. It is easy to imagine how priceless the inter-Japonic contrastive data from those times and this kind of a professional source could be.

References

Hayashi Yuka. Ikema (Miyako Ryukyuan) // Thomas Pellard, Michinori Shimoji (eds.) An introduction to Ryukyuan languages. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 2010. P. 167–188.

Hokama Shuzen. Okinawa-no gengo to sono rekishi [Languages of Okinawa and their history] // Susumu Ōno, Shibata Takeshi (eds): Kōza nihongo 11. Hōgen [courses on Japanese language 11: dialects]. Tokyo: Iwanami Shoten, 1977. P. 182–233.

外間守善.「沖縄の言語とその歴史」大野晋・柴田武編『講座日本語11。 方言』東京:岩波書店.1977.

Karimata Shigehisa. On'in kenkyū-to hōgen shidō-kara Miyako hōgen-no hyōkihō-o kangaeru [Thinking over a notation of Miyako dialects from the point of view of phonemic research and dialect teaching] // Patrick Heinrich, Michinori Shimoji (eds) 琉球諸語記録保存の基礎 Essentials in Ryukyuan language documentation. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 2011. P. 194–204.

- 狩俣繁久.「音韻研究と方言指導から宮古方言の表記法を考える」パトリック・ハインリッヒ、下地理則(編)『琉球諸語記録保存の基礎』東京:東京外国語大学アジア・アフリカ言語文化研究所. 2011.
- *Katō Kyūzō*. Ten-no hebi. Nikorai Nefusukii-no shōgai [A snake out of heaven, the life of Nikolai Nevsky]. Tokyo: Kawade Shobō, 2011.
- Kubozono Haruo. Nihongo-no onsei [Japanese phonetics]. Tokyo: Iwanami Shoten, 1999. 窪園晴夫. 『日本語の音声』東京:岩波書店. 1999.
- Majewicz A. F. A contrastive analysis of Polish and Japanese phonemic systems with special reference to the teaching of Japanese in Poland. Poznan: Wydawnictwo UAM, 1986.
- Miyara Shinsho. Japonikku gozoku-no naka-no Ryūkyūgoha [Ryūkyūan branch of the Japonic language family] // Patrick Heinrich, Michinori Shimoji (eds.) 琉球 諸語記録保存の基礎 Essentials in Ryukyuan language documentation. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 2011. P. 12–41.
- 宮良信詳.「ジャポニック語族の中の琉球語派」パトリック・ハインリッヒ、下地理則(編)『琉球諸語記録保存の基礎』東京:東京外国語大学アジア・アフリカ言語文化研究所. 2011.
- Nevsky N. A. Miyako hōgen nōto. Fukushabon (jō) [Notes on the Miyako dialects: a reproduction, part 1 of 2.]. Hirara: Okinawa-ken Hirara-shi Kyōikuiinkai, 2005. ニコライ・A・ネフスキー. 『宮古方言ノート。複写本(上)』 平良市:沖縄県平良市教育委員会. 2005.
- Nevsky N. A. Miyako no fōkuroa [Folklore of the Miyakos / Edited by Lydia Gromkovska, translated by Shigehisa Karimata et al.]. Tokyo: Sunagoya Shobō, 1998. ニコライ・A・ネフスキー. 『宮古のフォークロア』 リヂヤ・グロムコフスカヤ編 狩俣繁久他共訳 東京:砂小屋書房. 1998.
- Niinaga Yuto. Yuwan (Amami Ryukyuan) // Thomas Pellard, Michinori Shimoji (eds.) An introduction to Ryukyuan languages. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 2011. P. 33–85.
- Oka Masao (ed.). Tsuki to fushi. N. Nefusukii [The moon and immortality, N. Newsky]. Tokyo: Heibonsha, 1971.
 - 岡正雄編.『月と不死。N・ネフスキー』東京:平凡社. 1971.
- Pellard Th. Ōgami (Miyako Ryukyuan) // Thomas Pellard, Michinori Shimoji (eds.) An introduction to Ryukyuan languages. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 2010. P. 113–166.
- The International Phonetic Association. The principles of the International Phonetic Association. Paris: Association Phonétique Internationale, 1912.
- The International Phonetic Association. Handbook of the International Phonetic Association. A Guide to the Use of the International Phonetic Alphabet. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- *Uemura Yukio*. The Ryukyuan language. Suita: Endangered Languages of the Pacific Rim Research Project, 2003.

Александра Ярош

«МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОВОРА ОСТРОВОВ МИЯКО» Н. А. НЕВСКОГО КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЮКЮСКИХ ЯЗЫКОВ

«Материалы для изучения говора островов Мияко» Н. А. Невского — это не просто многоязычный словарь, а очень ценный источник для целого ряда лингвистических дисциплин, имеющих отношение к рюкюанистике, одной из особенностей которого является огромная база лексических данных из целого ряда этнолектов как островов Рюкю, так и основной Японии. В данной статье выдвинуты предложения по возможным путям использования лингвистами «Материалов» Н. А. Невского в рюкюско-японских компаративных и диахронических исследованиях на примере анализа конечных глагольных форм в разных диалектах японского языка и фонемического положения загадочной гласной [ї] в языке Мияко.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РЮКЮ

R. Caroli

TRAVELS OF A NATIONAL TREASURE. THE RECORDS OF THE RYUKYUAN ROYAL FAMILY SHŌ (RYŪKYŪ KOKUŌ SHŌ KE KANKEI SHIRYŌ)

In 1992 Okinawan newspapers announced that the City of Naha would be trusted with monuments of great value. They included Tama Udun 玉陵, the royal mausoleum of the Ryūkyū Kingdom which was built at the beginning of the 16th century and was designated an UNESCO World Heritage Site in 2000; the wall and gate of Sōgenji 崇元寺, a Buddhist temple erected at the end of the 15th century, which is included in the list of the Important Cultural Properties of Japan; and the royal garden of Shikinaen 識名園, which was constructed in 1799 in the southern part of the Shuri Castle by combining Japanese, Chinese, and Ryukyuan elements, and is designated as a Special Place of Scenic Beauty¹.

Three years later, other historical assets were bequeathed to Naha; they consisted of precious artworks, ritual objects, and historical documents dating back hundreds of years and belonging to the second Shō dynasty of the Ryūkyū Kingdom (1470–1879). From 1998 until 2002, the Agency of Cultural Affairs made an inventory of these assets, enlisting 85 items of art and crafts (articles of clothing, headdress, lacquers, furniture, etc.), and 1166 documents (including construction plans and registers of funeral items) in the Records of the Ryukyuan royal family Shō (Ryūkyū kokuō Shō ke kankei shiryō 琉球国王尚家関係資料)². In 2006 they were designated a National Treasure (kokuhō 国宝) in the category of historical materials (rekishi shiryō 歷史資料)³. The value of these documents

¹ Ryūkyū shinpō. 28 December 1992.

² Ibidem. 23 March 2002 and 1 March 2003.

³ Ibidem. 19 March 2006; Okinawa taimusu. 20 March 2006. Between 2004 and 2008, the records have been reproduced as microfilm under a project led by Professor Tomiyama Kazuyuki, University of the Ryukyus. See *Tomiyama Kazuyuki* 豊見山和行. Ryūkyū kokuōke — Shōke monjo no sōgōteki kenkyū 琉球国王家・尚家文書の総合的研究

is inestimable both for the history of the Ryūkyū, particularly for its relationship with China and Japan.

The author of these generous donations was Shō Hiroshi 尚裕 (1918—1997), the twenty-second descendant of the Shō family and the great-grandson of the last king Shō Tai 尚泰(1843–1901)⁴. The Records were transferred from Tokyo to Okinawa and are now conserved at the Naha City Historical Museum (Naha shi rekishi hakubutsukan 那覇市歴史博物館).

Actually, for many decades they were stored in the Shō residence in Tokyo, where Shō Tai was required to move since the demise of the kingdom in 1879. He was the last monarch to ascend to the Ryukyuan throne in 1848 and to receive investiture as king from the Chinese emperor. Indeed, like other East Asian countries, Ryūkyū maintained a tributary relationship with China for about five centuries; even after the Satsuma invasion of 1609, when the Japanese feudal domain took control of its diplomatic and economic affairs, the kingdom remained a tributary state to China. When the Meiji government claimed its rights on Ryūkyū, Beijing reacted by filing strong complaints with Tokyo; but neither Chinese protests nor Ryūkyū's opposition were able to prevent Japan from asserting its sovereignty on the southern islands. Japan's interference in Ryukyu an internal affairs started in 1872, when the kingdom was transformed into a Japanese domain (han) and king Shō Tai was appointed "chief of the Ryūkyū domain" (Ryūkyū han'ō 琉球藩王). Seven years later, when the Ryūkyū domain was abolished and the Okinawa prefecture was established, Shō Tai was required to go to Tokyo. He was allowed to return to Okinawa only once (1884-85) and he lived in Tokyo until his demise, in 1901.

Rather than illustrating the contents of the Records of the Ryukyuan royal family, the purpose of this paper is to reconstruct their story since the end of the kingdom when, after being preserved in the Shuri Castle for centuries, they were moved from the castle to the nearby residence of the crown prince, namely Nakagusuku Udun 中城御殿. Later, a part of them was taken from Okinawa to Tokyo, where they withstood adversities and could finally be brought back again to Okinawa in recent times.

⁽The royal family of Ryūkyū kingdom. A comprehensive research relating the Records of the Shō family). Nishihara, 2008.

⁴ Shō Tai was the second son of king Sho Iku 省育 (reign 1835–1847), but the premature death of his elder brother made him crown prince.

From Shuri Castle to Nakagusuku Udun

The relocation of the royal archives from the Shuri Castle to the residence of the crown prince is linked to the final act of *Ryūkyū shobun* 琉球処分, namely the measures imposed by the Meiji government in order to incorporate Ryūkyū into Japan, when the Ryūkyū kingdom was finally abolished and the former king left Okinawa in 1879.

Since 1872, Shō Tai had been required to visit the capital and pay his respects to Emperor Mutsuhito on several occasions, but he had always declined the request by adducing ill health. Yet he could not ignore the directives issued by Meiji government seven years later, which were announced to the Ryukyuan authorities on March 27 by Matsuda Michiyuki 松田道之 (1839–1882), who was escorted by dozens of Interior Ministry officers, 160 military police and 400 soldiers⁵. The former king was ordered to depart to Tokyo and was given time until the end of March to give up Shuri castle. In the evening of March 29, escorted by a retinue of hundreds attendants, Shō Tai passed through the side gate Kyūkeimon 久 慶門, leaving the castle in the hands of Japanese troops. A long procession followed him to the residence of Nakagusuku Udun, where the Shō family's assets and former royal government official records were relocated⁶. He spent about two months there, during which the Meiji government urged him time and again to leave for Tokyo, assuring that he would be escorted by medical staff to take care of his health⁷. When threatened with the use of the force, he finally resolved to leave⁸.

⁵ Former governor of Shiga prefecture, Matsuda was named shobunkan 琉球処分官 (Disposition officer) by Emperor Meiji in 1875. He showed a great ability to solve the 'Ryukyuan problem', which had become a thorny issue for the Tokyo government, and was later defined as one of the greatest diplomats in the first Meiji period. Cfr. *Kiyama Takeharu* 木山竹治, *Matsuda Michiyuki* 松田道之. Tottoriken kyōikukai, 1925. P. 38. The four orders signed by the head of the Great Council of State (Daijōkan 太政官) Sanjō Sanetomi, were transmitted on 27th March to prince Nakijin (younger brother of Shō Tai) given that the former King's ill health prevented from receiving Matsuda. *Higashionna Kanjun* 東恩納寬惇. Shō Tai kō jitsuroku 尚泰侯実録 (Veritable record of marquis Shō Tai), in Higashionna Kanjun zenshū 東恩納寬惇全集 2 (Collected works of Higashionna Kanjun. Vol. 2). Daiichi shobō, Tokyo, 1978, P. 413–414.

⁶ Ibidem. P. 418–419 e 505.

⁷ Ibidem. P. 421.

⁸ Ibidem. P. 424. According to Kishaba Chōken 喜舎場朝賢 (1840–1916), a close adviser of the former king, "Shō Tai himself made the decision [to depart] rather than receive the insult of being compelled [by force]". Quoted in *Kawabata Megumu* 川畑恵, "Ryūkyūhan'ō no jokyō no imi" 琉球藩王尚泰の上京の意味 (The significance of Shō Tai's visit to the capital),

On May 19, he gave orders to prepare his departure, and on May 27 he left Nakagusuku Udun for Shuri. Here he boarded a ship together with a doctor, a large group of former courtiers, and his second son Shō In 尚寅 (1866–1905), who was 139. Once in Tokyo, he could meet his elder son Shō Ten 尚典 (1864–1920), prince of Nakagusuku and namely the crown prince, who had left Okinawa about one month earlier in order to present a petition to the Meiji government, asking for a delay of his father's departure because of his illness¹0. On June 17th, Shō Tai and his two sons were admitted to the imperial presence. On that occasion, he was bestowed with the third rank of the Japanese peerage by Emperor Meiji and received a residence in Tokyo from him. Besides, he and his two sons were ordered to reside permanently in Tokyo.

Probably, when Shō Tai left Okinawa in the spring of 1879, he did not imagine that he would be prohibited to go back again to his native land. Indeed, the directives of the Meiji government that were transmitted to Ryukyuan authorities in March 1879 required Shō Tai to visit Tokyo, without mentioning permanent residence¹¹. Besides, the Meiji government seemed not to have considered at that time the hypothesis that the former king should have to live permanently in Tokyo. ¹² Rather, this decision was likely taken only when the government found itself in the "unexpected" situation of welcoming both Shō Tai and his two direct heirs. ¹³

in Shoryōbu kiyō 書陵部紀要 (Bulletin, study on the Japanese culture in relation to the Imperial Family and Court), 1998. Vol. 50. N. 5. P. 61.

⁹ Higashionna. Shō Tai kō jitsuroku, cit. P. 424–425.

¹⁰ Ibidem. P. 422 e 506.

¹¹ For the text of these documents see ibidem. P. 414–416.

¹² According to some scholars, the Meiji government decided that Tokyo should become the place of Shō Tai's permanent residence before the establishment of Okinawa Prefecture, but did not transmit the order considering the reactions it might have caused among local people. Yet, some sources of the period indicate that Meiji leaders did not seem to consider this possibility even after the Shō family moved to Nakagusuku Udun. Cfr. *Kawabata*. Ryūkyūhan'ō no jokyō no imi, cit. P. 59; *Kishaba Kazutaka* 喜舎場一隆. Ryūkyū Shōsi no subete 琉球・尚氏のすべて (*Ryūkyū* and the Shō family), Shinjinbutsu ōraisha, Tokyo, 2000. P. 167–168.

¹³ When Matsuda informed Itō Hirobumi that Shō Tai and his second son would leave, he defined the news as "unexpected fate" (*igai no un* 以外 / 運). An analogous surprise (*jitsu ni igai no koto* 実二意外 / 事 or "a very unexpected fact") was expressed in otherparts of the correspondence between Matsuda and Itō. *Matsuda Michiyuki* 松田道之 (ed.). Ryūkyū shobun 琉球処分 (The Disposition of Ryūkyū) // Meiji bunka shiryō sōsho 明治文化史料叢書. Vol. 4 (Gaikōhen, 5). Kazamashobō, Tōkyō, 1987. P. 295–298. For the political implications of Shō Tai's decision to leave, cfr. *Kawabata*. Ryūkyūhan'ō no jokyō no imi, cit. P. 61–62; *Higa Chōshin* 比嘉朝進. Shurijō ōchoki 首里城王朝紀 (Chronicle of Shuri royal dynasty). Fudokisha, Naha, 1989. P. 220; *Ozaki Saburō* 尾崎三良. Ozaki Saburō jijo ryakuden. 尾崎

The fact that Shō Tai did not probably consider his departure as a definitive separation from Okinawa might explain why, when he left for Tokyo, he did not bring with him the royal family's assets, the former government official records as well as the crown treasure, which remained instead in Nakagusuku Udun. After his departure, the only male heir of the Shō family remaining there was his fourth son Jun 順 (1873–1945), since the third son was dead when he was only two years old.¹⁴

We have scant evidence about the life of the former Ryukyuan king after he moved to Tokyo in 1879. Some scholars assert that he perceived his life in the capital as a kind of forced exile. He was also said to be very retiring in Tokyo, where he dedicated himself to reading, composing poems and caring for the education of his numerous children. Information about the residence that he received from the emperor is fragmentary too. We know that it was near the imperial palace and located in Kōjimachi, Fujimimachi 2 chome, 8 ban-chi 麹町富士見町二丁目八番地. It was almost 2000 tsubo, that is about 6500 square metres. In

The Shō family residence in Kōjimachi is mentioned by people who visited it or lived there. For example, the karate master Kyan Chōtoku 喜屋武朝徳 (1870–1945) stayed there for about eight years. He was the son of Kyan Chōtu ueekata 喜屋武親方朝扶, a royal government official who took part in the missions sent by Shō Tai to Tokyo, and in 1879 followed him to the capital bringing his children along. In his "Reminiscence of karate" written in 1942, Chōtoku remembered the period when he stayed at the Shō family residence and studied Chinese classics at the Nishōgakko 二松學校 in Fujimimachi. He was required to practise karate in the garden with his father even when it was snowing, while everybody else coming from Okinawa seemed to freeze to death in wintertime. Nevertheless, during his eight years in Tokyo he never caught a cold, and he could spend a happy youth in the capital. He also remembered that after a short time he was there, the former head of Naha police station,

三良自叙略伝 (A Biographical sketch of Ozaki Saburō). Chūkōbunko, Tokyo, 1979. Vol. 1. P. 352; *Itō Takashi, Ozaki Harumori* (eds.) 伊藤隆, 尾崎春盛. Ozaki Saburōnikki 尾崎三良日記 (The diary of Ozaki Saburō). Chūōkōronsha, Tokyo, 1991. Vol. 1. P. 204.

¹⁴ Higashionna. Shō Tai kō jitsuroku, cit. P. 483.

¹⁵ Cfr. Higashionna. Shō Tai kōjitsuroku, cit. P. 448–449; Okinawa daiyakkajiten 沖繩大百科事典 (Encyclopaedia of Okinawa). Vol. 2. Okinawa Taimususha. 1983. P. 424–425; Okinawa ken kyōikuiinkai (ed.) 沖縄県教育委員会. Okinawa kenshi 沖縄県史 (History of Okinawa Prefecture). Bekkan-Okinawa kinseijiten 別館・沖縄近代史辞典 (Supplement: Historical dictionary of modern Okinawa). Naha, 1977. P. 321–22.

¹⁶ Higashionna. Shō Tai kō jitsuroku, cit. P. 429.

¹⁷ Ibidem. P. 331–332; *Kawabata*. Ryūkyūhan'ō no jokyō no imi, cit. P. 56.

Hiyagon Kō 比屋根安昂, came to live in the Shō family residence together with his father, and that they used to recall old stories, even if they seemed to have become just dreams of the past. 18

The residence of the last king in Kōjimachi was also a place for meetings of young Okinawans living in Tokyo. Indeed, in November 1886 the Yūshinsha 勇進社 (The dauntless association) was created; the following year it was renamed *Okinawa gakuseikai* 沖縄学生会 (The association of Okinawan students) and later, in 1890, *Okinawa shonenka i* 沖縄青年会 (The society of young Okinawans). The temporary office of the society was established in the residence of the Shō family in Kojmachi, where the meetings of the association were held too¹⁹.

Shō Tai died on 19 August 1901, leaving the title of marquis and a hereditary seat in the House of Peers to his elder son Ten. He was buried in the royal mausoleum of Tama Udun in accordance with traditional Ryukyuan royal funerary rites and the members of his wide household in Tokyo were in mourning for two years. Nevertheless, the demise of the last monarch of the Ryūkyū marked a discontinuity with the past and afterwards in the residence in Kōjimachithe traditional Ryukyuan costume, ceremony and court language gradually fell into disuse²⁰.

From Okinawa to Tokyo

Among the members of the *Okinawa shonenkai* attending the meeting of the association in the residence in Kōjimachi there was Kamiyama Seiryō 神山政良 (1882–1978), whose father was a retainer of Shō Ten and who would have attended the elder son of Shō Ten, Shō Shō 尚昌 (1888–1923), on his journey to Oxford (1911–1915)²¹. We also find two persons who would have become among the most distinguished scholars

¹⁸ Kyan Chōtoku 喜屋武朝徳. Karate no omoide 空手の思い出 (Reminiscence of karate, 1942) // Shidō no kanwebsite, http://www.shidoukan.com/kyan/post_21.html; Ikkisuishaikki. Shorinji-ryu karatedo, kata no keishō to shinjitsu 一器水瀉一器・少林寺流空手道・型の継承と真実 (Ikkisuishaikki. The karate style of the Shaolin Monastery, succession and truth of the model) edited by Okuno Otohiko 奥野乙比古 // http://shao.sakura.ne.jp/shaolin02.htm (both retrieved on 21 December, 2012).

¹⁹ Namimatsu Nobuhisa 並松信久. Higaonna (Higashionna) Kanjun to Okinawa shigaku no hatten 東恩納寛惇と沖縄史学の展開 (Higaonna Kanjun and the development of Okinawa historicalstudy) // Kyōto sangyō daigaku ronshū. Jinbun kagaku keiretsu 京都産業大学論集. 人文科学系列. N. 43. 2011. P. 22–23.

²⁰ Kerr G. H. Okinawa. The History of an Island People. Charles E. Tuttle. Boston–Rutland; Vermont–Tokyo, 2000. P. 452–453.

²¹ Namimatsu. HigaonnaKanjun to Okinawa shigaku no hatten, cit. P. 23, 28; Konsaisu Nihonjinmei jiten コンサイス日本人名事典, (Concise dictionary of Japanese name). Sanseidō, Tōkyō, 1990. P. 125.

of Okinawan studies, namely Higashionna Kanjun 東恩納寛惇 (1882–1963) and Iha Fuyū 伊波普猷 (1876–1947).

While studying at the Imperial University of Tokyo between 1905 and 1908, Higashionna himself was a houseboy at the Kōjimachi residence attending the adopted son-in-law of Shō Tai who had married the ShōTai's elder daughter²². Even after his graduation, he continued to visit the mansion for many years, and he had the opportunity to follow closely the vicissitudes of the Shō family. In some of his works, he mentions the valuable historical records housed in Kōjimachi's villa since the times when he was a student²³. Other precious materials were added in 1910 when Higashionna, who was commissioned to compile a biographical work on the last Ryukyuan king and was named editor in chief, required that the former king-related documents stored in Nakagusuku Udun be moved to Tokyo²⁴. According to Professor Dana Masayuki, the items sent to Tokyo were about one-third of the 723 formal documents running to 2963 volumes that were preserved at that time in Nagakusuku Udun²⁵.

Indeed, Higashionna worked on the documents housed in the Shō family archives in Tokyo for several years. The final work was published in 1924 with the title of *Shō Tai kōjitsuroku* (Veritable record of marquis Shō Tai), where the author addresses Shō Tai by using the title that he had received in May 1885, after coming back from his last visit to Okinawa. The *Jitsuroku* compiled by Higashionna still remains the only work entirely dedicated to the last Ryukyuan king²⁶.

The Shō family treasure in Tokyo was further enriched by the acquisition of items coming from the former mansion of Ryūkyū *han* in Tokyo, in the nearby Mochinozaka 檎木坂, which had been granted to the domain between 1872 and 1879, while other precious articles (including crown

²² Born in 1868 with the name of Majirugani 真鶴金, in 1887 she married Goeku Asatada (Chōi) 護得久朝惟 (1868–1923), who had followed Shō Tai to Tokyo in 1879. *Higashionna*. Shō Tai kōjitsuroku, cit. P. 302, 318, 424, 514.

²³ Namimatsu Cfr. Higaonna Kanjun to Okinawa shigaku no hatten, cit. P. 27.

²⁴ Sonohara Ken 園原謙. Purezensu toshite no Ryūkyū プレゼンスとしての琉球産漆芸科について (The Presence of Ryukyu Lacquer-ware) // Okinawa kenritsu hakubutsukan bijutsukan, Hakubutsukankiyō 沖縄県立博物館・美術館, 博物館紀要 (The Bullettin of Okinawa Prefectural Museum&Art Museum). N. 5. 2012. P. 100.

²⁵ Dana Masayuki 田名真之. Shōkemonjo 尚家文書 (The Shō family Archives) // Okinawa kenritsu hakubutsukan-Ryūkyū shinposha (hen). Shōkekeishō — Ryūkyū ōchō bunkaisan 尚家継承琉球王朝文化遺産. Ryūkyū Shinpōsha. Naha, 1993. P. 67, 112.

²⁶ In this work, starting with the birth of Shō Tai in 1843, the events are arranged chronologically and presented in an impersonal form. Itmainly deals with the period of *Ryūkyū shobun* and, apart from his visit to Okinawa in 1884–1885 and his demise in 1901, the period when the former king lived in Tokyo is scantly described.

caps and Chinese coats with apron-like train) were made on the occasion of the wedding of Shō Shō in 1916 or brought from Okinawa when he announced the birth of his first child, who was a daughter born in 1917²⁷. In 1929, red Chinese costumes, headdress, swords, snake-shin *sanshin* (*shamisen*), leather belts covered in black lacquer and decorated with jewels and stones housed in the Shō family residence in Tokyo were displayed in an exhibition held at the Tokyo Museum, together with items coming from the family treasures of other Japanese aristocrats²⁸.

It is worthy of mention that during the devastating battle of Okinawa, nearly all heirloom items retained in Nakagusuku Udun were destroyed when the palace burned to the ground or, more probably, carried off by U.S. military personnel after the Battle. Actually, in the midst of the fighting, employees of the palace hid them in a gutter on the palace grounds, but when the war ended and they went back there, they found that the antiquities were missing from the place where they had been hidden. Only a manuscript of *Omoro soshi* was later discovered in the United States, and returned to Okinawa in 1953; «the whereabouts of dozens of other pieces, however — including crowns, royal portraits, and lacquer ware — remain unknown»²⁹.

If this loss symbolises the tragedy and ruin that the war inflicted on the islands, the part of the Shō family legacy which was instead relocated from Nakagusuku Udun to Tokyo was saved from complete ruin. Still, the assets retained in Tokyo were threatened at least twice.

The first time was when the Great Kanto Earthquake devastated the region of the capital in September 1923, also ruining the residence in Kōjimachi. Fortunately, the archives were not deeply damaged. This was the second adversity that hit the Shō family in 1923. In fact on June 19, Shō Shō had died from appendicitis after coming back home from a travel in China at the age of 35.He had been the twenty-first head of the family for only three years, since the demise of his father Ten, who perished on 20 September 1920 in Shuri.

Shō Ten was the last crown prince in the Ryūkyū kingdom and the last of the family to be entombed at the royal mausoleum of Tama Udun. Shō Shō was instead the first head of the family to be buried in Tokyo, at the Shinryōin 津梁院, in the district of Taito. With his demise, his elder son Shō Hiroshi 尚裕 (1918–1997), who was only five years old, became the

²⁷ Sonohara. Purezensutoshite no Ryūkyū, cit. P. 100.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Fuji Takayasu. Provenance of Okinawan Artefacts in the United States // American View. Winter 2008 in http://amview.japan.usembassy.gov/e/amview-e20080123-04.html (retrieved on 21 December, 2012).

new head of the family and inherited the title of marquis as well as the responsibility to preserve and maintain the valuable cultural and historical assets of his family.

After the earthquake, the family left the residence in Kōjimachi. On its ground a junior high school was built in 1924, which is now the Tokyo metropolitan Kudan senior high school (Tōkyōtoritsu Kudan kōtōgakkō 九段高等学校. An inscription on the stone-wall surrounding the school attests that it was the place where the last king of Ryūkyū once lived, while the stone wall surrounding the lower part of the school is what remains of his former residence.

The Shō family moved from Kōjimachi to Nanpeidai 南平台, in the southwest area of Shibuya district. On that occasion, the Shō library was reorganized, and Higashionna was requested to help in selecting and cataloguing the literary materials of the library. It was then that he saw six or seven old copies of a volume. When he asked the permission to choose one among them, he was accorded to take it as a reminder of past events. Many years later it was found among the volumes of his private library, which is now housed at the Prefectural Library of Okinawa as Higashionna Collection³⁰.

Information about the fate of the archive as well as of the Shō family's residence in Nanpeitai is very scarce, but it seems that, in pre-war and wartime period, also the new residence was visited by Okinawans who went or moved to the capital. We know for example that the famous Okinawan writer Kushi Fusako 久志美沙子 (1903–1986) used to go there, after he moved to Tokyo around 1930. She was the granddaughter of Kushi Jōhō 久志助法 (1835–1900), an expert of Chinese poetry who was employed as calligrapher at the Hyōjōsho 評定所, the highest law-making body in the royal government, and whose handwritten documents are conserved in the Records of the Ryukyuan royal family Shō at the Naha City Historical Museum³¹. We also know that in 1940, among the members of the *Tōkyō Okinawa kenjinkai* 東京沖縄県人会名簿 (Association of native Okinawans in Tokyo), six individuals were registered at the same address of Shibuya Nanpeidai: the marquis Shō Hiroshi, a relative and four persons employed by the family³².

³⁰ Kobayashi Yoshinori 小林芳規. Okinawa ken no kakuhitsubunken 沖縄県の角筆文献 (Literary sources of Okinawa prefecture) // Kyūko 汲古. N. 33. 1998. P. 20.

³¹ Okinawa taimusu. 21 April 2007 (evening edition).

^{32&}quot;1940 nen no Tōkyō Okinawa kenjinkai 2–Sonoshūhen" 1940 年の東京沖縄県人会②ーその周辺 (The Association of native Okinawans in Tokyo in 1940 and its surround, second part), *Ryūbun 21* 琉文 21 in http://ryubun21.net/index.php?itemid=1016&catid=2 (retrieved on 21 December, 2012).

The Shō family archive was threatened again in the wartime period, but it miraculously survive the devastating air raids on Tokyo. In fact, even if the library was hit, the mud-walled storehouse where the documents were housed escaped damage³³.

Back from Tokyo to Naha (1995-1996)

After the end of the war, Shō Hiroshi was deprived of the title of marquis when the new Constitution was enacted. Educated at the Tokyo Imperial University and lieutenant in the Japanese Imperial Navy during wartime period, he was active in the business world and later became fond of photography. He also dedicated himself to the preservation of his family's assets, including the library. According to the report compiled in 1981 on the basis of a survey conducted by the Cultural Section of the Prefectural Educational Committee of Okinawa in 1973, the Shō family archives included 948 volumes with 465 official documents, 41 sequences of correspondence and 263 single letters³⁴.

Late in his life, Shō Hiroshi became worried about the fate of his family's possessions and thought about the proper way to preserve them. According to some accounts, it seems that he felt it was a duty toward his ancestors. Actually, the question regarding the future of the Shō family's possessions arose in the second half of the 1980s, when it was said that Shō Hiroshi intended to donate the family treasure to the Taitō ward, which seemed to be a more suitable place than Okinawa for preserving them. Obviously, the decision that cultural and historical assets testifying Okinawa's past would not be returned to Okinawa caused strong criticism among people in Okinawa, particularly those from the cultural world, while a lively debate on how to restore, preserve and use records of such high historical and cultural value drew the attention of the public³⁵.

In January 1993, an exhibition called "Treasures from the Shō family Inheritance. The Cultural Legacy of the Kingdom of the Ryukyus" opened at the Okinawa Prefectural Museum in Naha. The message of greeting was delivered by Shō Hiroshi, who expressed his joy for "contributing to the rising enthusiasm of Okinawans for their past" as well as his pride that his family was "able to preserve this irreplaceable heritage intact in Tokyo through the destruction of the Second World War" At that time, the Shikina garden, the Sōgenji temple and the royal mausoleum of Tama Udun

³³ Dana Masayuki. Shōke monjo, cit. P. 67, 112.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Okinawa Taimusu. 20 March 2006.

 $^{^{36}}$ Okinawa kenritsu hakubutsukan-Ryūkyū shinposha (hen). Shōke keishō — Ryūkyū ōchō bunkaisan, cit. P. 107.

had been already donated to Naha City. The treasure of the Shō family was donated later, when the twenty-second descendant of the family decided that it would be the best way to preserve the cultural heritage in the future³⁷. Thus, after many vicissitudes, the Records of the Ryukyuan royal family Shō could be returned to their original place and became a National Treasure. Shō Hiroshi was conferred the honorary citizenship of Naha in 1996, and in Naha he died on 30 August of the following year³⁸. He was entombed in the royal mausoleum of Tama Udun in Izena island, which is said to have been constructed during the reign of king Shō Shin 尚真 (1465–1526)

It took several years before these records, which had survived the demise of Ryukyuan kingdom, their removal from Shuri to Tokyo, the Great Kanto Earthquake, and the air raids on Tokyo, could be open to the scholars. At last this happened in 2010. When I heard the news, I recalled Higashionna Kanjun, his *Jitsuroku*, and his merit of having contributed to the survival of this treasure. I also recalled what he wrote about the estate and the assets of the Shō family, as well as their cultural and historical value. Indeed, he asserted that neither the royal ancestry nor the honoured position of Shō family could make them meritorious to claimthe monopoly of the historical materials they owned. He thought that even if from a legal point of view their ownership belonged to the Shō family, such precious material could not be regarded as a private possession of a family or an individual. "The ownership of History — he stated — belongs to the people" Perhaps, after the opening of the Records of the Ryukyuan royal family to the scholars, what Higashionna hoped for has been fulfilled.

Роза Кароли

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОКРОВИЩА. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РЮКЮСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ СЁ (РЮ:КЮ: КОКУО: СЁ: КЭ КАНКЭЙ СИРЁ:)

Статья призвана воссоздать историю архивных материалов рюкюской королевской семьи Сё со времени ликвидации королевства Рюкю, когда после многовекового нахождения в замке Сюри они были перемещены из него в близлежащую резиденцию наследного принца, которая называлась Накагусуку Удун. Позже часть из них была перевезена из Окинавы в Токио, где они противостояли невзгодам и могли быть в итоге возвращены обратно на Окинаву в недавнее время.

³⁷ Okinawa Taimusu. 20 March 2006.

³⁸ Asahi shinbun. 15 October 1997.

³⁹ Quoted in Namimatsu. Higaonna Kanjun to Okinawa shigaku no hatten, cit. P. 27.

A. P. Jenkins

WILLIAM BOARD, 1854: ARGUMENTS FOR REOPENING HIS CASE¹

Introduction

The common narration of the Board incident suggests that on 12 June 1854 three members of the Perry expedition acting together on an outing in Naha entered several private houses in search of liquor. Two of them sought food in a market, one quarrelling with an official, which led to a stoning. In his drunken course, Board, the third, entered a house where he raped a woman. He left but, pursued by a stone-hurling mob, he ran to the port where he was drowned. Some 24 days after Board's death, and on his return from Edo, Perry pressed for the arrest of the felons and for a treaty. He got both, allowing the Ryūkyūan authorities ($\bar{o}fu$) to sentence the murderers to supposed exile.²

¹Background knowledge of mid-19th-century Ryūkyū is assumed, *simpliciter*, a Chinese Empire outer tributary state while at the same time inconspicuously but tightly controlled from 1609 by Satsuma on behalf of the Shogunate, and knowledge of Commodore Perry's occupation of Naha sea roads and 'Tomari' between 1853 and 1854. See 安里進等、

[「]沖縄県の歴史」山川出版社、東京、2004年 (A History of Okinawa Prefecture) a standard work; Kerr G. H. Okinawa: The History of an Island People (Vermont & Tokyo: Tuttle, 1958) conveys the general outline but his work is riddled with error on details and with assumption, including what he states on Board — hence his near exclusion from this paper. I wish to express thanks to Dr Evgeny Baksheev for his invitation to speak at this conference and for his friendship, to Ono Masako sensei for her years of instruction, and her support of my studies, and to Dr Patrick Beillevaire for reading an early version of this summary and for his ceaseless encouragement. N.B. footnote references are designedly sketchy in this preliminary report.

² See http://seetell.jp/3774 which links the current situation with events during Perry's time, though inaccurately; the same paragraph is also incorporated into http://www.uchinanchu.org/uchinanchu/history_early.htm; Kerr deals with the case pp.330-2, confusing, *inter alia*, different market incidents; George Feifer also treats it in *Breaking Open Japan*... (Smithsonian

Thus, the rape is commonly accepted, but the aim of this preliminary article is to assemble the printed sources with a view to a future detailed exposition of the evidence for the murder and the rape – such an exposition not being possible in this brief report. Though a detail of history, the importance of a murder resulting from an alleged drunken assault needs explanation in relation to, 1st, its effect on standard U.S.-ōfu diplomacy, 2nd its being a marker in an on-going political power shift in Ryūkyū (see the 'Ono thesis' below), 3rd continuing scholarly and social interest (the latter sometimes taking the rape as heralding post-1944 sexual violence in Okinawa), 4th its being a case where the murder victim was posthumously, and much later, accused of rape, and 5th the need to focus historical method more sharply.

Sources

The evidence with which to address those approaches is rich though often conflicting, but little can be mentioned and developed in the space allowed. The justifications for proceeding can be judged against the principal $\bar{o}fu$ source, Perry's two published accounts of his time in Ryūkyū, other American printed evidence, the journal of Bernard Bettelheim, and Ono Masako's work, past and current.

1. The Ryūkyū ōkoku hyōjōsho monjo (RHM)

This series is the most extensive source. Those papers relating to foreign activities in Ryūkyū are two-way policy, action and advice directives and reports between Shuri and its field agents.³ They are thus internal, administrative and usually non-propagandistic, though reports to Satsuma sometimes obscure key facts.

In those records can be traced mutual, cumulative U.S.-Ryūkyūan antagonism and incidents, e.g., $\bar{o}fu$ denial of a free market, and instead purveyance which persistently supplied far less than ordered, though the $\bar{o}fu$ purposely but provocatively sanctioned direct sales of sake. Thus, short of food and wanting even more booze, crewmen went ashore, sometimes with ill results, e.g., mutual physical assault.⁴ Rape being our theme,

Books, Collins, 2006), p.178, but adopts Kerr's errors, and adds that the 'young woman' had a son who might have beaten Board!

³ Ryūkyū ōkoku hyōjōsho monjo 「琉球王国評定所文書」琉球王国評定所文書編集員会浦添市教育委員会, 1988-2003, 20 vols., hereafter RHM (dates cited are Gregorian).

⁴There was a market incident a month earlier involving an American sailor, a butcher, an attempt to purchase pork, a cudgel, a knife and mutual injuries, *RHM7*, p.515, & Bettelheim II,

two other improper incidents are noted: late in 1853, a U.S. officer pinched the nipples of some farming women, and, to minimise the impression of lax foreigner surveillance, a report to Satsuma stated that he had touched the women's hands; later, another officer squeezed the bosom of a Naha stallholder ⁵

Hence to Board, crewman of the USS *Lexington*: the records collectively establish a framework for $\bar{o}fu$ handling of the incident, there being three phases, the 1st a nominal investigation under the *chihō-kan*, and denial of complicity in the death; the 2nd, more active but still a sham procedure after Perry's return from Edo, acknowledging culpability and producing six murder suspects, then a 3rd six months after Perry had left resulting in 14 alleged criminals, 13 new (but none in either set a *samuré*: the exclusive actors and movers in Ryūkyūan society).

This summary does no justice to the cumulative and significant detail revealed in successive reports on the incident, but where Board is concerned the initial statement is minimal. He entered a house occupied by a woman and a girl. He touched the woman's hand(s), she being rescued by the *chikusaji* assigned to tail him. As reports accumulate, the woman emerges as Umitu, a widow of *samuré* stock (the girl her niece); she had screamed, had been run around her living room, resisting a knife-wielding Board, and had fainted during the rape, an accusation which, critically, emerged only after Perry had pressured the $\bar{o}fu$ for a treaty. Again, suspiciously, the $2^{\rm nd}$ investigation found that a neighbouring kinsman named Gima had rescued Umitu, and that the principal murderer was one Kama Tokeshi, while in the $3^{\rm rd}$, her rescuer was Matsunaga *shūsai*, Board's *next* alleged principal murderer!

Ryūkyūan counter-charges included criticism of Perry's unprecedented aggression, and then on July 5 the rape charge. In one meeting, an $\bar{o}fu$ official let slip that Umitu was in her early-mid-50s — a seemingly unguarded comment undermining the rape charge in that it triggered Perry's immediate scepticism.

The internal and external inconsistencies of this immensely rich source raise a series of questions and doubts, and, since no *samuré* is implicated in any investigation, doubts become suspicions.

p.647. Kerr confuses that case with the June 12 marketplace fight, OHIP, p. 331, an error perpetuated by Feifer.

⁵ RHM 7, pp.328-30, 10 Oct. 1853, etc.

⁶ 地方官, 'Mayor of Naha' in Bettelheim and so adopted by the Perry expedition.

⁷ RHM 7, pp.552-3, report dated June 13, the day after the incident.

2. The Perry Sources

Francis Hawkes compiled Perry's *Narrative* from items submitted by expedition members. Board is discussed in one page and seven lines, a surprising summary because it does not mesh with well-known facts. Board's death is a 'supposed murder'; and 'death resulted from blows to the head and subsequent immersion in water... while insensible from the blows....' That, despite Perry's interview with the confessed Tokeshi, and a post-mortem empty-lung finding. Third, it states Perry accepted the probability of a 'most gross outrage on a female', despite reports of his ultimate scepticism. Next, it asserts that Board was 'more than half drunk', despite the widely known post mortem finding of an alcohol-free stomach and his known teetotalism.

Better informed, it mentions the knife, Umitu's niece, and scepticism as to the punishments of the alleged killers, but then it proceeds to self-contradiction on the drowning. So, various points are demonstrably wrong, and there is nothing new. If Perry was still *compos mentis*, and had exercised editorial control, the Board incident summary is unaccountable

The other Perry source is *The Personal Journal*. Despite its title, Perry again occurs in the third person, once more hinting that he relied on an editor. It devotes eight lines to the incident, Board being unnamed. Our confidence immediately evaporates because we read the victim was a 'young girl', and that Board drowned as a result of falling into the harbour. Moreover, there is no scepticism on the sentencing. The case illustrated Perry's disciplinary success, Board the looming exception!

So, both sources are disappointing on the incident, to some extent contradictory, and almost unworthy of evidential citation, or of the credit which One allows the first in her article

3. Other American Sources

As for noteworthy points in unofficial American records, Bayard Taylor comments informatively on $\bar{o}fu$ surveillance practice. ¹⁰ Spalding interprets the Ryūkyūan shame explanation for the concealment of

⁸ Commodore M. C. Perry. Narrative of the Expedition to the China Seas and Japan, 1853–1854, (New York: Dover Publications, 2000, facsimile ed.), pp.492-4.

⁹ *Pineau R.* (ed.). The Japan Expedition 1852–1854: The Personal Journal of Commodore Matthew C. Perry, (Washington D.C.: Smithsonian Institution Press, 1968), p.219.

¹⁰ A Visit to India, China, and Japan, in the Year 1853, (New York: G.P. Putnam & Co., 1855), p.453.

the rape as reason for the initial $\bar{o}fu$ modus operandi. Important for my doubt thesis, he quotes the $S\bar{o}rikan$, 'All men detest rape and are angry at, and would, without thinking, strike and wound the one guilty', uncharacteristically sympathetic if the true criminal(s) were not samuré.

Heine is lengthier, but how should we interpret him on the retrieval of the corpse: 'local people tried to stop [us], but our party prevailed' – righteous, popular outrage or planted rumour? He confirms Board sustained only three injuries, all to the head; further, 'Evidence showed that the deceased had taken no part in the [market] altercation', and 'at that moment he had been on the opposite side of the river... everyone knew [him] to be quiet, even-tempered, and peaceable'.¹²

Williams, the longest source in this group, details the market events, naming the two Marines as Scott and Smith. They were 'tipsy', but 'Board would take nothing' (a teetotaller) and was not at the market attack... The post mortem showed the skull had been almost broken by blows, and congestion of the blood on the brain followed; no spirit was found in the stomach, nor any flesh wounds or cuts on the body' - significant vis-à-vis the surely fabricated and inconsistent confessions in the 3rd investigation. He stresses the impossibility of suffering both frontal and rear injuries in one fall as claimed by the ofu. He finds Ryūkyūan testimony 'so contradictory that no reasonable account of the cause, provocation or mode of death could be obtained.' Official statements made 'it difficult for us to believe anything they said.' It was unacceptable that Umitu was not examined, but he felt the rape 'more likely than anything we had hitherto heard'. Sceptical of the 2nd investigation, he recalls that in China, 'Wretches guilty of some other offense... [were] brought forward and given over to us to do what we liked... the officers would thus have washed their hands of the matter as soon as it assumed a serious aspect.' Despite his insight, he concludes that the criminals had been identified!13

These sources are more valuable than the Perry works and contribute to our knowledge, though not without their own confusions.

¹¹ 総理官, also termed the Regent, Governor General or *Tsung-li-kwan* and *Tsung-ti-ta-fu* in Bettelheim, the mid-level bureaucrat assigned to impersonate a leading *ōfu* minister; *J. W.* Spalding, *The Japan Expedition: Japan and Around the World,...* (London: S. Low, 1855), p.335.

¹² Wilhelm Heine, *With Perry to Japan...* (transl. into English. Honolulu: U. Hawaii P., 1990), p.166.

¹³ S. W. Williams, *A Journal of the Perry Expedition to Japan...* (Transactions of the Asiatic Society of Japan, vol.xxxvii: part II, 1910), pp.228, 229, 233-4, 236, 238.

4. Bettelheim's journal

This journal is largely a newly available source. ¹⁴ In addition to his close involvement in the case, Bettelheim also provides in-depth cultural background on $\bar{o}fu$ surveillance practices, female screaming, and the rather widespread stoning culture.

As a channel between the $\bar{o}fu$ and expedition, it was to him that Board's body was taken, and whom $\bar{o}fu$ representatives approached early in hopes of their version of the market and murder incidents being accepted, and themselves exculpated. Dr Nelson invited him to assist at the post mortem at which the lesions were defined, and absence of water in the lungs and of alcohol in the stomach established. Board's good character is recorded elsewhere but the journal colourfully adds more in recounting Capt. Glasson's anecdotes.

Bettelheim contributes to the odd and perhaps significant problem of funeral arrangements on which the *RHM* also comment. He attended the market-incident hearing and unpicked Ryūkyūan claims by criticising their persistently lumping Board with Smith and Scott, and refuting their claims as to where and how the body was found. When the rape charge emerged on July 5, he significantly records, 'They did not plainly say whether the man merely intended or really did the woman any harm.' Thereafter, he withdrew from direct involvement and only commented on Perry's diplomatic moves and on how the murder was used to achieve his treaty.

Having an eye for detail and an enquiring mind, Bettelheim is an invaluable source on bakumatsu-ki Ryūkyū, and on Perry's presence. He includes his expedition correspondence and some of its $\bar{o}fu$ correspondence texts which he translated to and from Chinese. However, his purpose was the overthrow of the $\bar{o}fu$, and he saw Perry's expedition as one of the best means to that end. His leniency toward Americans colours his views.

¹⁴ Bernard Jean Bettelheim was a British protestant, lay medical missionary resident at Naminoue from 1846. Parts of his journal were summarised and abstracted in the reports of the Loochoo Naval Mission (LNM). Thereafter W. L. Schwartz published some limited abstracts as they related to aspects of Perry's presence in Ryūkyū; those two sources, however, represent only fractions of the journal as it survived in MS in the LNM records, though those themselves probably represent only something over half of what Bettelheim wrote, there being a yawning lacuna between July 1847 and Sep. 1850. This writer edited that material as *The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim, 1845–54, Part I (1845–51)* xxx+640pp. and ... *Part II (1852–54)* x+732pp. (*Okinawa ken-shi, shiryō-hen* 21–22 *kinsei* 2–3, Okinawa Prefectural Board of Education, 2005, 2012). Data on the market and Board incidents occurs in Part II, pp.655-73.

¹⁵ Bettelheim and other sources mentioned above.

¹⁶ 'The character of the deceased was excellent, a very quiet unoffending young man.' Bettelheim Part II, p.657.

The Ono Thesis¹⁷

Ono Masako is an authority on the RHM and author of a 1991 article on the Board incident. 18 Among her interests is Ryūkyūan society and its two élites, the Shuri and Kume-mura (kuninda) samuré castes, the pride of the \bar{o} fu. ¹⁹ They shared administrative duties but certain enviable privileges had accrued to the kuninda, e.g., educational opportunity in China (later shared with the Shuri élite), and, due to their linguistic heritage, the management of the Chinese investiture envoys (sappōshi). With the arrival of Westerners, though, linguistic need tended to English, and the Shuri samuré developed that skill and captured some interpretation duties, too, though the kuninda had administrative responsibility for foreign visitors. There was thus some continuing rivalry and jockeying over status. Ono sees the size of the Perry expedition as causing enormous strain on the kuninda scribal and supervisory machinery. Incidents arising, those men were, as regards competence and disgrace, ultimately answerable to Satsuma, which demanded extreme caution as regards foreign relations and presence.

Ono argues that if a *kuninda samuré* had found a U.S. sailor assaulting a *samuré* woman, his ire might lead, despite his duty, to loss of self-control. Were he to perpetrate a murder, the *ōfu* would conceal his rôle. Were there danger of exposure, scapegoats would, and did, emerge, as Williams foresaw, and I would suggest in a polity ruthless to its non-*samuré* members that the *Sōrikan's* defensive words be recalled. During the 3rd investigation, the 2nd was explained to Satsuma as a hastily botched solution to satisfy Perry,²⁰ Ono sees the motive for the 3rd as a wish to solve the crime, though still pointing out the absence of *samuré* culprits. I see her view of a possible cover-up as needing to be extended to the 3rd investigation, in that possible discontent in some quarter or other might lead to the need to conceal a *samuré*, and so I interpret the 3rd as theatre, too. The 19 accused were all non-*samuré* and so we may be justified in contextualising the case in terms of the decline of the *kuninda*.

¹⁷ The word thesis is mine; Ono's ideas are cautiously expressed as a possible interpretation. Her developing views were expressed in our bi-monthly Bettelheim study circle and what is written here only represents my understanding of her views.

¹⁸ Ono Masako. 「評定所文書覚書 (3) ボード事件にみる女性たち」浦添市立図書館. No. 3, 1991, Dec. pp.36-48 (The Women in the Board Incident, Bulletin of the Urasoe City Library).

¹⁹ Gregory Smits covers aspects of the subject in his Visions of Ryūkyū: Identity and Ideology in Early-Modern Thought and Politics (Honolulu: University of Hawai'i Press, Honolulu, 1999).

²⁰ RHM 8, pp.253-6.

Conclusion

As for the five approaches, turbulence caused the routine ofu denylie-and-delay diplomatic processes to descend into a vortex of right-handleft-hand confusion.²¹ That was followed by increasing *ōfu* defensive mendacity and ultimately the charge of rape. On his part, Perry used increasing muscle, e.g., intimidatory positioning of Marines as a lever. As for the socio-political shifts in Ryūkyū, the possibility of the murderer or instigator to murder being a *kuninda samuré* highlights the strains in the body politic – as suggested both by Ono and Takara. 22 We look for further publication by Ono to articulate her developing analysis and to bring the Board incident to wider scholarly consciousness. As for social interest, Takara recalls 1995 Japanese press approaches regarding Board after the appalling rape of that year. As for justice, Board had no defence counsel to call character witnesses – a non-drinker, and deeds and personality which impressed his acquaintances – or to expose glaringly contradictory *ofu* evidence. As for history, the rape charge emerged, justified or unjustified, at an extremely critical moment and deserves to be placed more clearly in that context rather than cited prior to his death

On sources, let us query not only central *RHM* reliability but also field-officer reports related to their own interests. It has been seen that the private American sources contribute more than the Perry works, and that Bettelheim provides valuable new data. Not yet examined are the U.S. official naval records, a gap which I purpose soon to rectify.

To return to the twice-use term 'touch the hand', it may have been a euphemism for more shameful acts. If not, that first internal report raises the question as to why rape was not reported if it had occurred, despite $\bar{o}fu$ justification for delay owing to its shame culture. If it did occur, was the reporting field officer misled or did he have reason to conceal the facts because of who was involved?

More simple questions: why was a teetotal Board in Umitu's house? Was it food or curiosity? Was he subject to opportunistic lust fulfilment? What of the inhibiting presence of a niece? With a *chikusaji* on his heels, was there time for an assault, especially if Umitu had screamed and grappled with him? Had she resisted his touching a domestic object, might he not have grasped her hand or arm? Might malice or misjudgement arising from xenophobia and the presence of an American in a *samuré*

²¹ Bettelheim II, pp.656, 659.

²² Professor Takara Kurayoshi, editor in chief of the *RHM*, kindly shared his thoughts on the Board case with me in 2012.

house – or even on Umitu's part – have led to the charge? With Perry's pressure becoming unbearable, and if a *samuré* had discovered him there and caused the outcry or stoned him, might not the $\bar{o}fu$ have played a trump card and accused Board of an outrage? How justified is Perry's scepticism as to the rape of a woman possibly more than 30 years Board's senior?²³ Were the stoning injuries inflicted on Scott, and the stoning death of Board merely respective strokes of fortune and misfortune, or were they punishments befitting different misdeeds? I hope to bring greater clarity in a future and longer analysis of the incident.

Энтони П. Дженкинс

УИЛЬЯМ БОРД, 1854: АРГУМЕНТЫ ДЛЯ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ДЕЛА

12 июня 1854 г., когда экспедиция Пэрри находилась на расстоянии от Наха, был убит молодой матрос Уильям Борд. Более трех недель спустя он был обвинен в том, что в этот самый день изнасиловал женщину самурайского сословия возрастом около 50 лет с небольшим. В данной статье собраны и пересмотрены письменные источники, позволяющие по-новому взглянуть на этот инцидент, а именно: правительственные материалы Рюкю, два документа Пэрри, различные дневники участников экспедиции, а также подготовленный недавно к печати дневник миссионера Бернарда Беттельхайма. При оценке достоверности этих записей автор помещает инцидент в контекст дипломатических хитростей рюкюской стороны, внутренних политических и социальных конфликтов в Рюкю, а также сильного давления со стороны Пэрри ради получения договора с Рюкю. Также рассматривается интерпретация этого иншилента Оно Масако.

²³ Besides Bettelheim, other American sources refer to him as young.

КЕРАМИЧЕСКИЕ И ЛАКОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ РЮКЮ

Производство керамических изделий — один из самых древних видов ремесел Рюкю. Первое появление керамики на архипелаге отмечено около 6600 лет назад. Тема гончарного производства в доисторический период обширна и самостоятельна, заметим лишь, что древние образцы отличались как заметным влиянием культуры Кюсю, так и отчетливым региональным характером. Кроме того, в древний период выделялись культурные ареалы островов Амами — Окинава и островов Сакисима. К кон. XI — пер. пол. XII в. относится повсеместное распространение керамики камуияки, имевшей большое сходство с керамикой Корё. Период XII–XV вв. вошел в историю Рюкю как период гусуку, когда на архипелаге шел процесс создания государства, завершившийся в 1429 г. образованием Королевства Рюкю. Импортирование керамики, начавшееся в XII в. из Китая, достигает своего пика в кон. XIV — XV в., когда Рюкю, помимо Китая, включается в активную торговлю с Кореей, Японией и странами Юго-Восточной Азии. В конце XVI в. королевское правительство основало в Наха ведомство по контролю за производством керамики — Кавара Бугёсё.

Традиционно рюкюскую керамику принято делить на *араяки* (неглазурованная керамика) и $\partial s\ddot{e}s\kappa u$ (глазурованная керамика). Стиль араяки возник и получил свое развитие в XV–XVI вв. Большие керамические сосуды использовались для перевозки авамори. *Тибана* и *Кина* — первые печи для производства данной керамики.

В 1616 г. на Окинаву были приглашены трое корейских мастеров-керамистов. Один из них — Тё Итироку (яп. Накати Рэйсин) не вернулся обратно в Корею, а обосновался в Наха, в районе

Вакута¹. Изделия *вакута-яки* стали первыми изделиями, в производстве которых применялась глазурь.

Дальнейшее развитие техники *дзёяки* связано с именем мастера Хирата Тэнсу. В конце XVII в. его послали учиться в Китай. По возвращении мастер сделал черепичную крышу с фигурой льва главного зала Сэйдэн королевского дворца Сюри. Он также являлся автором техники глазурования *Акаэ*. Изделия, выполненные в этой технике, считались самыми высококачественными в окинавском гончарном искусстве. В начале XVIII в. в Сацума обучаться особенностям местного производства керамики был отправлен мастер Накандакари Тигэн. Таким образом, гончарное искусство, подобно другим традиционным видам рюкюского искусства, складывалось под влиянием техник, заимствованных у мастеров стран Юго-Восточной Азии, Китая, Японии, Кореи. В сплаве с местными традициями родилась оригинальная эстетика окинавской керамики.

В 1682 г. гончарные цеха Тибана, Такарагути и Вакута были соединены в один цех Цубоя, в котором был налажен массовый выпуск гончарных изделий не только для внутреннего потребления, но и на экспорт. С того времени Цубоя превратился в целый квартал, где жили и работали мастера-гончары, а само название стало синонимом окинавской керамики в целом. После Второй мировой войны восстановление столицы Окинавы Наха началось именно с Цубоя — местным жителям требовалась черепица для крыш, а также домашняя утварь и посуда. Со временем использование традиционных печей ноборигама в Цубоя было запрещено, так как они сильно загрязняли воздух, поэтому мастера, придерживающиеся традиционных методов обжига, переехали из Наха в такие местечки, как деревня Ёмитан. С 1970-х гг. стали применяться газовые печи. В настоящее время около 15 гончарных мастерских располагаются в Цубоя и более сотни разбросаны по всей префектуре. Существуют целые династии мастеров, сохраняющих традиции гончарного искусства Окинавы.

Состав сырья определяется назначением изделия; для изделий *араяки* чаще всего используется два сорта глины, которые смешиваются в определенной пропорции. В настоящее время процессы смешивания, измельчения, просеивания, вымешивания глины производятся в основном машинным способом. После вымешивания глина должна некоторое время «вылежаться», что позволяет увеличить ее вязкость.

¹ Ceramics Okinawa's Tableware. [Электронный ресурс]: Uchina Series: Colors and Forms of Okinawa, 2004. URL: http://www.pref.okinawa.jp.

Формование изделий араяки производится при помощи гончарного круга. Техника формовки зависит от величины изделия. Например, маленькие чайные чашки делаются следующим образом: на круг кладется большой конусообразный кусок глины, мастер, вращая колесо, делает чашку и готовый сосуд отрезает ниткой. Особый интерес, на наш взгляд, представляет формование изделий больших размеров. Сначала техникой налепных валиков формуется нижняя часть изделия, после чего она высушивается: внутрь помещаются горящие угли или дрова. Затем формуется верхняя часть. Чтобы глина хорошо затвердела, мастер, прикладывая изнутри специальный мастерок, снаружи поколачивает сосуд, вращая гончарный круг. В последнюю очередь делается устье.

Араяки — уникальный стиль в мире керамического искусства, где особую красоту изделиям придает своеобразный декор в виде объемных аппликаций: мастер отдельно вылепливает фигурки драконов, горы, волны, цветы и т. д., и приклеивает их на сосуд. Используется и гравировка, когда узоры наносятся специальным шпателем.

После формования и украшения изделие медленно сушится в специальной комнате, а затем подвергается обжигу. Обжиговая печь большая, в форме гребня, внутри нет никаких отделов. На дне располагается очаг, справа от которого — дверцы, вверху дымоход. Печь разогревается в течение 11 часов, при этом температура постоянно повышается. Температура обжига араяки 1120 С°. Спустя 55 часов с момента розжига печи огонь гасится и в течение 4 дней печь остывает². Изделия араяки подвергаются обжигу только один раз.

Для изготовления керамики *дзёяки* используется смесь из трех и более сортов глины. Изделия формуются на гончарном круге, который окинавские мастера, в отличие от японских, крутят против часовой стрелки. Техника формовки различается в зависимости от величины и назначения изделия. Например, при производстве больших тарелок используется техника налепных валиков. *Дати-бин* (фляжка для авамори) и *сиса* (фигурка льва, помещаемая на крышу дома для защиты от злых духов) делаются при помощи форм (см. цв. вкл., ил. 8). Технология изготовления погребальных урн следующая: делается ящик нужной формы, изнутри он обмазывается слоем глиной толщиной 3 см, когда глина наполовину высохнет, ящик разбивается.

² Okinawan pottery. [Электронный ресурс]: Wonder Okinawa 2003. URL: http://www.wonder-okinawa.jp.

Приемы декора изделий дзёяки самые разнообразные. Рисунок может наноситься кистью, при помощи трафаретов или специальным шпателем на быстро вращающемся гончарном круге. Применяется и гравировка: узор вырезается металлическим карандашом после предварительного покрытия, затем бороздки заливаются глазурью, и поверхность сосуда полируется, за исключением той части, где нанесен узор.

Как уже отмечалось выше, отличительной чертой керамики дзёяки является глазурование. Специалисты отмечают, что «появление глазурованной керамики является важной эпохой в керамическом производстве. Глазурование гончарных изделий тугоплавкими глазурями при высоком температурном режиме придало изделиям прочность, полную водонепроницаемость»³. Традиционные окинавские глазури включают пепельную глазурь, желто-коричневую (амэгусури), голубую кобальтовую госу, зеленую.

Существует несколько способов глазурования. Маленькие и средних размеров сосуды полностью опускают в глазурь; сосуды больших размеров ставят на гончарный круг и, вращая его, поливают ковшиком. Также изделия покрывают тканью, пропитанной глазурью, последовательно три раза, с каждым разом увеличивая толщину покрытия. Техника, использующаяся, чтобы покрыть тарелку или чашку изнутри, состоит в следующем: нужное количество глазури наливается в сосуд, а затем излишки убираются на вращающемся гончарном круге. На большие и нестандартные по форме изделия эмаль наносится кисточкой, нарочитая небрежность мазков придает изделиям дополнительное очарование. Чтобы создать различные оттенки, эмаль разных цветов накладывается одна на другую⁴.

Основной обжиг производится в обжиговой печи, которая разделена на множество камер. Большие изделия устанавливаются в наиболее близкую к очагу камеру. В верхних камерах находятся полки, с краю на них ставят более жаропрочные изделия, позади них — менее жаропрочные. После разжигания огня требуется 18 часов, чтобы обеспечить нужную температуру в печи. Температура обжига изделий дзёяки 1100 С°. В настоящее время кроме традиционных обжиговых печей применяются электрические и газовые печи.

³ Деревянко Е. И. К вопросу о состоянии исследований керамики в дальневосточном регионе // Керамика как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1989. С. 45.

⁴ Okinawan pottery. [Электронный ресурс]: Wonder Okinawa 2003. URL: http://www.wonder-okinawa.jp.

Горшки для хранения соевой пасты *мисо*, чашки и церемониальные бутылочки для *сакэ*, чайники, фляжки для *авамори* (дати-бин), погребальные урны — эти и другие изделия окинавских мастеровкерамистов пользуются спросом не только у местных жителей, но и у многочисленных туристов.

Наряду с керамикой Окинава славится и своими лаковыми изделиями. Сама природа помогает местным мастерам лаковых изделий: высокая влажность (более 80 %), среднегодовая температура около 22 C° и большое количество ультрафиолета необходимы для процессов окисления и сушки лака. Именно в данных климатических условиях «работает» специфический фермент, способствующий сушке лака, добываемого из дерева уруси. Процесс сушки, проводимый в естественных условиях, позволяет добиться того неповторимого оттенка, который присущ окинавским лаковым изделиям. От природы молочно-белый лак уруси в процессе окисления приобретает темнокоричневый оттенок, а под воздействием интенсивного ультрафиолета становится прозрачным. Если к нему добавить киноварь, то получается уникальный ярко-красный цвет, насыщенный и чистый, которым славятся лаковые изделия Окинавы. К уруси также добавляется тунговое масло, что придает дополнительный глянец конечному изделию — еще одно уникальное свойство лакового искусства Рюкю.

Использование в качестве исходного материала местных пород деревьев ∂ эйго и *ситамаги* обуславливает особую прочность изделий, поскольку древесина этих деревьев устойчива к растрескиванию и рассыханию, что позволяет изделиям сохранять требуемое качество независимо от условий хранения.

До недавнего времени сохранялась и уникальная техника предварительного покрытия изделий с применением свиной крови⁵. Поскольку древесина *дэйго* пористая и грубая, для предварительной грунтовки изделий из нее требуется большое количество материала, а свиная кровь, являясь мощным коагулянтом, была в то же время дешевым и доступным материалом. Кровь смешивали с тунговым маслом и особой глиной и наносили этот состав на изделие, придавая ему тем самым дополнительную прочность. Сегодня в массовом лаковом производстве используется синтетическая смола.

В период Королевства Рюкю лаковые изделия являлись важным экспортным товаром, поэтому было создано правительственное ведомство *Кайдзури бугёсё*, в ведении которого и находилось про-

 $^{^5}$ *Сапронов В. А.* Остров, куда не вернулся мир. Очерки об Окинаве. М.: Наука, 1981. С. 124.

изводство лаковых изделий. Ведомство контролировало работу мастерских, заказ в которых делался только после того, как была утверждена каждая деталь изделия на основе эскиза, выполненного художником Kaudypu $byrece^6$.

Известно несколько техник декора рюкюских лаковых изделий. В основе своей они — китайские и были завезены на Рюкю в XV—XVI вв. Однако рюкюские мастера внесли немало нововведений в китайские техники, и со временем сложился отличительный окинавский стиль лака.

Одной из уникальных техник рюкюского лакового искусства являлась *цуйкин*. Особенность ее заключалась в том, что покрытая несколькими слоями лака поверхность изделия сначала гравировалась, а затем узоры окрашивались смесью различных пигментов и сырого лака. Многие узоры, свойственные этой технике, представляли идиллические пейзажи, цветы и птицы. В периоды Тайсё и Сёва были популярны узоры из банановых листьев, листьев папайя и арабески.

Необычайно красивыми и эффектными являлись изделия, выполненные в технике радэн. Для декора здесь использовались раковины якогай и аваби. Плоскую часть раковин вытягивали в очень тонкие пластинки (толщиной с бумагу), из пластинок вырезали узоры, которые крепились на изделие, тем самым создавался прекрасный разноцветный дизайн, подчеркиваемый натуральными красными и зелеными оттенками раковин. Красные части раковин использовались для красных цветов, а голубые и голубовато-зеленые оттенки — для зеленых листьев. Утонченная техника радэн, заимствованная из Китая, на Рюкю получила новое развитие. Однако спрос на роскошные высококачественные лаковые изделия упал после эпохи Мэйдзи. Техника изготовления тонких полос из раковин очень сложная, а процесс создания изделия трудоемкий. По этим причинам эта техника практически исчезла.

Особенность техники декорирования *тинкин* состояла в том, что узоры вырезались специальным ножом на полированной лаковой поверхности, и лак заливался в образовавшиеся канавки. Затем канавки с непросохшим лаком заполнялись золотыми листьями или золотой пылью. Комбинация чистого ярко-красного цвета с золотом придает рюкюским изделиям необычайную пышность в отличие от подобного рода японских изделий, отличающихся темно-красным цветом⁷.

 $^{^6}$ Рюкю но такарамоно = Сокровища Рюкю // Нихон кэйдзай симбун. 2004. 18 янв. С. 22

 $^{^7}$ Cultural properties of Okinawa. Part III. Naha: Okinawa prefectural board of education, 2000. P. 157.

Простая, но очень эффективная техника *хакуэ*, применяющаяся в лаковом производстве Рюкю, широко использовалась для изготовления как маленьких, так и больших изделий. Сначала рисунок наносился лаком, затем поверх него накладывались золотые листы. После полного высыхания лака избыточные золотые листы удалялись, и по внешнему контуру рисунка наносился черный лак. Техника *макиэ* была известна в Японии с раннего средневековья.

Исследовательница японского искусства Джоан Стэнли-Бейкер пишет: «И хотя исследователи так и не пришли к единому мнению относительно происхождения техники (макиэ), при которой цветная, золотая и серебряная пыль или частички распылялись поверх еще липкого лака, ее использование в период Фудзивара свидетельствует о том, что она, бесспорно, соединилась с японским вкусом. Тонкие оттенки пыли создают нюансы, прежде невиданные в лаковых вещах. На ранней стадии технологии покрывался лаком только рисунок. Позже и в более сложных формах рельефные узоры и вся поверхность предмета покрывались несколькими слоями лака и краски или металлической пыли. Каждый слой лака тщательно чистился до основной поверхности и полировался до блеска так, чтобы основной узор немного выступал»⁸. Техника макиэ была менее развита на Окинаве по сравнению с остальными регионами Японии, тем не менее она использовалась для создания традиционных коробочек для еды и емкостей для горячих напитков.

Техника урусиэ (когда рисунок наносится цветным лаком) стала популярной на Окинаве после эры Сёва в производстве изделий для туристов. Часто комбинировалась с другими техниками, например, такими как тинкин.

В различные периоды истории Рюкю преимущество получали те или иные техники и дизайн лаковых изделий. В период Королевства Рюкю до захвата его кланом Сацума наиболее распространенной была техника тинкин, которая в это время достигла своего совершенства. На ярко-красной поверхности наносился узор в виде облаков, фениксов, арабесок. Лаковые изделия были важной составляющей внешней торговли королевства.

В период с 1609—1879 гг. мастера лаковых изделий в основном производили изделия черного цвета в китайском стиле по заказу сацумских князей. Рюкюские изделия выдавались за произведенные в Китае и преподносились сёгуну и членам его семьи в качестве подарков. Многие рюкюские лаковые изделия, такие как чаши и подносы,

⁸ Стэнли-Бейкер Дж. Искусство Японии. М.: Слово/Slovo, 2002. С. 114.

исполненные в технике радэн на черном фоне, с узорами в виде облаков и драконов, использовались как предметы дани, выплачиваемой Китаю (рис. 1). Поскольку деятельность в Кайдзури бугёсё активизировалась, мастера лакового производства посылались в Китай для обучения новым техникам. Именно в этот период появилась техника цуйкин.

После аннексии Королевства Рюкю в 1879 г. Кайдзури бугёсё было расформировано и мастера лаковых изделий перешли на работу в частные мастерские, концентрировавшиеся в районе Вакаса в г. Наха и в так называемом «квартале художников». Производство лаковых изделий было превращено в индустрию, которая оказалась в руках японцев из Осака и Кагосима. Рюкюские лаковые изделия в этот период представлены преимущественно дешевыми предметами повседневного быта, китайский дизайн сменился на японский, основу которого составляли сосна, бамбук, журавль или окинавские пейзажи. Большое количество изделий отправлялось в район Кансай и на Кюсю. Рюкюские лаковые изделия ярко-красных оттенков и в стиле цуйкин имели наибольший спрос на японском рынке.

В 1927 г. в целях стимулирования экономики Окинавы, которая пребывала в состоянии депрессии после первой мировой войны, был построен Окинавский промышленный учебный центр для обучения рюкюскому лаковому производству. Основную часть изделий, выполненных мастерами лакового искусства, составляли чашки, блюда для фруктов, подставки под электрические приборы, подносы, разного рода канцелярские товары. Многие из них экспортировались

Рис. 1. Поднос. Техника радэн

в США, Великобританию, Южную Америку, Китай, Индию, Гонгконг, Голландию. В годы войны в связи с переводом всех отраслей промышленности на военные нужды, массированными бомбардировками Наха в числе традиционных ремесленных производств практически исчезла и лаковая промышленность.

Восстановление производства рюкюских лаковых изделий началось в послевоенный период. В 1947 г. была основана Окинавская лаковая компания. Предметы рюкюского искусства в качестве сувениров приобрели особую популярность среди американских военных. Учитывая пожелания американцев, изготавливались кофейные чашки, кофейные столики, тарелки, подставки под электроприборы, шахматные доски. Большинство изделий раскрашивались в черный цвет, известный как «тайна Востока», украшались яркими цветами гибискуса с применением техники цуйкин. Делались и дощечки с именем в технике радэн. Несмотря на сугубо утилитарную направленность традиционного искусства в данный период времени, обсуждалось и возобновление производства классических изделий. В 1967 г. молодые мастера основали Окинавскую ассоциацию лаковых изделий Уруси, которая занималась изготовлением изделий в классических рафинированных техниках, образцы выставлялись на самой известной окинавской выставке искусств — Окитэн. В конце 1960-х гг. началась новая волна возрождения рюкюского лакового искусства Уруси.

В настоящее время рюкюское лаковое искусство получило поддержку в связи со спросом на традиционные предметы быта и развитием туризма. Техника цуйкин используется при производстве большинства работ в современном массовом лаковом производстве. Многие предметы домашнего обихода просто красятся в красный или черный цвет без дополнительного узора.

В 1974 г. администрацией префектуры Окинава были учреждены Центр по производству изделий традиционных искусств и ремесел, а также Институт изучения традиционных искусств и ремесел.

В честь пятилетней годовщины возвращения Окинавы в состав Японии, в 1977 г. вышел в свет сборник «Лаковые изделия Рюкю». В 1978 г. была организована выставка лаковых изделий Рюкю, спонсором которой также выступили Музей искусств Токугава и Музей Нэдзу. Недавние исследования подтвердили, что многие лаковые изделия, которые как полагали, были сделаны в Китае, в действительности были сделаны на Рюкю. История рюкюского лакового искусства была переписана, а само искусство получило признание в рамках всей страны.

В 1990 г. был открыт Музей искусств Урасоэ, основной задачей которого является изучение, собрание и экспозиция предметов рюкюского лакового искусства. В 1991 г. рюкюское лаковое искусство было признано Национальным культурным достоянием, наряду с именами признанных мастеров: Хёю Кадэна, Ики Киндзё и Коин Маэда.

Janna Bajenova

THE RYUKYUAN CERAMICS AND LACQUERWARE

The traditional Ryukyuan ceramics and lacquerware like the other traditional arts and crafts of Okinawa were influenced by the techniques of Southeast Asia, Korea, China, Japan. Ryukyuan pottery is generally classified into two categories: unglazed *Arayaki* ware and glazed *Joyaki* ware. The traditional pottery of Okinawa is simple in shape, often with bold decoration and has overall unhurried feel to it. Ryukyuan lacquer comes in a number of standard categories: painted lacquer, carved, incised and filled in with gold and inlaid of mother-of-pearl. Its distinctive features: vermillion color, *tsuikin* appliqué and *raden* inlay techniques are intimately related to the climatic conditions in Okinawa.

Список авторов List of contributors

Алпатов Владимир Михайлович

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН (Москва) V-ALPATOV @JVRAN . RU

Аракава Синтаро (荒川慎太郎)

Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies (Japan)
ARAKAWA @ AA. TUFS. AC. JP

Баженова Жанна Михайловна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток) ВJANNAM @ MAIL . RU

Бакшеев Евгений Сергеевич

кандидат культурологии, руководитель Центра изучения японской культуры Российского института культурологии Министерства культуры РФ (Москва)

EVGBAK@YAHOO.CO.JP, E-BAKSHEEV@YANDEX.RU

Богданов Кирилл Михайлович

младший научный сотрудник Отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) КНМАЕ @ LIST . RU

Ермакова Людмила Михайловна

доктор филологических наук, профессор Муниципального университета иностранных языков г. Кобэ (Япония) ERMAKOVA @GOL.COM

Дженкинс Энтони Филип (Jenkins Anthony Philip)

Fellow of the Royal Historical Society (Great Britain), Professor at Okinawa Prefectural University of Arts (Okinawa, Japan) APJ-MO@MB3.SEIKYOU.NE.JP

Зайцев Вячеслав Петрович

научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) SLDR76@GMAIL.COM

Икута Митико (生田美智子)

доктор филологических наук, почетный профессор Осакского университета (Япония) AKAZN800 @ TCN.ZAQ.NE.JP

Каримата Кэйити (狩俣惠一)

Professor at Okinawa International University (Japan), PhD K-GANIKU-T@OKINAWA.EMAIL.NE.JP

Каримата Сигэхиса (狩俣繁久)

Professor at University of the Ryukyus (Japan) KARIMATA @,LL.U-RYUKYU.AC.JP

Кароли Роза (Caroli Rosa)

Associate professor at Ca'Foscari University of Venice (Italy), PhD CAROLI@UNIVE.IT

Като Кюдзо (加藤九祚)

Honorary member of the Russian Academy of Sciences, Director of International Silk Road Academy (Japan)

Кий Евгений Александрович

кандидат философских наук, младший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Востока философского факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

EVGENIY.KIY@GMAIL.COM

Климов Вадим Юрьевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) KLIMOVVADIM @ RAMBLER. RU

Маранджян Каринэ Генриховна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) KMARANDJ@GMAIL.COM

Марахонова Светлана Ивановна

кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Древнего Востока Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) SIMARAKH@YAHOO.COM

Новикова Анна Андреевна

аспирант кафедры истории и культуры Японии ИСАА МГУ (Москва) KITSUNE86@MAIL.RU

Список авторов 289

Попова Ирина Федоровна

доктор исторических наук, профессор, директор Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) POPOVA @ORIENTALSTUDIES.RU

Рыбин Виктор Викторович

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой японоведения Восточного факультета СПбГУ (Санкт-Петербург) RYBINVIC1 @ HOTMAIL . COM

Савада Кадзухико (沢田和彦)

доктор филологических наук, профессор Государственного университета Сайтама (Япония) SAWADA@MAIL.SAITAMA-U.AC.JP

Симонова-Гудзенко Екатерина Кирилловна

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культуры Японии ИСАА МГУ (Москва) EKSIMONOVA @MAIL.RU

Танака Мидзуэ (田中水絵)

исследователь, писатель, член Общества окинавской культуры (Япония) MIZUE-ISOBA @NIFTY . COM

Тангику Ицудзи (丹菊逸治**)** *Center for Ainu and Indigenous Studies, Hokkaido University (Japan)*TANGIKU@LET.HOKUDAI.AC.JP

Танимото Акихиса (谷本晃久)

Associate Professor, Graduate School of Letters, Hokkaido University (Japan) AJTNMT@LET.HOKUDAI.AC.JP

Цуха Такаси (津波高志)

Honorary Professor at University of the Ryukyus (Japan) TSUHΑΓΤ @GMAIL . COM

Щепкин Василий Владимирович

кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) VSHEPKIN @, GMAIL . COM

Ярош Александра (Jarosz Aleksandra)

post-graduate student at Adam Mickiewicz University, Poznan (Poland) WAKAINOKAMI@GMAIL.COM

Содержание Contents

Предисловие	6
Раздел 1. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Н. А. НЕВСКОГО	10
В. П. Зайцев. К вопросу о дате рождения Н. А. Невского Като Кюдзо (加藤九祚). О методах исследования	10
национальных культур у Н. А. Невского и В. В. Радлова . <i>Савада Кадзухико</i> (沢田和彦). Н. А. Невский в документах	28
тайной политической полиции Японии	32
Исихама — инициаторы создания японского востоковедения в Осака	40
Е. А. Кий. Н. А. Невский и Государственный Эрмитаж	49
(по письмам российских востоковедов)	59
разговорного японского языка» Ивана Хвана	66
Раздел 2. ЯПОНОВЕДЕНИЕ	74
В. М. Алпатов. Николай Александрович Невский — японист	74
Л. М. Ермакова. О мотиве «ныряльщика» в японской мифо-	
логии	82
по исторической географии Японии	95
	107
В. В. Рыбин. К анализу Н. А. Невским японской акцентной системы	117
Раздел 3. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА АЙНОВ	124
<i>Tangiku Itsuji</i> (丹菊逸治). Ainu folklore studies today and Nikolai Nevskii	124
В. Ю. Климов. Рукопись «Дело о повторном разбое русских на [землях] Эдзо 「魯人再掠蝦夷」(родзин сайряку эдзо)	129

Танимото Акихиса (谷本晃久). Конторские книги в торговле с айнами Сахалина	49
Раздел 4. ТАНГУТОВЕДЕНИЕ	57
Аракава Синтаро (荒川慎太郎). Заслуги Н. А. Невского в исследовании тангутского языка	
фонд, ИВР РАН)1	
Раздел 5. Н. А. НЕВСКИЙ И РЮКЮ	79
К возрождению рюкюанистики в России: специальные лекции по культуре Рюкю <i>Цуха Такаси</i> (津波高志). Две культуры островной дуги Рюкю: общее и особенное в культурах Окинавы и	
Амами 1	81
Каримата Кэйити (狩俣恵一). Очерк устного народного творчества Рюкю	
Karimata Shigehisa (狩俣繫久). Ryukyuan languages and N. Nevsky's research on the Miyako language	04
Николай Невский и Мияко Танака Мидзуэ (田中水絵). Почему Невский отправился	
на острова Мияко? Новый взгляд исходя из работ Е. Д. Поливанова и неизвестной статьи А. Вирта	16
«Матерьялы для изучения говора островов Мияко» 2. A. Jarosz. Nikolai Nevsky's Notes on the Miyako dialects	25
as a Ryūkyūan comparative linguistics research tool 2	45
История и культура Рюкю	
R. Caroli. Travels of a national treasure. The records of the Ryukyuan royal family Shō (Ryūkyū kokuō Shō	
ke kankei shiryō)	
his case	
Список авторов / List of contributors	87

Научное издание

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ: ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ Сборник статей

Корректор В. С. Волкова
Технический редактор Е. М. Денисова
Художественное оформление С. В. Лебединского

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 20.06.2013. Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 18,25. Заказ №

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11